

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Т. 15, № 3 (2024)

EASTERN ANALYTICS
Vol. 15, No. 3 (2024)

ISSN 2227-5568 (Print)
DOI: 10.31696/2227-5568-2024-03

EASTERN ANALYTICS

Vol. 15, No. 3 (2024)

Information about the journal

The journal *Eastern Analytics* is a print peer-reviewed academic journal. The Journal is being published since 2010. Since 2015 it has annually 4 issues.

Form of distribution – print media, journal.

Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor):
PI No. FS77-82197 dated October 26, 2021.

Registered in the ISSN National Centre of the Russian Federation, Russian Book Chamber:
ISSN 2227-5568 (Print). Dated December 14, 2015. Title proper: Vostočnáâ analitika.
Parallel title: Eastern Analytics.

The media founder & Publisher

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: www.ivran.ru

Address of the Editorial Office

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: <https://analitika.ivran.ru>. E-mail: analitika@ivran.ru

The journal articles do not necessarily reflect the official views of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, the editorial board and the editorial staff of the journal. The editorial staff is not responsible for the accuracy and reliability of the information provided by the authors.

The articles published in the journal "Eastern Analytics" have passed the procedure of anonymous peer review and expert selection.

© "Eastern analytics", 2024

© IOS RAS, 2024

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Т. 15, № 3 (2024)

Информация об издании

Рецензируемый научный академический журнал.
Печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.
Издается с 2010 г., с 2015 г. – 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-82197 от 26.10.2021 г.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации:
ISSN 2227-5568 (Print). От 14.12.2015 г. : Vostochnaâ analitika.
Параллельное название: Eastern Analytics.

Учредитель, Издатель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Веб-сайт: www.ivran.ru

Редакция

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, ком. 408.
Веб-сайт: <https://analitika.ivran.ru>. E-mail: analitika@ivran.ru

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН,
редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность
и достоверность сведений, приводимых авторами.

Опубликованные в журнале «Восточная аналитика» статьи прошли процедуру
анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Editorial Staff

Akimov Alexander Vladimirovich – *Editor-in-Chief*, Doctor of Economics, Head of Department of Economic Research, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Fedulov Ilya Viktorovich – Deputy Chief Editor, Candidate of Technical Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Shchepilova Elena Feliksovna – Editorial Secretary, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Editorial Board

Naumkin Vitaly Vyacheslavovich – Chairman of the Editorial Board, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Scientific Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

Belokremitsky Vyacheslav Yakovlevich – Deputy Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Vorontsov Alexander Valentinovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Voskresensky Alexey Dmitrievich – Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Oriental Studies, Director of the Center for Integrated Chinese Studies and Regional Projects of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Zvyagelskaya Irina Donovna – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for Middle Eastern Studies of the E. M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Isaev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of International Economic Relations of Asia and Africa, Institute of Asian and African Countries, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Kuznetsov Vasily Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Faculty of World Politics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Mamedova Nina Mikhailovna – Candidate of Economic Sciences, Head, Iranian Sector, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Melyantsev Vitaly Albertovich – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of International Economic Relations of Asia and Africa, Institute of Asian and African Countries, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Mosyakov Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head, Center for the Study of Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Panarin Sergey Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Head, Center for the Study of General Problems of the Modern East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Streltsov Dmitry Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Head of the laboratory "Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies", Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Ulchenko Natalia Yurievna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Economic Geography of Asia and Africa, M.V. Lomonosov Moscow State University; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Shaumyan Tatiana L'vovna – Candidate of Historical Sciences, Head, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Редакция

Акимов Александр Владимирович – главный редактор, д-р экон. наук, зав. отделом экономических исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Федулов Илья Викторович – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Щепилова Елена Феликсовна – отв. секретарь редакции, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Редакционная коллегия

Наумкин Виталий Вячеславович – председатель редакционной коллегии, академик Российской академии наук, д-р ист. наук, проф., научный руководитель Института востоковедения РАН.

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – заместитель председателя редакционной коллегии, д-р ист. наук, проф., заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Воронцов Александр Валентинович – канд. ист. наук, заведующий отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Воскресенский Алексей Дмитриевич – д-р полит. наук, профессор кафедры востоковедения, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Звягельская Ирина Доновна – член-корр. Российской академии наук, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра ближневосточных исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Исаев Владимир Александрович – д-р экон. наук, профессор кафедры международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Кузнецов Василий Александрович – канд. ист. наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, доцент факультета мировой политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Мамедова Нина Михайловна – канд. экон. наук, зав. сектором Ирана, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Мельянцева Виталий Альбертович – член-корр. Российской академии наук, д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Мосяков Дмитрий Валентинович – д-р ист. наук, проф., зав. Центром изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Панарин Сергей Алексеевич – канд. ист. наук, зав. Центром исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Стрельцов Дмитрий Викторович – д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой востоковедения, руководитель лаборатории «Центр японских, корейских и монгольских исследований», Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Ульченко Наталия Юрьевна – д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономики и экономической географии стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Шаумян Татьяна Львовна – канд. ист. наук, зав. Центром индийских исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

CONTENTS

ECONOMICS

G. Gukasyan

Problems of the Oil Policy of the Arabian Monarchies in the Context
of Protecting the Interests of OPEC+ and Cooperation with Russia 9

M. Zembatov

Oil Shock of 1973 and Modern Times:
Non-Military Methods of Countering Global Threats 23

Daniyal Ranjbar Meshkin

International North-South Transport Corridor
as a Tool to Counter Western Sanctions 38

I. Fedulov

Transport Corridors – a Long Way from Political Statements
to Practical Implementation..... 50

POLITICS

V. Apostolov

Saudi Arabia's Religious Diplomacy 71

V. Akhmedov

Nonmilitary Tools in Iran's Mideast Politics:
Reasons, Practices, Results..... 81

R. Kazariyan

The "Sunshine" policy as a tool for the political
and diplomatic settlement of the Korean issue..... 91

V. Kirichenko

Algerian leadership's response to the situation in Mali:
rejection of military intervention..... 102

S. Melnikova

India's Non-Violent Methods within the Framework of its Kashmir Policy..... 112

D. Mileev

Non-military Methods of Japan's Foreign Policy 125

M. Pakhomova

The Institute of the Special Envoy in the Foreign Policy of the PRC 136

O. Chikrizova

Arab Donors in the Structure of Official Development Assistance 149

A. Yakovlev

"Oil weapons" of Arab Countries in 1973: Results after Half a Century 158

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Г. Л. Гукасян

Проблемы нефтяной политики аравийских монархий
в контексте защиты интересов ОПЕК+ и взаимодействия с Россией 9

М. Р. Зембатов

Нефтяной шок 1973 года и современность:
невоенные методы противостояния глобальным угрозам..... 22

Рангжбар Мешкин Даниал

Международный транспортный коридор «Север – Юг»
как инструмент противодействия западным санкциям37

И. В. Федулов

Транспортные коридоры – долгий путь
от политических заявлений до практической реализации..... 50

ПОЛИТИКА

В. К. Апостолов

Религиозная дипломатия Саудовской Аравии..... 71

В. М. Ахмедов

Невоенные методы в политике Ирана на Ближнем Востоке:
предпосылки, практика, последствия 81

Р. Л. Казарьян

Политика «солнечного тепла» как инструмент
политико-дипломатического урегулирования Корейского вопроса 91

В. П. Кириченко

Реакция руководства Алжира на ситуацию в Мали:
отказ от военного вмешательства 102

С. В. Мельникова

Несилловые методы Индии в рамках ее кашмирской политики..... 112

Д. А. Милеев

Невоенные методы внешней политики Японии 125

М. А. Пахомова

Институт специального представительства во внешней политике КНР 136

О. С. Чикризова

Арабские страны-доноры в структуре официальной помощи развитию 149

А. И. Яковлев

«Нефтяное оружие» арабских стран в 1973 г.: итоги спустя полвека 158

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

Научная статья. Экономические науки
УДК УДК 338.45.01
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-009-021>

ПРОБЛЕМЫ НЕФТЯНОЙ ПОЛИТИКИ АРАВИЙСКИХ МОНАРХИЙ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ОПЕК+ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РОССИЕЙ

Гурген Левонович Гукасян

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
gukasyan.gurgen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5930-6870>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы взаимодействия стран ОПЕК+ и одной из ключевых групп стран – участниц ОПЕК и ОПЕК+ – аравийских монархий – экспортеров нефти в рамках механизма взаимодействия ОПЕК+, а также взаимодействия Российской Федерации со странами ОПЕК+ в сфере нефтяной политики. Несмотря на определенные сложности в вопросах согласования решений в сфере нефтяной политики в ОПЕК+, существуют достаточно весомые экономические основы для продолжения взаимодействия, которые перевешивают некоторые факторы рынка нефти, затрудняющие взаимодействие. Некоторые оценки приводятся на основе публикаций в арабских СМИ, а также исследовательских центров, расположенных в США, что позволяет увидеть взаимодействие в ОПЕК+ с разных сторон.

Ключевые слова: нефть, ОПЕК, Соглашение ОПЕК+, Россия, аравийские монархии, США, рынок нефти, квоты добычи, доходы от экспорта нефти, сокращение добычи, интересы стран – участниц ОПЕК+

Для цитирования: Гукасян Г. Л. Проблемы нефтяной политики аравийских монархий в контексте защиты интересов ОПЕК+ и взаимодействия с Россией. *Восточная аналитика*. 2024;15(3):9-21. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-009-021>

Original article. Economics studies

PROBLEMS OF THE OIL POLICY OF THE ARABIAN MONARCHIES IN THE CONTEXT OF PROTECTING THE INTERESTS OF OPEC+ AND COOPERATION WITH RUSSIA

Gurgen Gukasyan

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
gukasyan.gurgen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5930-6870>

Abstract. The article discusses some topical issues of interaction between OPEC+ countries and one of the key groups of OPEC and OPEC+ member countries – the Arabian oil exporting monarchies, as part of the OPEC+ interaction mechanism, as well as the interaction of the Russian Federation with OPEC+ countries in the field of oil policy. Despite certain difficulties in coordinating decisions in the field of oil policy in OPEC+, there are quite weighty economic foundations for continuing interaction, which outweigh some factors of the oil market that complicate interaction. Some estimates are based on publications in the Arab media, as well as research centers located in the United States, which allows to see the interaction in OPEC+ from different sides.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Keywords: Oil, OPEC, OPEC+ Agreement, Russia, Arabian monarchies, USA, oil market, production quotas, oil export revenues, production cuts, interests of OPEC member countries+

For citation: Gukasyan G. L. Problems of the Oil Policy of the Arabian Monarchies in the Context of Protecting the Interests of OPEC+ and Cooperation with Russia. *Eastern Analytics*. 2024;15(3):9-21. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-09-021>

Возвращаясь к проблемам взаимодействия России с такими ключевыми членами Соглашения ОПЕК+, как аравийские монархии, в рамках формирования нефтяной политики этого альянса, рассмотрим некоторые аспекты поддержания и развития данного взаимодействия с учетом мнений, выражаемых в СМИ как аравийских стран, так и США, других стран, и российских экспертов. Механизм взаимодействия в рамках Соглашения ОПЕК+ был образован в ноябре 2016 г., став расширенным и крайне своевременным форматом взаимодействия ряда стран – экспортеров нефти в дополнение к более узкому кругу стран-участниц Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК).

Целесообразно упомянуть некоторые из последних переговоров на высшем уровне между российской стороной и руководством аравийских монархий. Так, близкая к монархиям Персидского залива, базирующаяся в Дубае медиа группа Al Arabiya, информируя о состоявшемся 6 сентября 2023 г. телефонном разговоре между Президентом России В. В. Путиным и Наследным принцем Саудовской Аравии, пишет: «Наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед ибн Сальман и президент России Владимир Путин договорились в среду продолжить свои усилия по обеспечению стабильности энергетических рынков, о чем сообщило в среду Саудовское агентство печати (SPA). В ходе телефонного разговора лидеры двух стран "обсудили выдающиеся двусторонние отношения между двумя странами и возможности для их развития в различных областях", – говорится в сообщении SPA. Они также обсудили другие темы, в том числе "недавно состоявшийся саммит БРИКС и стремление королевства к налаживанию экономических партнерских отношений и его стремление сотрудничать со странами БРИКС". Ранее в среду Кремль сообщил, что Путин разговаривал по телефону с МБС и что недавние договоренности о сокращении поставок обеспечили стабильность на мировых энергетических рынках. Мировые лидеры по добыче нефти, Саудовская Аравия и Россия, во вторник объявили о продлении добровольного сокращения поставок нефти до конца текущего года»¹. (Тер-

¹ Saudi Crown Prince, Russia's Putin agree on efforts for energy markets' stability // Al Arabiya. 06.09.2023. URL: <https://english.alarabiya.net/News/saudi-arabia/2023/09/06/Kremlin-says-Putin-spoke-to-Saudi-Arabia-s-Crown-Prince-> (дата обращения: 22.02.2024).

мин МБС используется в зарубежных СМИ для обозначения наследного принца Саудовской Аравии).

Надо сказать, что приведенная Al Arabiya информация мало чем отличается от информации об этом разговоре лидеров двух стран в официальных российских источниках, где было добавлено, что «Лидеры двух стран дали высокую оценку взаимодействию в формате "ОПЕК+"». Отмечено, что «достигнутые договоренности о сокращении добычи нефти в сочетании с добровольными обязательствами по ограничению поставок сырья сохраняют стабильность мирового энергетического рынка», а также что «наследный принц выразил признательность Владимиру Путину за поддержку обращения Саудовской Аравии о присоединении к БРИКС. Наш президент тепло поздравил собеседника с принятием на саммите в Йоханнесбурге решением»².

Когда в декабре 2023 г. состоялся визит Президента России в Объединенные Арабские Эмираты и Саудовскую Аравию, информируя о совместном заявлении России и Саудовской Аравии по итогам встречи, Al Arabiya отмечало: «Наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бен Сальман и президент России Владимир Путин в совместном заявлении по итогам своей встречи в среду подчеркнули необходимость того, чтобы все страны ОПЕК+ придерживались соглашения группы о сокращении добычи, заявив, что это послужит интересам мировой экономики. 30 ноября производители нефти ОПЕК+ договорились о добровольном сокращении добычи на 2 млн баррелей в сутки в начале следующего года. В ходе встречи, которая стала первой с октября 2019 г., лидеры двух стран отметили важность активизации сотрудничества в различных областях, включая нефть и газ, технологии и коммуникации. Подчеркнув прочные экономические связи между двумя странами, Путин и МБС высоко оценили увеличение объема двусторонней торговли, отметив, что в 2022 г. он увеличился на 46% по сравнению с 2021 г. Они также подтвердили свое стремление укреплять совместную работу по дальнейшей диверсификации торговли и расширению контактов между частным сектором двух стран, чтобы помочь превратить торговые и инвестиционные возможности в активные партнерские отношения»³. Вместе с тем, сам заголовок сообщения в Al Arabiya «Путин подчеркивает

² Владимир Путин и Мухаммед Бен Сальман Аль Сауд обсудили развитие многопланового сотрудничества России и Саудовской Аравии. URL: https://www.1tv.ru/news/2023-09-06/460712-vladimir_putin_i_muhammed_ben_salman_al_saud_obsudili_razvitie_mnogoplanovogo_sotrudnichestva_rossii_i_saudovskoy_aravii?ysclid=lui9861y50993438109 (дата обращения: 22.02.2024).

³ Putin stress need for all OPEC+ countries to adhere to deal on output cuts // Al Arabiya. 07.12.2023. URL: <https://english.alarabiya.net/News/saudi-arabia/2023/12/07/MBS-Putin-highlight-need-for-all-OPEC-states-to-adhere-to-agreement-on-output-cuts> (дата обращения: 24.02.2024).

необходимость для всех стран ОПЕК+ выполнять соглашение по сокращению добычи» говорит о том, что в нефтяных монархиях сотрудничество по регулированию рынка нефти ставят едва ли не на самое важное место. В освещении итогов встречи в Эр-Рияде в декабре 2023 г. российскими СМИ несколько больше внимания уделено согласованным прочим экономическим направлениям сотрудничества, в частности, мирному атому, торговле, оборонной сфере, науке, туризму, сельскому хозяйству, а также политическим позициям сторон по поводу различных аспектов положения на Ближнем Востоке⁴.

Можно отметить, что во время визита Президента России в ОАЭ, который состоялся перед посещением Саудовской Аравии, в его ответственной речи к президенту ОАЭ Мухаммеду бен Заиду Аль Нахайяну было отмечено, что благодаря позиции президента ОАЭ отношения России и ОАЭ «вышли на беспрецедентно высокий уровень» как в двусторонней торговле, туризме, нефтегазовых проектах и взаимных инвестициях, так и в рамках ОПЕК+, на площадках международных организаций, включая СБ ООН. Президент России также отметил роль ОАЭ в решении глобальных проблем, включая экологические, упомянув в этом контексте проходящую в Дубае конференцию COP-28 (28-я Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата)⁵. Как известно, на этой конференции представители ряда стран ОЭСР, в первую очередь, Германия, США, Канада, Великобритания, Япония, Австралия, а также страны Океании настаивали на формулировке полного отказа от использования ископаемого топлива, а страны – члены ОПЕК выступали против.

Канал Аль-Джазира, комментируя визит Президента России в ОАЭ и Саудовскую Аравию в декабре 2023 г., отметил: «Однако не сразу стало ясно, о чем конкретно Путин, который редко покидал Россию с начала войны на Украине, намеревался говорить с наследным принцем крупнейшего в мире экспортера сырой нефти – о нефти или геополитике»⁶. Тем не менее, из всех приведенных комментариев очевидна как экономическая, так и отчасти геополитическая роль взаимодействия аравийских монархий, а также России, в рамках задач альянса ОПЕК+. Это каса-

⁴ РФ и Саудовская Аравия приняли совместное заявление по итогам визита Путина в Эр-Рияд // ТАСС. 07.12.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19478867?ysclid=luiabkrk3878387423> (дата обращения: 24.02.2024).

⁵ Как прошло блиц-турне Путина в Абу-Даби и Эр-Рияд // Ведомости. 07.12.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/12/07/1009739-kak-proshlo-blits-turne-putina-v-abu-dabi-i-er-riyad?ysclid=luibsmyf8n830802482> (дата обращения: 25.02.2024).

⁶ Putin makes rare trip to Middle East to meet with UAE and Saudi leaders // Al Jazeera. 06.12.2023. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/12/6/putin-makes-rare-trip-to-middle-east-to-meet-with-uae-and-saudi-leaders> (дата обращения: 09.03.2024).

ется хотя бы такого аспекта, как преодоление «потолка цен на нефть», введенного странами Запада против российской нефти, который с опасениями воспринимается и в других странах ОПЕК+.

Так, министр энергетики Саудовской Аравии Абдулазиз ибн Салман Аль Сауд заявлял, что Королевство не будет продавать нефть ни одной стране, которая устанавливает предельные цены на ее поставки. Как пишет охватывающий весь Ближний Восток сайт Amwaj Media, заявление министра энергетики Саудовской Аравии о противодействии любому потолку цен на саудовскую нефть последовало за консультациями между Россией и Саудовской Аравией. Кроме того, министр энергетики Саудовской Аравии выступил с осуждением возможной реинкарнации администрации Дж. Байдена в США законопроекта NOPEC (No Oil Producing and Exporting Cartels Act), который наделяет Министерство юстиции США правом подать антимонопольный иск против ОПЕК за попытку контролировать добычу нефти или влиять на цены на сырую нефть⁷.

Важно, что приведенные выше в ходе взаимодействия на высшем уровне заявления о роли и решимости продолжать тесную координацию в ОПЕК+ между ключевыми мировыми экспортерами нефти – Россией и Саудовской Аравией, с которой, впрочем, постоянно координируют свою нефтяную политику и другие значимые аравийские производители нефти (ОАЭ – 6-е место в мире по добыче нефти, Кувейт, Оман), а также другие участники ОПЕК+, включая Ирак, Алжир, Иран, были сделаны на фоне реальных мер, принимаемых участниками ОПЕК+ в сфере нефтяной политики.

Как известно, механизм Соглашения ОПЕК+ возник в 2016 г. на фоне тяжелого для стран-участниц падения цен на нефть в 2014–2016 гг., когда было принято общее сокращение добычи нефти на 1,8 млн барр./сут. странами ОПЕК и присоединившимися к ним 11 странами, включая Россию.

В мае 2020 г. в условиях катастрофического спада мировой экономики и цен на нефть в условиях пандемии COVID-19 в ОПЕК+ было произведено масштабное сокращение добычи на 9,7 млн барр./сут. от уровня октября 2018 г. Этот механизм сокращения с постепенными последовательными уменьшениями величины сокращения действовал до лета 2021 г., когда был исчерпан на фоне восстановления цен на нефть и доходов стран ОПЕК+. Механизм координации в ОПЕК+ был сохранен, и, защищая свои интересы с учетом нестабильности рынка, страны ОПЕК+ нео-

⁷ After talks in Russia, Saudi Arabia warns price caps on its oil will spark retaliation // Amwaj Media. 17.03.2023. URL: <https://amwaj.media/media-monitor/after-talks-in-russia-saudi-arabia-warns-price-caps-on-its-oil-will-spark-retalia> (дата обращения: 10.03.2024).

жиданно согласовали новое масштабное сокращение добычи на 2 млн барр./сут. в октябре 2022 г., несмотря на давление со стороны США и стран ЕС с целью заставить страны ОПЕК+, включая, в первую очередь, Саудовскую Аравию, увеличить добычу в условиях курса США и других стран – членов ОЭСР (OECD) на отказ от российской нефти.

Однако в мае 2023 г. Саудовская Аравия, при участии ряда стран ОПЕК, во взаимодействии с Россией согласовала новое дополнительно добровольное сокращение добычи нефти, суммарно достигшее почти 2,2 млн барр./сут. Это сокращение продлено в 2024 г. до последующих решений организации. Добровольное сокращение добычи Саудовской Аравии достигло 1 млн барр./сут. Россия проводит сокращение добычи на 500 млн барр./сут., Ирак – на 223 тыс. барр./сут., ОАЭ – на 163 тыс. барр./сут., Кувейт – на 135 тыс. барр./сут., Казахстан – на 82 тыс. барр./сут., Алжир – на 51 тыс. и Оман – на 42 тыс. барр./сут.⁸ Между тем, Международное энергетическое агентство, всегда занижающее прогнозы роста спроса на нефть ОПЕК, в январе 2024 г. сообщило, что в 2024 г. спрос на нефть в мире вырастет на 1,24 млн барр./сут. Это был третий пересмотр МЭА своих прогнозов спроса на нефть в сторону повышения подряд за последние несколько месяцев (при этом он оказался ниже прогноза ОПЕК на 2,25 млн барр./сут.)⁹.

Целесообразно остановиться и на такой проблеме, как вопрос о том, насколько эффективна политика сокращений в ОПЕК+ и насколько цели совместной координации объемов добычи перевешивают желание ряда стран-участниц экспортировать больше нефти без всяких ограничений при том, что существуют и опасения по поводу потери доли рынка в результате сокращений добычи в странах ОПЕК+, так как ее может замещать нефть США, сланцевая нефть, нефть из Канады.

В пользу координации в ОПЕК+ есть серьезные доводы. Это, как уже упоминалось, возможность путем согласованных сокращений преодолеть «потолки цен на нефть», что, в принципе, и было достигнуто в отношении российской нефти. Это не означает, что в определенные моменты, с учетом состояния рынка, квоты сокращения добычи в ОПЕК+ не уменьшаются и не пересматриваются.

Механизм достаточно широкого круга участников в ОПЕК+ позволяет гибко и достаточно действенно отвечать на изменения рынка

⁸ Saudi Arabia, Russia extend oil cuts, win support from several OPEC+ partners // S&P Global. 30.11.2023. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/oil/113023-saudi-arabia-russia-extend-oil-supply-cuts-into-q1-2024-as-other-opec-members-join> (дата обращения: 20.03.2024).

⁹ IEA raises 2024 oil demand forecast but lags OPEC view // Reuters. 19.01.2024. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/iea-raises-2024-oil-demand-growth-forecast-again-2024-01-18/> (дата обращения: 21.03.2024).

нефти, спроса и предложения, поскольку в периоды тяжелого для стран ОПЕК+ падения цен на нефть можно остановить такое падение (как было в 2016 и 2020 гг.), а при оживлении рынка и цен выйти на более высокие уровни добычи и экспорта. Тем самым страны ОПЕК+ в определенной мере управляют монетизацией своих нефтяных ресурсов, ибо доходы от экспорта нефти всё еще критически важны для финансирования развития и диверсификации (то есть расширения именно ненефтяных отраслей) экономик стран ОПЕК+, на фоне продвижения мировой «экологической повестки», идей ускорения энергетического перехода от нефти. Так, например, в Саудовской Аравии в третьем квартале 2023 г. доходы госбюджета от продажи нефти составили почти 57% доходов, в бюджете Ирака за 2022 г. доходы от нефти составили ошеломляющую долю в 95% от его доходов [Гукасян и др., 2024, с. 50, 52].

Наконец, весьма важно и то, как в промышленно-развитых странах – импортерах нефти смотрят на политику стран, взаимодействующих в рамках ОПЕК+, с точки зрения эффективности данной политики. В этой связи весьма интересно мнение авторов из Института государственной политики Бейкера Университета Райса («Институт Бейкера»), в Хьюстоне, Техас. В обширной аналитической публикации под названием «ОПЕК+ как феномен саудовско-российского сотрудничества и последствия для американо-саудовских отношений» авторы Кристиан Ульришен, Марк Финли, Джим Крейн пишут:

«Сотрудничество на высоком уровне между двумя противниками по холодной войне – Саудовской Аравией и Россией – стало отличительной чертой расширенной группировки ОПЕК+ в 2016 г. и с тех пор стало характерной чертой глобального энергетического ландшафта. Неожиданно прочное сотрудничество между Саудовской Аравией и Россией увеличило размер картеля и уровень его дисциплины и эффективности, в то же время придав ему более "ястребиную" погоню за более высокими ценами на нефть. Застолбив за собой эти позиции, Эр-Рияд также продемонстрировал растущую поддержку интересов России, дистанцировавшись при этом от влияния США таким образом, что это проверило на прочность основу отношений, частично построенных на принципе "нефть в обмен на безопасность". В частности, королевство стало менее охотно соглашаться на запросы президента США об увеличении добычи нефти или следовать примеру США в изоляции России. Решение группы ОПЕК+ от 5 октября 2022 г. агрессивно сократить добычу, несмотря на яростное сопротивление США, символизирует эту изменившуюся динамику.

Изменение в поведении Саудовской Аравии, усилившееся при администрации Байдена, представляет собой явный разрыв со стратегией

королевства на нефтяном рынке с 1980-х гг. Похоже, что у исполнительной власти США остается меньше краткосрочных вариантов для борьбы со скачками цен на нефть. Последующая продажа президентом нефти из аварийных запасов, хранящихся в Стратегическом нефтяном резерве США, является одним из результатов»¹⁰.

Здесь можно привести лишь несколько наиболее характерных тезисов из данного материала, свидетельствующих о том, что эти эксперты из близкого к правительственным структурам аналитического центра США считают взаимодействие в ОПЕК+ с участием России и Саудовской Аравии весьма эффективным и представляющим угрозу интересам США. Так, данные авторы также отмечают:

«С 2016 г. Саудовская Аравия и Россия стремятся к высокому уровню сотрудничества на нефтяных рынках под эгидой расширенной группы Организации стран-экспортеров нефти, так называемого картеля ОПЕК+. Это сотрудничество привело к повышению цен на нефть и успешному сокращению предложения во время потери спроса на нефть, вызванного пандемией.

Совпадение краткосрочных экономических интересов, объединившее Эр-Рияд и Москву, совпадает с трещинами в более глубоких отношениях, которые связывали Саудовскую Аравию с давней сетью возглавляемого США партнерства в области политики, безопасности и обороны в Персидском заливе. Саудовское руководство стало более настойчивым в проецировании собственных интересов и подготовке к потенциальному будущему, в котором США будут меньше вовлечены в дела Ближнего Востока. Для российского руководства тесная координация энергетической политики с такими странами, как Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, дает передышку от международных санкций и противодействует попыткам США изолировать Россию в мировой экономике. Новые партнерства также обеспечивают России геостратегические "победы", расшатывая до сих пор прочные региональные партнерства США и открывая Москве возможности использовать нефть в качестве рычага давления на США и другие страны-потребители.

Дружба между Саудовской Аравией и Россией оказалась на удивление прочной, несмотря на несколько потенциальных переломных моментов: непродолжительную войну цен на нефть в 2020 г., вхождение России на Украину в 2022 г. и давление США и Европы на Саудовскую

¹⁰ Ulrichsen K. C., Finley M., Krane J. The OPEC+ Phenomenon of Saudi-Russian Cooperation and Implications for US-Saudi Relations // Baker Institute. 12.10.2022. URL: <https://www.bakerinstitute.org/research/opec-phenomenon-saudi-russian-cooperation-and-implications-us-saudi-relations> (дата обращения: 11.03.2024).

Аравию с целью увеличения поставок на фоне санкций против российского экспорта (которые были отвергнуты Эр-Риядом). Уже одно это говорит о том, что отношения являются более прочными и потенциально более глубокими, чем первоначально предполагали многие в Вашингтоне или европейских столицах»¹¹.

Также один из интересных выводов цитируемых авторов таков:

«Вместо того, чтобы поддержать санкции, введенные ее традиционными партнерами, Саудовская Аравия свернула эффект этих санкций, сохранив сотрудничество с Россией по линии ОПЕК+. Королевство и соседние монархии держали открытыми дипломатические и торговые каналы с Москвой, даже предоставив президенту Путину экономическое окно для ответных действий против Запада.

Экстраординарное сокращение добычи ОПЕК+ на 2 млн барр./сут. в октябре, поддержанное Эр-Риядом и Москвой на фоне протестов других государств-членов и Вашингтона, является крупнейшим проявлением. Российские официальные лица не оставили сомнений в том, что сокращение было ответным намерением. В заявлении представителя Кремля говорится, что соглашение ОПЕК+ представляет собой "сбалансированную, продуманную и спланированную работу стран, занимающих ответственную позицию в рамках ОПЕК, в противовес действиям США". Пресс-секретарь добавил: "Это, по крайней мере, уравновешивает хаос, который устраивают американцы". К разочарованию администрации Байдена и ее союзников по ЕС, улучшение стратегического положения России в ОПЕК+ и Саудовской Аравии послужило ограничению влияния Вашингтона на решения картелей ... Самым большим фактором, активизировавшим саудовско-российские отношения, стало восшествие на престол короля Сальмана в 2015 г. и последующее восхождение к власти Мухаммеда ибн Сальмана, который последовательно демонстрировал готовность нарушить статус-кво как во внутренней, так и во внешней политике. Наследный принц отдает приоритет дружбе с Москвой и осуществляет контроль над принятием решений беспрецедентным образом в новейшей истории Саудовской Аравии¹²».

Конечно, в приведенном материале его авторы высказываются и о возможных расхождениях интересов между, в данном случае, Россией и Саудовской Аравией в нефтяной сфере. Так, они пишут, что Эр-Рияд и Москва одновременно разворачиваются в сторону Азии и конкурируют за долю рынка в регионе, который долгое время был оплотом саудов-

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

ского экспорта. Акции Саудовской Аравии на индийском и китайском рынках теряются в пользу России. На это можно возразить, что наоборот, переориентация на Азию требует более тесной координации между Россией и монархиями Персидского залива в нефтяной сфере, создавая почву для расширения взаимодействия.

В том же, что касается проблемы потери доли мирового рынка нефти странами ОПЕК+ вследствие сокращений добычи в ОПЕК+, несмотря на существование данного аспекта проблемы, можно отметить и тенденции, свидетельствующие о наличии резерва для маневра в рамках нефтяной политики ОПЕК+. Так, на сайте международного портала Investopedia, основные офисы которого находятся в Нью Йорке в США и Эдмонтоне (Канада), в одной из объемных аналитических публикаций под названием «ОПЕК против США: кто контролирует цены» отмечается в общем заметная тенденция:

«Саудовская Аравия исторически играла роль ключевого поставщика в ОПЕК, на нее приходится 34% добычи нефти ОПЕК, в два раза больше чем у Ирака. Только на ОПЕК, по состоянию на январь 2022 г., приходится 28% мировой нефтедобычи. Все страны – члены ОПЕК выигрывают от более высоких цен на нефть, достигаемых благодаря политике согласования квот добычи, несмотря на то, что у каждой из них есть краткосрочный стимул к наращиванию добычи.

Для США ОПЕК в качестве группы ближневосточных стран, воспринимаемой как картель, долгое время рассматривается как группа, враждебная интересам США, и в прошедшие годы попытки ОПЕК улучшить свой имидж в США оказались безуспешными. В краткосрочной перспективе, производители нефти ОПЕК и производители сланцевой нефти в США продолжают конкурировать. Издержки добычи сланцевой нефти остаются более высокими, чем традиционные вертикальные скважины в Саудовской Аравии. Рентабельность при разработке месторождений сланцевой нефти падает значительно быстрее, чем на традиционных месторождениях. Управление энергетической информации США (EIA) ожидает достижения максимума сланцевой нефтедобычи в США в районе 2030–2035 гг. Наибольший рост потребления нефти в перспективе до 2050 г. будет приходиться на Азию, где рост спроса прогнозируется на уровне около 1,8% в год, и по мере перенаправления нефти ОПЕК в Азию на фоне замедления добычи в США соперничество между США и ОПЕК за рынок нефти может ослабнуть»¹³.

¹³ Saudi Arabia, Russia extend oil cuts, win support from several OPEC+ partners // S&P Global. 30.11.2023. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/oil/113023-saudi-arabia-russia-extend-oil-supply-cuts-into-q1-2024-as-other-opec-members-join> (дата обращения: 20.03.2024).

Тенденции в сфере сланцевой нефтедобычи, указанные в данном материале, подтверждают и другие источники¹⁴. Таким образом, видно, что у политики ОПЕК и ОПЕК+ имеется резерв маневра, тем более, что общая доля стран ОПЕК+ в мировой нефтедобыче, даже с учетом сокращений, в конце 2023 г. оценивалась на уровне 51%¹⁵.

В апреле 2020 г., когда в условиях пандемии COVID-19 было достигнуто новое (второе) соглашение в рамках ОПЕК+, вице-президент крупнейшей российской частной нефтяной компании ПАО «Лукойл» Леонид Федун отметил, что без сделки ОПЕК+ российскую нефтяную промышленность ожидало бы «ковровое закрытие скважин»¹⁶.

В итоге на сегодня можно констатировать, что в настоящее время нет альтернативы тесному взаимодействию стран, входящих в ОПЕК+, включая их взаимодействие с Российской Федерацией, в котором огромное значение приобрело сотрудничество с аравийскими монархиями – экспортерами нефти, и в целом такая координация имеет довольно прочную и объективно существующую финансово-экономическую основу.

Литература / References

1. Гукасян Г. Л., Бистрина М. Г., Куликовская Г. А., Смирнова Е. А. Роль крупных нефтяных компаний в управлении нефтяным сектором России и других стран ОПЕК+ в условиях нестабильности мирового рынка нефти // Экономическое развитие России. 2024. № 2. С. 47–59 [Ghukasyan G. L., Bistrina M. G., Kulikovskaya G. A., Smirnova E. A. The role of large oil companies in managing the oil sector of Russia and other OPEC+ countries in conditions of instability of the global oil market // Economic development of Russia. 2024. No. 2. P. 47–59].

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Владимир Путин и Мухаммед Бен Сальман Аль Сауд обсудили развитие многопланового сотрудничества России и Саудовской Аравии. URL: https://www.1tv.ru/news/2023-09-06/460712-vladimir_putin_i_muhammed_ben_salman_al_saud_obsudili_razvitie_mnogoplanovogo_sotrudnichestva_rossii_i_saudovskoy_aravii?ysclid=lui9861y50993438109 (дата обращения: 22.02.2024).

¹⁴ Экономика «сланцевой» нефтедобычи // Neftegaz.Ru. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/rynok/652069-ekonomika-slantsevoy-neftedobychi/?ysclid=lul3e366fw951058992> (дата обращения: 22.03.2024).

¹⁵ ОПЕК+ faces escalating pressure in 2024 // OIL and Gas Journal. 17.01.2024. URL: <https://www.ogj.com/general-interest/economics-markets/article/14303757/opec-faces-escalating-pressure-in-2024> (дата обращения: 24.03.2024).

¹⁶ Федун оценил выгоду России от нового соглашения с ОПЕК // Коммерсант. 11.04.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4320410?ysclid=lt6ykiplno520340908> (дата обращения: 08.01.2024).

2. Как прошло блиц-турне Путина в Абу-Даби и Эр-Рияд // Ведомости. 07.12.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/12/07/1009739-kak-proshlo-blits-turne-putina-v-abu-dabi-i-er-riyad?ysclid=luibsmvf8n830802482> (дата обращения: 25.02.2024).
3. РФ и Саудовская Аравия приняли совместное заявление по итогам визита Путина в Эр-Рияд // ТАСС. 07.12.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19478867?ysclid=luiaabkrkl3878387423> (дата обращения: 24.02.2024).
4. Экономика «сланцевой» нефтедобычи // Neftegaz.Ru. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/rynok/652069-ekonomika-slantsevoy-neftedobychi/?ysclid=lul3e366fw951058992> (дата обращения: 22.03.2024).
5. Федун оценил выгоду России от нового соглашения с ОПЕК // Коммерсант. 11.04.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4320410?ysclid=lt6yukiplno520340908> (дата обращения: 08.01.2024).
6. After talks in Russia, Saudi Arabia warns price caps on its oil will spark retaliation // Amwaj Media. 17.03.2023. URL: <https://amwaj.media/media-monitor/after-talks-in-russia-saudi-arabia-warns-price-caps-on-its-oil-will-spark-retalia> (дата обращения: 10.03.2024).
7. IEA raises 2024 oil demand forecast but lags OPEC view // Reuters. 19.01.2024. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/iea-raises-2024-oil-demand-growth-forecast-again-2024-01-18/> (дата обращения: 21.03.2024).
8. Kristian Coates Ulrichsen, Mark Finley, Jim Krane. The OPEC+ Phenomenon of Saudi-Russian Cooperation and Implications for US-Saudi Relations // Baker Institute. 12.10.2022. URL: <https://www.bakerinstitute.org/research/opec-phenomenon-saudi-russian-cooperation-and-implications-us-saudi-relations> (дата обращения 11.03.2024).
9. ОПЕК+ faces escalating pressure in 2024 // OIL and Gas Journal. 17.01.2024. URL: <https://www.ogj.com/general-interest/economics-markets/article/14303757/opec-faces-escalating-pressure-in-2024> (дата обращения: 24.03.2024).
10. Putin makes rare trip to Middle East to meet with UAE and Saudi leaders // Al Jazeera. 06.12.2023. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/12/6/putin-makes-rare-trip-to-middle-east-to-meet-with-uae-and-saudi-leaders> (дата обращения: 09.03.2024).
11. Putin stress need for all OPEC+ countries to adhere to deal on output cuts // Al Arabiya. 07.12.2023. URL: <https://english.alarabiya.net/News/saudi-arabia/2023/12/07/MBS-Putin-highlight-need-for-all-OPEC-states-to-adhere-to-agreement-on-output-cuts> (дата обращения: 24.02.2024).
12. Saudi Arabia, Russia extend oil cuts, win support from several OPEC+ partners // S&P Global. 30.11.2023. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/oil/113023-saudi-arabia-russia-extend-oil-supply-cuts-into-q1-2024-as-other-opec-members-join> (дата обращения: 20.03.2024).
13. Saudi Crown Prince, Russia's Putin agree on efforts for energy markets' stability // Al Arabiya. 06.09.2023. URL: <https://english.alarabiya.net/News/saudi-arabia/2023/09/06/Kremlin-says-Putin-spoke-to-Saudi-Arabia-s-Crown-Prince-> (дата обращения: 22.02.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Гукасян Гурген Леонович –
канд. экон. наук, доцент, ведущий
научный сотрудник Центра арабских
и исламских исследований Института
востоковедения РАН, г. Москва, Россия

Gukasyan Gurgen L. –
PhD (Econ.), Associate Professor,
Leading Research Fellow, Centre for
Arabic and Islamic Studies, IOS RAS,
Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23.07.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 06.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 23.07.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 06.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 339.98
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-022-036>

НЕФТЯНОЙ ШОК 1973 ГОДА И СОВРЕМЕННОСТЬ: НЕВОЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ГЛОБАЛЬНЫМ УГРОЗАМ

Марат Русланович Зембатов

Институт государственного и муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия, mzembatov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0438-8044>

Аннотация. Цикличность событий общественно-политической и социально-экономической жизни с особенной ясностью видна сегодня на примере событий, разворачивающихся в ближневосточном регионе. «Нефтяной шок» 17 октября 1973 г. и последовавшая за ним череда внешнеполитических испытаний как для развитых европейских стран, так и для стран с развивающимися экономиками показали рост влияния внутриполитических, локальных и региональных процессов на глобальную полит-экономическую повестку. В дальнейшем, в 1980-е гг. обнаружилась не только пространственная, но и хронологическая событийная взаимозависимость: тренды «экономической войны» против запада с использованием повышения цен на нефть как оружия сменились на противоположные, когда ОПЕК увеличило добычу и снизило цены на нефть, что повлияло не только на геостратегическую ситуацию в регионе Ближнего Востока, но и на весь мир в целом. Анализ применения неэкономических инструментов воздействия на цены продукции нефтегазового сектора помогает исследовать динамику смены периодов относительно стабильного экономического роста периодами общественно-политических и военных потрясений. Результаты такого анализа могут быть использованы и для лучшего понимания сути исторических событий, и для объяснения современных тенденций развития региональной и глобальной повесток. Вместе с тем изменившиеся внешнеэкономические и внешнеполитические условия формирования надгосударственных объединений, контуры которых особенно отчетливо стали проступать в связи с практикой применения недружественного внешнего санкционного давления на Россию в последние два года, могут сегодня сильнее влиять на тренды развития международной ситуации и в нефтегазовом секторе, и в сфере международной безопасности. В этом изменившемся мире особое значение приобретают интеграционные процессы между дружественными странами, которые способны невоенными методами снизить негативные эффекты давления со стороны недружественных стран.

Ключевые слова: нефтяной шок 1973 г., ОПЕК, цены на нефть, экономический кризис, санкционное давление, интеграционные процессы дружественных стран

Для цитирования: Зембатов М. Р. Нефтяной шок 1973 года и современность: невоенные методы противостояния глобальным угрозам. *Восточная аналитика*. 2024;15(3):22-36. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-022-036>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Original article. Economics studies

Oil Shock of 1973 and Modern Times: Non-Military Methods of Countering Global Threats

Marat Zembatov

Institute for Public Administration and Governance of the National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia, mzembatov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0438-8044>

Abstract. The cyclical nature of events in socio-political and socio-economic life is particularly clearly visible today in the example of events unfolding in the Middle East region. The "Oil Shock" of October 17, 1973 and the subsequent series of foreign policy tests for both developed European countries and countries with developing economies showed the growing influence of domestic political, local and regional processes on the global political-economic agenda. Subsequently, in the 1980s, not only spatial, but also chronological event interdependence was revealed: the trends of the "economic war" against the West using rising oil prices as a weapon changed to the opposite when OPEC increased production and lowered oil prices, which influenced not only on the geostrategic situation in the Middle East region, but also on the whole world. Analysis of the use of non-economic instruments to influence the prices of oil and gas sector products helps to study the dynamics of alternation between periods of relatively stable economic growth and periods of socio-political and military upheavals. The results of such an analysis can be used to better understand the essence of historical events and to explain current trends in the development of regional and global agendas. At the same time, the changed foreign economic and foreign policy conditions for the formation of supranational associations, the contours of which began to emerge especially clearly in connection with the practice of applying unfriendly external sanctions pressure on Russia in the last two years, can today have a stronger influence on the trends in the development of the international situation both in the oil and gas sector and in the field of international security. In this changed world, integration processes between friendly countries, which are capable of using non-military methods to reduce the negative effects of pressure from unfriendly countries, are becoming especially important.

Keywords: oil shock of 1973, OPEC, oil prices, economic crisis, sanctions pressure, integration processes of friendly countries

For citation: Zembatov M. R. Oil Shock of 1973 and Modern Times: Non-Military Methods of Countering Global Threats. *Eastern Analytics*. 2024;15(3):22-36. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-022-036>

Британский экономический историк и профессор Колумбийского университета Адам Туз связывает в своем известном труде «Цена разрушения», посвященном экономике Второй мировой войны, численность населения и перспективы государства в вооруженном конфликте таким образом: «Ни одна экономика, не имевшая гарантированного рынка не менее, чем в 150 млн потребителей, не могла рассчитывать на успешную конкуренцию с системой удешевления производства за счет мас-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

совости» [Туз, 2020, с. 29]. Такую эталонную систему удешевления производства автор увидел в индустриальном секторе США. Именно этот ключевой экономический фактор определял возможность страны победить в масштабном вооруженном конфликте. Есть и другие аналогичные важные факторы, связанные с таким минимально необходимым количеством населения и влияющие на экономические условия ведения военных действий: налоги, необходимые для финансирования технологического развития и человеческий мобилизационный ресурс. Но с тех пор, когда эти расчеты были актуальны, многое изменилось, как в собственно экономическом аспекте, так и в технологическом укладе. Сегодня мы видим стремление основных глобальных политических акторов обеспечить возможность консолидации человеческих ресурсов в количестве как минимум 450–500 млн человек. Действительно, население стран НАФТА (США, Канада, Мексика) составляет 490 млн человек, население Евросоюза – 450 млн человек, население стран АСЕАН – 683 млн человек. Примечательным представляется тот факт, что совокупное население стран ОПЕК (хотя речь идет о странах, не имеющих общего территориального пространства, разделяемого общей для таких стран границей, как это было справедливо для предыдущих надгосударственных объединений), тоже составляет 450 млн человек.

Впервые роль политического актора, действия которого имеют явные глобальные последствия и способны влиять на общемировую повестку, Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК) сыграла в 1973 г., когда представители арабских стран – членов ОПЕК на встрече в Кувейте 16–17 октября на фоне разгрома израильскими вооруженными силами армий Египта и Сирии в ходе Войны Судного дня договорились поднять цену на нефть сразу на 70% и последовательно каждый месяц сокращать экспорт нефти на 5% впредь до полного вывода израильских вооруженных сил с оккупированных территорий. А 20 октября саудовский король Фейсал объявил о запрете поставок нефти США и Нидерландам [Кепель, 2020, с. 21–22].

Четырехкратный рост цен на нефть, последовавший за решением арабских стран о сокращении добычи нефти и эмбарго на экспорт нефти, запустил каскад политических и экономических последствий, сформировавший внешнеполитическую рамку, в которой такие разноплановые события, как падение экономик США и Великобритании в первый год после шока на 6,5% и 3,4%, соответственно, начало Афганской войны и революция в Иране в 1979 г., развал социалистического лагеря и Ирано-Иракская война 1980–1988 гг. могут быть рассмотрены через призму энергетической дипломатии и политики энергетического сдерживания. Сегодняшняя внешнеполитическая повестка экономически разви-

тых держав, включая социально-политические и экономические последствия «арабской весны», ускоренную модернизацию экономик стран Залива, международную напряженность в регионе и многое другое можно рассматривать как продолжение трендов, заложенных в период Первого нефтяного шока 1973–1974 гг.

Вместе с тем, события октября 1973 г. и последовавший за ними затяжной политический и энергетический кризис нельзя рассматривать только как самостоятельный триггерный механизм конфликта в отрыве от предшествовавших событий, определивших условия, в которых этот кризис возник и развивался. Сложную систему взаимно обуславливавших друг друга политико-экономических процессов, многие из которых начались задолго до событий 1973 г., необходимо рассматривать в единстве масштабных политических и социально-экономических перемен в регионе еще с периода Первой мировой войны. Важнейшим из таких событий стало разделение арабских территорий побежденной Османской империи в соответствии с пактом Сайкса-Пико 1916 года [Bowen, 2023, p. 20].

Другим не менее значимым, но значительно более длительным процессом, повлиявшим на формирование современного облика региона, стало крушение колониальной системы. Создание независимых государств, которое во многом стало следствием осознания экономической нецелесообразности колоний метрополиями, привело к формированию территориальных дисбалансов экономического развития¹. В период 1970–1979 гг. разрыв между уровнями развития национальных экономик стран региона только увеличивался (см. табл. 1). Так, если в 1970 г. ВВП Саудовской Аравии был больше ВВП Бахрейна в 12 раз, то в 1979 г. – уже в 38 (!) раз.

Прямым следствием возникновения таких дисбалансов развития на обломках колониальной системы стало накопление конфликтного потенциала национальными государствами, образованными в XX в., в том числе и арабскими государствами Ближневосточного региона. Кувейт и Ирак, имевшие в 1970 г. близкие значения ВВП, показали за десятилетие 1970-х разную динамику: ВВП Кувейта вырос почти в 10 раз, тогда как ВВП Ирака – только в 4 раза².

¹ Подтверждение экономической нецелесообразности продолжения колониальной политики: в 1913 г. на британские и французские колонии приходилось 58% совокупной внешней торговли метрополий, а в 2011 г. на бывшую колонию индию приходилось 1,7% внешнеторговой активности Великобритании, а на все африканские страны – всего лишь 2% внешней торговли бывшей метрополии – Франции [Иноземцев, 2014, с. 159.]

² При этом армия Кувейта (27 тыс. чел.) существенно уступала иракской армии по численности (88 тыс. чел.) и технической вооруженности. Современное соотношение: 66 тыс. чел. в иракской и 15 тыс. чел. в кувейтской армии [Вооруженные силы..., 2017, с. 106–108]

Таблица 1. ВВП стран Ближнего Востока и Северной Африки в 1970–1979 гг. (в млн долл. США, в номинальном выражении без учета инфляции)

Страна	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979
Бахрейн	422	455	576	820	1,123	1,185	1,705	2,144	2,449	2,920
Египет	8,143	8,629	9,227	9,589	11,334	12,678	14,974	19,136	23,432	15,616
Иран	10,032	12,631	15,785	25,134	43,806	48,877	63,404	74,362	73,233	85,610
Ирак	2,320	2,605	2,615	3,283	3,870	4,845	6,178	6,693	8,468	11,371
Иордания	593	633	705	807	933	1,220	1,574	1,937	2,562	3,103
Кувейт	2,873	3,881	4,448	5,405	13,004	12,016	13,120	14,140	15,502	24,750
Ливан	1,489	1,673	2,086	2,721	3,496	3,258	1,427	2,529	2,977	3,633
Ливия	4,268	4,881	5,845	8,003	14,022	13,649	17,719	20,809	20,537	28,332
Оман	268	315	384	506	1,724	2,196	2,681	2,870	2,871	3,911
Пакистан	12,191	12,967	7,656	8,210	10,819	13,653	16,009	18,389	21,654	23,936
Катар	539	714	1,030	1,503	1,935	2,470	3,206	3,509	3,932	5,633
Саудовская Аравия	5,377	7,185	9,664	14,947	45,413	46,773	64,006	74,189	80,267	111,858
Судан	1,234	1,339	1,659	2,134	2,600	3,242	4,043	4,751	5,112	5,646
Сирия	1,756	2,063	2,381	2,550	4,090	5,311	6,388	6,991	8,384	10,077
Тунис	1,588	1,859	2,468	3,012	3,912	4,775	4,973	5,637	6,584	7,930
Турция	24,444	23,057	28,975	36,385	50,191	62,735	71,763	81,839	90,347	123,319
ОАЭ	1,053	1,443	2,173	4,213	11,617	14,721	19,213	24,872	23,776	31,226
Северный Йемен	398	471	687	624	759	927	1,021	1,178	1,305	1,444
Южный Йемен	154	142	159	130	138	141	183	226	272	293

Источник: Использованы статистические данные ООН.
 URL: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/Downloads>

Продолжительное и интенсивное участие в развитии экономики национальных государств региона зарубежного капитала развитых стран приводило к взрывному экономическому росту и технологическому перевооружению. Пример такого экономического роста дает Саудовская Аравия, где американо-саудовская нефтяная компания ARAMCO ради достижения своих экономических целей обеспечивала поток инфраструктурных инвестиций [Уолд, 2023, с. 63–67]. Обратные тенденции имели место в странах региона, экономическое развитие которых шло более медленными темпами, что во многом было связано с неэкономическими рисками, носившими зачастую военный характер. Так, в рассматриваемый исторический период происходила череда конфликтов в странах с относительно невысокими темпами экономического развития, начиная с 1967 г. (Шестидневная война 5–10 июня) и занятия Израилем Синайского полуострова, Сектора Газа, Западного берега реки

Иордан, Восточного Иерусалима и Голанских высот, включает приход к власти Каддафи в Ливии в 1969 г., активизацию в 1970 г. палестинских вооруженных националистических формирований, Войну Судного дня 1973 г., начало гражданской войны в Ливане в 1975 г., сирийскую (1976) и израильскую (1978) временную оккупацию ливанских территорий и, наконец, исламскую революцию в Иране и ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. Все эти события имели свои экономические причины, и все они оказали влияние на экономическую ситуацию не только в регионе, но и в глобальном масштабе. При этом всего с 1970 г. по 2010 г. современные алжирские исследователи насчитали 12 политических событий (в том числе вооруженных конфликтов), которые вызывали нефтяные шоки разной степени интенсивности [Ruzqa, Ramadan, 2017].

Одним из значимых событий, предшествовавших нефтяному кризису 1973 г., стал отказ от золотого стандарта в 1971 г. и переход США к новой экономической политике, предусматривавшей повышение ввозных пошлин на 10% и введение «плавающих» валютных курсов [Скороходова, 2013]. Другим знаковым событием, во многом предопределившим возникновение нефтяного шока 1973 г., стали решения нового лидера Ливии – Муамара Каддафи – о согласованном с другими арабскими странами повышении цен на нефть на 30% (до 3,45 долл. США за баррель) в апреле 1971 г. и о национализации американских нефтяных компаний в Ливии – в июне 1971 г.

Эти события не только создали условия для нефтяного кризиса в Европе и в США в 1973–1974 гг., но и привели к резкому росту доходов арабских стран – экспортеров нефти. Так, совокупные доходы стран-экспортеров нефти в период с 1972 г. по 1977 г. выросли с 23 млрд долл. США в год до 140 млрд долл. США в год [Агафонов, 2013].

Несмотря на то, что каждому экономическому кризису в США со времен Второй мировой войны предшествует нефтяной шок и его воздействие начинается с обусловленного ростом цен снижения спроса на нефть и нефтепродукты, а затем отражается на всей экономике [Mohan, 2015], целесообразно определить степень фактической зависимости американской и европейской экономик от нефти стран ОПЕК в период, непосредственно предшествовавший кризису. Как следует из отчетов о международных отношениях США в 1969–1976 гг., доля импорта нефти из Саудовской Аравии составляла в 1971 г. всего 3,25% от его общего объема в США. Для Ирана – 2,9%, Ливии – 1,3%, Ирака – 1%. При этом европейские страны зависели от импорта нефти из стран ОПЕК в значительно большей степени (только на ливийский импорт приходилось более 30%) [Скороходова, 2013].

Значительно меньшая зависимость США от импорта нефти обусловлена традиционно высоким уровнем развития нефтедобывающей промышленности в стране. При этом следует отметить, что в периоды внешнеполитической напряженности и вооруженных конфликтов в нефтеносных регионах мира соотношение импорта и добычи нефти в США характеризуется выраженным разрывом в их объемах: объемы добычи собственной нефти в США значительно превышают объемы импорта нефти. Обратная тенденция наблюдается в периоды затишья и относительного благополучия в международных отношениях: импорт нефти в США растет, а добыча сокращается (см. рис. 1).

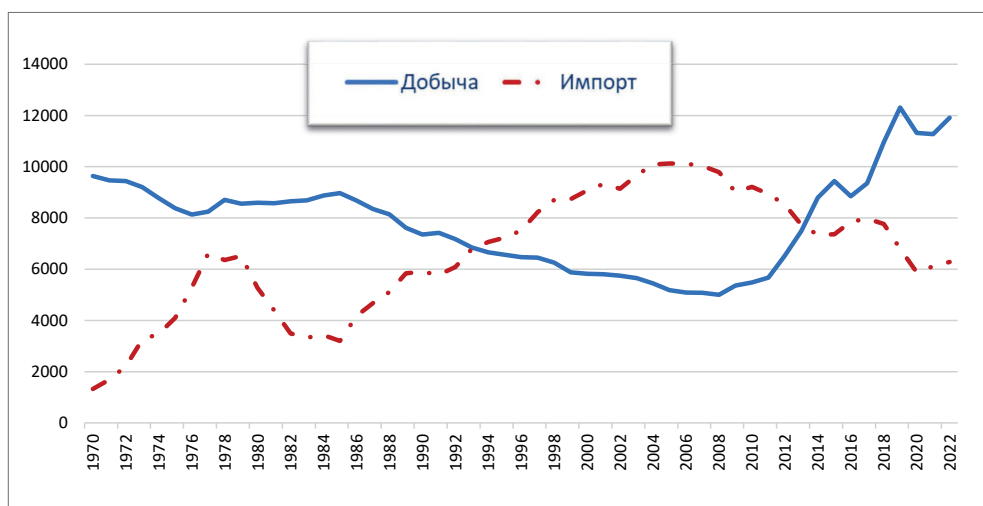

Рис. 1. Динамика добычи и импорта нефти в США в 1970–2022 гг., тыс. барр./сут.

Источник: рассчитано по данным www.statista.com. Кроме того, по данным ТАСС средневзвешенный объем добычи нефти в США в 2023 г. составил рекордные 12,9 млн баррелей в день. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20202891>

Взаимосвязь изменений в динамике импорта и добычи нефти в США с изменением в монетарной политике США 1971 г. может быть объяснена следующим образом: импорт нефти за доллары после отказа от золотого стандарта в 1971 г. становится сверхприбыльной сделкой [Крутаков, 2011]. Таким образом, периоды значимого превышения объемов импорта нефти над объемами производства нефти в США соответствуют периодам внешнеполитической гегемонии США (на графике это период 1993–2013), осуществляемой в условиях относительной стабильности.

Также необходимо отметить, что периодам внешнеполитической нестабильности, во время которых объемы собственной добычи нефти в США превышают объемы импорта нефти, соответствуют периоды повышения темпов роста инфляции в США (рис. 2, 3).

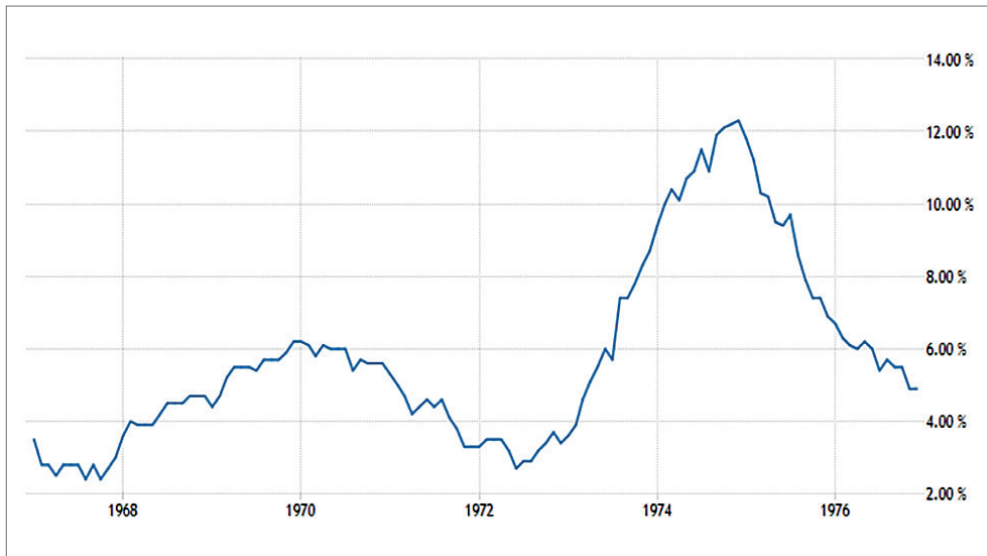

Рис. 2. Инфляция в США в 1967–1977 гг.

Источник: Рассчитано по данным www.statista.com/

Рис. 3. Инфляция в США в 2013–2023 гг.

Источник: Рассчитано по данным www.statista.com/

Для периода нефтяного кризиса 1973–1974 гг. и для периода кризиса COVID-19 2020–2022 гг. и последующего роста международной напряженности мы видим сходные динамики инфляции (четырёхкратный рост в течение двух кризисных лет).

Совсем иными по сравнению с американскими были показатели производства и потребления нефти в европейских странах. Так, например, в Великобритании суммарное потребление нефти в 1970 г. составило 105,7 млн т (собственное производство – 0,2 млн т), в 1971 г. – 106,2 млн т (собственное производство – 0,2 млн т), в 1972 г. – 112,6 млн т (собственное производство – 0,3 млн т). Энергодефицит в Великобритании стал причиной снятия эмбарго на импорт советских нефтепродуктов в 1967 г. [Шишкин, 2022].

Идея использования нефтяного эмбарго как инструмента давления на западные страны возникла на фоне роста международной напряженности, но хронологически до Войны Судного дня и последовавшего за ней нефтяного шока. Еще в 1972 г. (11–14 ноября) в Багдаде состоялся семинар, на котором был обобщен опыт нефтяных эмбарго в отношении западных стран. Семинар назывался «Нефть как оружие в борьбе против империализма и израильской агрессии и как средство создания независимой национальной экономики» [Al-Asady, 2019, p. 135]. А уже в октябре 1973 г. Президент Объединенных Арабских Эмиратов Шейх Заид ибн Султан ибн Заид ибн Халифа Аль Нахайян сказал: «Нефть – это оружие битвы. А любое оружие может и должно быть использовано в бою» [Almihdawi, Abbas, 2021].

Почему использование нефти как орудия достижения политических целей насильственными методами стало возможным? Во-первых, такое положение вещей на международной арене возникло не внезапно, а стало результатом поступательного развития внешнеторговых связей и взаимного проникновения капиталов развитых стран (бывших метрополий в том числе) и стран с развивающимися экономиками (в том числе стран, получивших независимость или созданных только в XX в.)³. Во-вторых, развитие средств коммуникации позволило синхронизировать процесс принятия решений. В-третьих, благодаря растущей сложности внешнеэкономических связей, развитию технологий и сокращению дистанции между возникновением и реализацией планов экономического развития, политического взаимодействия и технологического обеспечения производственных процессов возросла роль таких надгосударственных союзов, как Лига Арабских государств и ОПЕК. Результатом всех этих новых трендов мировой политики стало решение экстренного совещания министров нефтяной промышленности арабских стран – членов ОПЕК 17 октября 1973 г. в Кувейте, в соответствии с которым цена барреля нефти увеличивалась до 5,12 долл. США (уже в дека-

³ Это именно то измерение глобализации, которое определяет растущую взаимозависимость стран и их национальных рынков друг от друга [Иноземцев, 2008]

бре 1973 г. она составит 11,65 долл. США) и вводилось последовательное сокращение объемов добычи нефти.

Состоявшееся недавно решение стран-членов ОПЕК о сокращении объемов добычи нефти напоминает решения 1973–1974 гг., реализуемые в значительно смягченной форме. В ходе совещания стран – экспортеров нефти в формате ОПЕК+ 30 ноября 2023 г. было анонсировано добровольное снижение объемов добычи нефти в первом квартале 2024 г. в объеме 2,2 млн барр./сут. «для балансировки нефтяного рынка». В марте 2024 г. Россия, Саудовская Аравия и другие страны-экспортеры подтвердили готовность продолжить добровольное снижение и во втором квартале. При этом Саудовская Аравия снижает объемы добычи на 2,17 млн барр./сут., ОАЭ – на 163 тыс. барр./сут., Кувейт – на 135 тыс. барр./сут., Ирак – на 223 тыс. барр./сут., Оман – на 42 тыс. барр./сут.⁴

На примере действий ОПЕК+ мы видим усиление роли международных организаций, надгосударственных отраслевых союзов (или корпораций). В соответствии с идеей Мартина ван Кревельда трансформация форм военного конфликта в будущем станет неотъемлемой частью трансформации института государства, а место государства в конфликте займут «сообщества» или «организации», которым не обязательно обладать ни политической природой, ни суверенитетом [М. ван Кревельд, 2015, с. 272–275].

Реакция арабских стран – членов ОПЕК на события Войны Судного дня (как и на сегодняшние события международной эскалации), наиболее ярким выражением которой стало нефтяное эмбарго в торговле с западно-европейскими странами (а сегодня согласованное добровольное сокращение объемов добычи), представляет отчетливое доказательство гипотезы М. ван Кревельда – фактически враждебное по отношению к США, Великобритании и другим странам коллективного Запада решение лидеров арабских стран – экспортеров нефти дает пример того, как трансформируется идея войны как вида политического противостояния в идею невоенного пути отстаивания национальных интересов с помощью наднациональных интеграционных структур (организаций, корпораций). Теперь это противостояние сочетает в себе характер периферийных войн с невоенными методами давления.

Гуманизация как принцип построения международных отношений находит свое отражение в последовательном отказе от военных методов разрешения конфликтов. Это эволюционный путь, этапы которого мы видим в событиях новейшей истории. Если во время Войны

⁴ Страны ОПЕК+ продлевают добровольные сокращения добычи нефти на 2,2 млн б/с на II квартал // ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20404009>

Судного дня Генеральный секретарь КПСС Л. И. Брежнев направил Президенту США Р. Никсону предупреждение о возможном одностороннем вмешательстве Советского Союза в вооруженный конфликт на стороне союзного Египта [Rogan, 2018, p. 469], то уже в 1980-е гг. сверхдержавы стали осторожней относиться к возможности открытого противостояния. А с уходом с политической арены СССР и становлением новой однополярной картины мира такое противостояние перестало быть актуальным (период относительного затишья 1993–2013 гг. см. рис. 1). Отход от тактики прямого и даже непрямого вооруженного противостояния, характерный для современной внешней политики России, начал реализовываться еще во времена позднего СССР. Так, в период Иракско-Кувейтского кризиса 1990–1991 гг., когда сперва Ирак аннексировал Кувейт, а потом под военным давлением коалиции союзников вывел войска, Советский Союз официально объявил о невмешательстве в конфликт и о том, что «в Персидском заливе нет советских военных кораблей», а «военные советники СССР, находящиеся на территории Ирака, ни президенту, ни вооруженным силам услуг не оказывают» [Бурбыга, 2000, с. 34].

Независимо от того, была ли Война Судного дня одной из первых периферийных войн, предвестницей гибридных военных противостояний или она стала продолжением деколонизации новыми насильственными средствами, задействующими межнациональные конфликты для достижения глобальных экономических целей, влияние ее последствий ощущается до сих пор. Вместе с тем эволюция миропорядка указывает на невозможность в будущем монокультурной гегемонизации межнационального взаимодействия и продолжения тенденций экспорта одной страной внутренних экономических проблем на международный рынок. Издержки роста международной напряженности не оправданы целями поддержания стабильности миропорядка на основе доминирования одной державы. Сейчас влияние трендов монополярности ослабевает под воздействием синергетического эффекта интеграционных процессов дружественных стран. Это практическое выражение всё отчетливей проявляется в финансово-экономической, транспортно-логистической, культурно-образовательной сферах.

Так, если в 1990 г. доля ВВП США с союзниками в мировом ВВП превышала 50% (США – 26,1%, или 5,8 трлн долл. США, Великобритания – 4,4%, или 979 млрд долл. США, Германия – 7,3%, или 1,6 трлн долл. США, Япония – 10,6%, или 2,4 трлн долл. США, Франция – 5%, или 1,1 трлн долл. США), при том, что на СССР приходилось 12,6% (2,7 трлн долл. США), то уже в 2020 г. доля стран БРИКС в мировом ВВП составила 31,5% (а доля стран Большой Семерки – 30%). К 2030 г. доля стран БРИКС в мировом

ВВП превысит 50%⁵. И в таких условиях возможности для какой-то одной страны реализовывать старые сценарии вовлечения суверенных государств в конфликты, имеющие целью решение своих внутренних экономических проблем или извлечение прибыли из энергетических кризисов, представляются значительно меньшими, чем это было в 1970-е гг. И если в современной Саудовской Аравии действия США сравнивают с деструктивными трендами в истории «языческой Римской Империи» [Glosemeyer, 2004, p. 162], то образ и направленность интеграционных процессов в рамках БРИКС и ШОС, в которых большую роль играет Россия, всё больше приобретает характер стабильного созидательного процесса.

При этом интеграционные процессы во внешнеэкономической деятельности дружественных стран – членов надгосударственных объединений имеют сегодня не спорадический или реактивный характер, а наоборот – выглядят как реализация целенаправленной и проактивной программы согласованных действий. Отмечаемые на протяжении последнего века основные векторы глобализации (политический, экономический и интеллектуально-ценностный) [Барановский, Наумкин, 2018] сегодня находят свое практическое выражение для государств региона в участии в транснациональных проектах сотрудничества в рамках таких объединений, как БРИКС, ШОС, АСЕАН, ЕАЭС. Эти объединения призваны создать условия для усиления интеграционных процессов между странами, настроенными на созидательное сотрудничество и применение невоенных методов обеспечения международной безопасности.

Литература / References

1. Агафонов И. А. Кривая Хубберта и нефтяной кризис // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Экономические науки. 2013. № 4 (10). С. 12–17. [Agafonov I. A. Hubbert curve and the oil crisis // Bulletin of the Samara State Technical University. Series: Economic Sciences. 2013. No. 4 (10). Pp. 12–17].
2. Барановский В. Г., Наумкин В. В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Том 62. № 3. С. 5–19. [Baranovsky V. G., Naumkin V. V. The Middle East in a changing global context: key trends of a century of development // World Economy and International Relations. 2018. Vol. 62. No. 3. Pp. 5–19].
3. Бурбыга Н. В Персидском заливе нет ни одного советского корабля // Иракская агрессия против Кувейта в зеркале российской прессы (август 1990 – апрель 1991) / сост. А. М. Васильев. М.: XXI век – Согласие, 2000. 472 с. [Burbyga

⁵ Ожидается, что к 2030 году доля стран БРИКС в мировом ВВП превысит 50% // НКИ БРИКС. URL: <https://nkibrics.ru/posts/show/642f1a8362726945fa440200>

- N. There is not a single Soviet ship in the Persian Gulf // Iraqi aggression against Kuwait in the mirror of the Russian press (August 1990 – April 1991) / compiled by A. M. Vasiliev. Moscow: XXI Century – Consent, 2000. 472 p.].
4. Вооруженные силы государств Северной Африки, Азии, Австралии и Океании. Справочник. М.: PRINTLETO, 2017. 311 с. [Armed forces of the states of North Africa, Asia, Australia and Oceania. Directory. Moscow: PRINTLETO, 2017. 311 p.].
 5. Зверев П. Г. Четвертая арабо-израильская война и Вторые Чрезвычайные вооруженные силы ООН (ЧВС ООН II, 1973–1979): история конфликта и его урегулирования // Вестник гуманитарного научного образования. 2014. № 5 (43). С. 12–19. [Zverev P. G. The Fourth Arab-Israeli War and the Second United Nations Emergency Force (UNEF II, 1973–1979): a history of the conflict and its resolution. // Bulletin of humanitarian scientific education. 2014. No. 5 (43). Pp. 12–19].
 6. Иноземцев В. Л. Колонии и зависимые территории: приглашение к дискуссии // Политическая концептология. 2014. № 3. С. 154–165. [Inozemtsev V. L. Colonies and dependent territories: an invitation to discussion // Political Conceptology. 2014. No. 3. Pp. 154–165].
 7. Иноземцев В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в современном мире // Век глобализации. 2008. № 1. С. 31–44. [Inozemtsev V. L. Modern globalization and its perception in the modern world // Century of globalization. 2008. No. 1. Pp. 31–44].
 8. Кепель Ж. Выйти из хаоса. Кризисы на Ближнем Востоке и в Средиземноморье / пер. с фр. А. Ю. Петрова, А. А. Пешкова, О. А. Чувириной. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 367 с. [Kepel J. Get out of chaos. Crises in the Middle East and the Mediterranean / trans. from fr. A. Yu. Petrova, A. A. Peshkova, O. A. Chuvirova. Moscow: Political Encyclopedia, 2021. 367 p.].
 9. Кревельд ван М. Трансформация войны / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова; 2-е изд. М.: ИРИСЭН, Социум, 2015. 320 с. [Creveld van M. Transformation of war / trans. from Eng. by ed. Yu. Kuzetsov; 2nd ed. Moscow: IRISEN, Sotsium, 2015. 320 p.].
 10. Крутаков Л. В. О политической природе «рыночного доминирования» в энергетической сфере (кризис 1973 года) // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2021. № 11 (2). С. 72–81. [Krutakov L. V. On the political nature of “market dominance” in the energy sector (the crisis of 1973) // Bulletin of the Financial University. Humanities. 2021. Vol. 11 (2). Pp. 72–81].
 11. Скороходова О. Н. США и Западная Европа в условиях нефтяного кризиса 1973–1974 годов // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 37–53. [Skorokhodova O. N. USA and Western Europe in the conditions of the oil crisis of 1973–1974 // New and recent history. 2013. No. 1. Pp. 37–53.].
 12. Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики / пер. с англ. Н. Эндельмана; под науч. ред. А. Космарского. Третье изд., исправленное. Изд-во Института Гайдара, 2020. 864 с. [Ace A. The price of destruction. The creation and death of the Nazi economy / trans. from English by N. Endelman; scientific ed. by A. Kosmarsky. Third ed., revised. Gaidar Institute Publishing House, 2020. 864 p.].
 13. Уолд Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира / пер. с англ.

- П. Миронова. М.: Альпина ПРО, 2023. 272 с. [Wald E. SAUDI, INC. The story of how Saudi Arabia became one of the most influential states on the geopolitical map of the world / trans. from English by P. Mironov. Moscow: Alpina PRO, 2023. 272 p.].
14. Шишикин В. Г. Британский топливно-энергетический комплекс в период топливных кризисов 1967 и 1973–1974 годов // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 4 (59). С. 40–50. [Shishikin V. G. British fuel and energy complex during the fuel crises of 1967 and 1973–1974 // Bulletin of Perm University. History. 2022. No. 4 (59). Pp. 40–50].
 15. Al-Asady J. Iraq's Oil and Gas Industry: The Legal and Contractual Framework (Routledge Research in Energy Law and Regulation) / 1st Edition, Routledge Research in Energy Law and Regulation, 2019. 232 p.
 16. Almihdawi E.H., Abbas H.B. Mawqif dawlat a'iilmarat alearabiat almutahidat min harb alsaadis min tishrin 1973 watifaqiat kamb difid. Wamueahadat alsaalim a'iilsirayiyliat almisriat 1979 // Journal of Kufa Studies Center. August 2021. 1(62):17-32 [Аль-Махдави А.Х., Аббас Х.Б. Позиция Объединенных Арабских Эмиратов в войне 6 октября 1973 года и Кэмп-Дэвидским соглашениям и израильско-египетский мирный договор 1979 г.]
 17. 'Asearalnafta. 'iilaa 'ayn? منطقة الشرق الأوسط وشمال أفريقيا بالبنك الدولي – aleadadi7 yulyu/tumuz 20 (Квартальный экономический отчет Мирового банка по Восточному региону, Центральной и Северной Африке). Июль 2016. Вып. 7. 50 с.
 18. Bowen J. of the Modern Middle East, A Personal History. London: Picador, 2023. 351 p.
 19. Glosemeyer I. Saudi Arabia: Dynamism Uncovered // Perthes, Volker. Arab Elites: Negotiating the Politics of Change, Boulder, USA: Lynne Rienner Publishers, 2004. Pp. 141–169.
 20. Mohan D. The macroeconomics of "Oil Prices" and "Economic Shocks": Lessons from the 1970s // Risk Governance and Control Financial Markets & Institutions. October 2015. Vol. 5 (4). Pp. 80–90.
 21. Rogan E. The Arabs. A History. Penguin Random House UK, 2018. 719 p.
 22. Ruzqa Q., Ramadan B. L. Taqalubat 'asearalnaft watathiruha ealaa suq aleamal fi aljazayir: muqarabat tahliliatan (Колебания цен на нефть и их влияние на рынок труда в Алжире: аналитический подход) // ط.د. قطوش رزق + أ.د. بن لوكيل // مجلة اقتصاديات شمال إفريقيا. رمضان 2017، العدد 17، السادس الثاني، 2017 // 177–192 (Journal of North African Economics. 2017. Выпуск 17, второй семестр. С. 177–192).

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Страны ОПЕК+ продлевают добровольные сокращения добычи нефти на 2,2 млн б/с на II квартал // ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20404009> (дата обращения: 05.04.2024).
2. Ожидается, что к 2030 году доля стран БРИКС в мировом ВВП превысит 50% // НКИ БРИКС. URL: <https://nkibrics.ru/posts/show/642f1a8362726945fa440200> (дата обращения: 05.04.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зембатов Марат Русланович –
канд. экон. наук, директор Центра
междисциплинарных исследований,
Института государственного
и муниципального управления
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики», г. Москва, Россия

Zembatov Marat R. –
PhD (econ.), Director, Center for
Interdisciplinary Research, Institute for
Public Administration and Governance,
National Research University “Higher
School of Economics”, Moscow, Russian
Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23.07.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 06.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 23.07.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 06.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 327.56 + 339.92
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-037-049>

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСПОРТНЫЙ КОРИДОР «СЕВЕР – ЮГ» КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗАПАДНЫМ САНКЦИЯМ

Ранджбар Мешкин Даниал

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
daniealranjbar@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1619-3383>

Аннотация. Это исследование погружается в изучение Международного транспортного коридора «Север – Юг» (МТК «Север – Юг») как стратегического ответа на западные санкции, подчеркивая его значение не просто как торгового канала, но как политического инструмента, выступающего за многополярный мировой порядок. Используя комплексный аналитический подход, включающий кейс-стади и геополитический анализ, исследование рассматривает потенциал МТК «Север – Юг» обойти геополитические препятствия, предлагая альтернативу традиционным маршрутам, доминируемым Западом.

Такие вызовы, как политические риски, экономическая конкуренция и различия в инфраструктуре, подробно анализируются, подчеркивая необходимость реформирования политики, модернизации инфраструктуры и международного сотрудничества для повышения эффективности и функциональности коридора.

Сравнительный анализ с Инициативой «Один пояс, один путь» (BRI) и Китайско-Пакистанским экономическим коридором (СРЕС) дополнительно подчеркивает уникальные геополитические и экономические преимущества МТК «Север – Юг», акцентируя внимание на его роли в облегчении торговли для стран, находящихся под санкциями, и способствуя региональной интеграции.

Исследование приходит к выводу, что МТК «Север – Юг» превосходит свою экономическую полезность, служа ключевым политическим инструментом, предназначенным для переформатирования региональной динамики власти, бросая вызов устоявшемуся порядку и способствуя более сбалансированной глобальной структуре власти. Через стратегическое сотрудничество и развитие инфраструктуры МТК «Север – Юг» выступает как маяк политической устойчивости и вестник более инклюзивного и справедливого мира, демонстрируя осуществимость альтернативных альянсов и экономических сетей в условиях односторонних санкций.

Ключевые слова: Международный транспортный коридор «Север – Юг» (INSTC), западные санкции, Многополярный мировой порядок, Геополитический анализ, Региональная интеграция, Политическая устойчивость

Для цитирования: Ранджбар Мешкин Даниал. Международный транспортный коридор «Север – Юг» как инструмент противодействия западным санкциям. *Восточная аналитика*. 2024;15(3):37-49. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-037-049>

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Original article. Economics studies

INTERNATIONAL NORTH-SOUTH TRANSPORT CORRIDOR AS A TOOL TO COUNTER WESTERN SANCTIONS

Daniyal Ranjbar Meshkin

RUDN University, Moscow, Russia,
daniealranjbar@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1619-3383>

Abstract. This study delves into the International North-South Transport Corridor (INSTC) as a strategic countermeasure to Western sanctions, underscoring its significance beyond a mere trade conduit to a political tool advocating for a multipolar world order. Employing a comprehensive analytical approach, including case studies and geopolitical analysis, the research examines the INSTC's potential to circumvent geopolitical hurdles, offering an alternative to traditional Western-dominated trade routes. Challenges such as political risks, economic competition, and infrastructural disparities are meticulously analyzed, highlighting the need for policy reforms, infrastructure modernization, and international cooperation to enhance the corridor's efficiency and effectiveness. A comparative analysis with the Belt and Road Initiative (BRI) and the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) further accentuates the INSTC's unique geopolitical and economic advantages, emphasizing its role in facilitating trade for sanctioned countries and fostering regional integration.

The study concludes that the INSTC transcends its economic utility, serving as a pivotal political instrument designed to reconfigure regional power dynamics, challenge the status quo, and promote a more balanced global power structure. Through strategic cooperation and infrastructure development, the INSTC emerges as a beacon of political resilience and a harbinger for a more inclusive and equitable world, demonstrating the feasibility of alternative alliances and economic networks in the face of unilateral sanctions.

Keywords: International North-South Transport Corridor (INSTC), Western sanctions, Multipolar world order, Geopolitical analysis, Regional integration, Political resilience

For citation: Daniyal Ranjbar Meshkin. International North-South Transport Corridor as a Tool to Counter Western Sanctions. *Eastern Analytics*. 2024;15(3):37-49. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-037-049>

В сложной мозаике глобальной геополитики наложение западных санкций стало тонким инструментом дипломатии, часто используемым для влияния на внутреннюю и внешнюю политику стран, считающихся действующими вопреки интересам Запада. Эти санкции, будучи в основном экономическими по своей природе, несут глубокие дипломатические последствия, заставляя целевые страны искать альтернативные пути для обеспечения своей экономической стабильности и утверждения своего суверенитета. На этом фоне Международный транспортный коридор «Север–Юг» (МТК «Север–Юг») выделяется не только как канал для товаров, но и как маяк стратегической автономии и политической устойчивости.

МТК «Север–Юг», концепция которого была разработана в начале 2000-х гг. с подписанием соглашения между Россией, Ираном и Индией,

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

представляет собой значительное отклонение от традиционных торговых путей, преимущественно проходящих через контролируемые Западом узловые точки. Его исторические корни уходят в древний Шелковый путь, напоминая о временах, когда торговые маршруты играли ключевую роль в формировании политических и экономических ландшафтов регионов [Markelov et al, 2022, p. 2]. Эта современная инкарнация стремится возродить и использовать это историческое наследие, предлагая стратегическую альтернативу, которая обходит Суэцкий канал и другие доминируемые Западом пути, тем самым сокращая время транзита и потенциально обходя геополитические препятствия.

В данном исследовании используется комплексная аналитическая схема, включающая количественные методологии, для изучения многогранной динамики в рамках МТК «Север – Юг». Исследование углубляется в политические основы МТК «Север – Юг», используя конкретные примеры и геополитический анализ, чтобы выявить его значение в ответ на западные санкции. Такой методологический подход позволяет глубоко понять роль коридора в более широком контексте международных отношений, подчеркивая его потенциал как важнейшего компонента в поисках более сбалансированного глобального порядка.

Автор утверждает, что МТК «Север – Юг» превосходит свою экономическую полезность, являясь стратегическим политическим инструментом, предназначенным для реформирования региональной динамики власти и содействия многополярному миру. Эта перспектива основана на убеждении, что инфраструктурные проекты такого масштаба не являются просто экономическими начинаниями, но наделены значительным политическим замыслом и последствиями. Таким образом, МТК «Север – Юг» рассматривается как катализатор геополитического переустройства, предлагая странам, находящимся под санкциями, жизнеспособный способ обхода экономических ограничений и утверждения своего агентства на глобальной арене. В этом контексте коридор воспринимается не просто как маршрут для прохода товаров, но как канал для политической солидарности и стратегического сопротивления односторонним санкциям.

В последующих разделах этой работы будут дополнительно исследованы тонкости развития МТК «Север – Юг», его вызовы и возможности, а также его ключевая роль в реформировании контуров международной дипломатии и торговли. Посредством этого всестороннего анализа исследование направлено на подчеркивание значимости коридора не только как свидетельства экономического изобретательства, но и как маяка политической устойчивости во всё более поляризованном мире.

Вызовы и возможности

МТК «Север – Юг» сталкивается с серьезными проблемами, включая политические риски, экономическую конкуренцию с другими региональными транспортными коридорами, такими как Инициатива «Один пояс, один путь» и Китайско-Пакистанский экономический коридор (СРЕС), а также инфраструктурные и логистические препятствия. Несмотря на эти препятствия, коридор предоставляет беспрецедентные возможности для улучшения торговли, региональной связности и развития инфраструктуры, подчеркивая его потенциал как трансформационного экономического и дипломатического ресурса.

Политические риски охватывают широкий спектр проблем, от геополитических напряженностей и конфликтов до санкций и политической нестабильности в странах, через которые проходит транспортный коридор. Эти риски могут серьезно повлиять на операционные возможности коридора, приводя к нарушениям в потоках торговли и увеличению затрат для пользователей коридора. Например, геополитическая нестабильность может привести к закрытию ключевых проходов или потребовать перенаправления грузов, значительно влияя на время транзита и надежность. Анализ Всемирного банка по инициативе «Один пояс, один путь» подчеркивает важность принятия политических реформ, которые увеличивают прозрачность и снижают риски в области окружающей среды, социальной сферы и коррупции, чтобы повысить выгоды от транспортных коридоров [Zakharov, 2023, p. 224–226].

Экономическая конкуренция, особенно со стороны других региональных транспортных проектов, таких как Инициатива «Один пояс, один путь» (BRI) и Китайско-Пакистанский экономический коридор (СРЕС), представляет собой еще один слой сложности. Эти коридоры конкурируют не только в плане логистической эффективности и экономичности, но и в их стратегическом геополитическом значении. МТК «Север – Юг», например, предлагает альтернативный маршрут, который потенциально может обойти контрольные пункты, контролируемые или под влиянием конкурирующих геополитических интересов [Петров, Хазин, Кричкер, 2022, с. 86–87]. Акцент BRI на инфраструктуре и проблемах в политике подчеркивает критическую необходимость комплексных инвестиций и реформ для обеспечения конкурентоспособности МТК «Север – Юг» и его привлекательности для участвующих стран.

В основе концепции МТК «Север – Юг» лежит его амбициозная цель переопределить региональную связность и потоки торговли на фоне конкурирующих глобальных инициатив, таких как Инициатива «Один пояс, один путь» (BRI) и Китайско-Пакистанский экономический коридор (СРЕС). Однако путь коридора от концепции до реализации ослож-

нен многочисленными препятствиями. Политическая волатильность, охватывающая геополитические конфликты, санкции и внутренние беспорядки, отбрасывает длинную тень на операционную стабильность коридора [Ahmadian, 2003, p. 18–20]. Эти политические подтексты не только угрожают непрерывности торговли, но и повышают логистические затраты, связанные с перенаправлением и задержками, что находит отклик в акценте Всемирного банка на необходимость политических реформ для снижения рисков в аналогичных проектах.

Кроме того, на фоне экономической конкуренции МТК «Север – Юг» прокладывает свой путь, играя важную роль благодаря логистическим преимуществам и геополитическому влиянию. Стратегическое позиционирование МТК «Север – Юг», предлагающее альтернативный маршрут, который обходит традиционные узкие места, подчеркивает его потенциал для перекалибровки геополитического и экономического ландшафтов. Это соперничество требует всеобъемлющих инвестиций в инфраструктуру и инновации в области политики для сохранения актуальности и привлекательности коридора для заинтересованных государств.

Ландшафт международных транспортных коридоров усложняется прямым влиянием геополитических факторов, включая санкции, конфликты и региональные альянсы. Такие факторы могут определять стратегическую важность транспортных коридоров, влияя на приоритеты инвестиций и дипломатические отношения между задействованными странами. Необходимость в планировании на случай непредвиденных обстоятельств и стратегических альянсах становится ключевой для навигации в этих геополитических тонкостях, обеспечивая устойчивость коридора против политических и экономических потрясений. Отчет Metro Analytics показывает, как геополитическая нестабильность может нарушить транспортные маршруты, подчеркивая необходимость надежных планов действий на случай непредвиденных обстоятельств для поддержания операций в условиях такой неопределенности¹.

Сложная сеть геополитики дополнительно усложняет эту область, где санкции и региональные союзы формируют стратегическую ценность транспортных коридоров. Отчет Metro Analytics акцентирует уязвимость транспортных сетей перед лицом геополитических колебаний, выступая за стратегическое предвидение и крепкие рамки контингент-

¹ Freeman T. Global Transportation Challenges: Navigating International Trade, Cross-Border Regulations, and Geopolitical // Metroanalytics URL: <https://metroanalytics.com/global-transportation-challenges-navigating-international-trade-cross-border-regulations-and-geopolitical-factors/> (дата обращения: 25.03.2024).

ного планирования для поддержания операционной целостности в условиях нестабильности.

Помимо политических и экономических соображений, инфраструктурные различия и регуляторные вызовы также играют ключевую роль. Разница в качестве инфраструктуры и регуляторных рамках между странами может привести к неэффективности, задержкам и увеличению затрат. Гармонизация регуляций и инвестиции в модернизацию инфраструктуры являются существенными шагами для преодоления этих вызовов, облегчая более гладкую и эффективную трансграничную транспортировку [Vinokurov, Ahunbaev, Zaboev, 2022, p. 160]. Эта гармонизация критически важна для уменьшения логистических сложностей и повышения общей эффективности коридора.

Решение «Пробелов в инфраструктуре и технологиях» в рамках Международного транспортного коридора «Север – Юг» предполагает многоаспектный подход к преодолению вызовов, которые препятствуют его эффективности и функциональности. Группа Всемирного банка подчеркивает критическую роль реформы таможенного регулирования и модернизации управления границами в улучшении упрощения торговли. Инвестиции, превышающие 300 млн долл. в операции, связанные с границами, подчеркивают значительные обязательства по улучшению логистической производительности и качества инфраструктуры вдоль основных торговых путей².

К тому же приверженность Всемирного банка реализации Соглашения ВТО об упрощении торговли подчеркивает глобальное стремление к упрощению таможенных процедур и повышению прозрачности, что необходимо для снижения торговых издержек и повышения эффективности транспортных коридоров. Наличие комплексных наборов инструментов и отчетов, таких как Индекс производительности логистики и Набор инструментов для управления торговлей и коридорами, предоставляет практические рекомендации для стран по улучшению их логистической производительности в торговле³. Эти ресурсы играют ключевую роль в выявлении недостатков инфраструктуры, регуляторных препятствий и технологических недочетов, которые нужно устранить для повышения операционной жизнеспособности коридоров вроде МТК «Север – Юг».

В конечном итоге, устранение этих пробелов требует совместных усилий, включающих технологические инновации, реформы политики

² International North–South Transport Corridor: Investments and Soft Infrastructure // Eurasian Development Bank. URL: https://eabr.org/upload/iblock/687/EDB_2022_Report-2_INSTC_eng.pdf (дата обращения: 25.03.2024).

³ Ibid.

и международное сотрудничество, чтобы обеспечить достижение МТК «Север – Юг» своего потенциала как главной артерии для международной торговли и экономического развития. Переход от макроуровневых геополитических и экономических соображений к детальным вызовам инфраструктуры и регулирования ставит МТК «Север – Юг» перед различиями в практиках трансграничного регулирования и развитии инфраструктуры. Стремление к гармонизации регулирования и модернизации инфраструктуры выступает ключевым для повышения логистической эффективности и снижения транзитных препятствий. Эта гармонизация критически важна не только для операционной оптимизации, но и для более широкой цели посредством содействия региональной интеграции и экономической согласованности.

Акцент Всемирного банка на реформу таможи и технологическую модернизацию символизирует скоординированные усилия, необходимые для преодоления этих барьеров. Инвестиции, предназначенные для улучшения работы границ, демонстрируют осязаемые обязательства по повышению логистических возможностей коридора. Более того, соблюдение Соглашения ВТО об упрощении торговли освещает глобальную тенденцию к более прозрачным, упрощенным торговым практикам, критически важным для снижения торговых издержек и увеличения эффективности коридора⁴.

Обобщая этот анализ, отметим, что МТК «Север – Юг» находится на перекрестке геополитического интрига и экономических амбиций, оказываясь в центре стратегического значения и операционной осуществимости. Преодоление глубоко укоренившихся пробелов в инфраструктуре и технологиях требует скоординированного подхода, основанного на инновациях, перекалибровке политики и международной солидарности. Эти совместные усилия незаменимы для раскрытия трансформационного потенциала МТК «Север – Юг», направляя его к становлению углов.

Сравнительный анализ

Сравнение МТК «Север – Юг» с другими значимыми проектами, такими как Китайско-Пакистанский экономический коридор (СПЕС) и Инициатива «Один пояс, один путь» (BRI), выявляет его уникальные преимущества и вызовы. В то время как СПЕС и BRI приносят свои выгоды, включая развитие инфраструктуры и экономический рост, они также сопряжены с зависимостями и проблемами, связанными с суверенитетом, воздействием на окружающую среду и геополитическими напряженностями. В контрасте с ними, МТК «Север – Юг» способствует многополярности и предлагает более сбалансированный подход к меж-

⁴ Ibid.

дународной торговле и сотрудничеству, снижая зависимость от какой-либо одной глобальной державы [Gao, 2023, p. 17–19].

Создание детального сравнительного анализа требует противопоставления МТК «Север–Юг» другим значимым коридорам, таким как Инициатива «Один пояс, один путь» (BRI) и Китайско-Пакистанский экономический коридор (CPEC), по различным аспектам. Такой анализ может показать, как МТК «Север–Юг» выделяется не только как экономический проход, но и как мощный политический инструмент, предлагающий альтернативное видение мира для стран, подвергшихся санкциям, и поощряющий переход к многополярному мировому порядку. Автор провел уникальный анализ среди этих мегапроектов, и следующая таблица может быть рассмотрена как результат исследования.

Таблица 1. Сравнительный анализ INSTC, BRI и CPEC // Авторский анализ

Характеристики	INSTC	BRI	CPEC
Географическое покрытие	Соединяет Северную Европу, Центральную Азию и Южную Азию с Персидским заливом и Индийским океаном.	Обширная сеть, охватывающая Азию, Африку и Европу, направленная на расширение мировой торговли и стимулирование экономического роста.	Связывает западные регионы Китая с Аравийским морем, обеспечивая прямой доступ к Ближнему Востоку и Африке.
Политические последствия	Действует как стратегическая альтернатива для стран, находящихся под западными санкциями, способствуя региональному сотрудничеству и многополярности.	Усиливает глобальное влияние Китая, потенциально меняя глобальный баланс сил.	Укрепляет китайско-пакистанские отношения, что имеет последствия для динамики отношений между Индией и Пакистаном.
Экономическое влияние	Целью является сокращение времени и стоимости транзита, расширение торговли между странами-членами.	Широкий размах и масштабные инвестиции в инфраструктуру, потенциально меняющие экономический ландшафт стран-участниц.	Основное внимание уделяется улучшению инфраструктуры Пакистана при значительных китайских инвестициях.
Стратегическое значение	Предлагает геополитический поворот для стран, подвергшихся санкциям, представляя альтернативный маршрут в обход традиционных узких мест, контролируемых западными или конкурирующими интересами.	Часть стратегического видения Китая по глобальному доминированию, включая распространение своих технологических стандартов.	Считается краеугольным камнем экономической стратегии Пакистана и жизненно важным звеном стратегических амбиций Китая.

Эта таблица отражает отличительные характеристики и стратегические измерения МТК «Север – Юг» в сравнении с BRI и СПЕС, подчеркивая его уникальное положение не только в экономическом аспекте, но и, что более значимо, в геополитической арене.

Акцент МТК «Север – Юг» на облегчении торговли для стран, находящихся под санкциями, и его потенциал вдохновить переход к более многополярному мировому порядку подчеркивает его политическую значимость.

В отличие от BRI и СПЕС, которые в значительной степени подвержены стратегическим интересам Китая, МТК «Север – Юг» представляет собой совместные усилия, которые могут служить моделью для новых форм международного сотрудничества, предлагая альтернативный нарратив преобладающему глобальному порядку. Этот анализ, хоть и краткий, предполагает более широкие последствия МТК «Север – Юг» для глобальной политики, предлагая инновационный взгляд на международные отношения и динамику торговли.

Роль МТК «Север – Юг» в противодействии санкциям

Международный транспортный коридор «Север – Юг» выходит на арену не только как канал для торговли и связности, но и как стратегическое противодействие геополитическим препятствиям, с которыми сталкиваются такие страны, как Иран, Россия и Индия. Эта инициатива означает стратегический поворот от западноцентричных торговых маршрутов и альянсов, предлагая альтернативу, подрывающую доминирование западных геополитических стратегий. Таким образом, МТК «Север – Юг» становится свидетельством жизнеспособности многополярного мирового порядка, который отстаивает принципы суверенитета, сотрудничества и экономической взаимозависимости за пределами традиционной западной сферы влияния [Белов, Биниш, 2022, с. 23–24].

Соединяя в сеть страны, находящиеся под тенью санкций, МТК «Север – Юг» формирует смелый политический нарратив. Он подчеркивает устойчивость этих стран в создании экономических путей, обходящих ограничительные меры, наложенные западными державами. Эта устойчивость свидетельствует не только о сохранении экономической жизнеспособности, но и о создании нарратива дефианса и автономии. Коридор, таким образом, служит осязаемым воплощением стремления к справедливой глобальной экономической системе, где стратегические альянсы и партнерства ослабляют силу односторонних санкций.

Более того, МТК «Север–Юг» демонстрирует потенциал дипломатического и экономического изобретательства в преодолении традиционных геополитических границ. Он предлагает парадигму, в которой стратегические экономические коридоры могут стать инструментами мягкой силы, позволяя нациям утверждать свой суверенитет и влиять на глобальную экономическую архитектуру. Эта переконфигурация торговых маршрутов и альянсов является символом сдвига глобальной динамики власти, стремящейся к демократизации международных отношений и снижению непропорционального влияния нескольких.

Кроме того, стратегическая важность коридора усиливается его ролью в способствовании региональной интеграции и экономическому разнообразию. Связывая экономики Центральной Азии, Ближнего Востока и Южной Азии, МТК «Север–Юг» не только диверсифицирует торговые и энергетические маршруты, но и стимулирует экономический рост и развитие в этих регионах. Эта интеграция критически важна для социально-экономического подъема населения регионов, предлагая новые возможности для торговли, инвестиций и культурного обмена, которые ранее были недоступны из-за геополитических ограничений [Koolaee, Norouzi, 2022, p. 802].

В сущности, МТК «Север–Юг» является символом более широкой борьбы за перебалансировку глобального порядка, бросая вызов нарративам экономической изоляции и дипломатии, основанной на санкциях. Он выступает как ясный призыв к нациям исследовать кооперативные модели развития, которые уважают национальный суверенитет, одновременно способствуя экономической взаимозависимости. Таким образом, МТК «Север–Юг» не просто торговый коридор; он является маяком надежды на более инклюзивный и сбалансированный мир, где экономическое сотрудничество прокладывает путь к новой эре глобальных отношений. Своим существованием и продолжающимся расширением МТК «Север–Юг» демонстрирует, как стратегическое предвидение в сочетании с совместными усилиями может проложить пути, преодолевающие политические тупики, возвещая новую главу.

Заключение

Международный транспортный коридор «Север–Юг» является мощным ответом на вызовы, поставленные западными санкциями, пронизывая геополитический узор с устойчивостью и стратегическим предвидением. Через призму этого исследования МТК «Север–Юг» анализируется не только как физический канал для товаров, но и как глубокое политическое заявление против односторонних санкций и свиде-

тельство стремления к многополярному мировому порядку. Предлагая альтернативный путь для торговли, МТК «Север – Юг» не только облегчает экономическую взаимозависимость между такими странами, как Иран, Россия и Индия, но и символизирует их коллективное сопротивление западному давлению.

Это исследование раскрывает многоаспектные вызовы и возможности, представленные МТК «Север – Юг», от политических рисков и экономической конкуренции до инфраструктурных и регуляторных препятствий. Оно подчеркивает ключевую роль коридора в изменении региональной связности и потоков торговли, предлагая стратегическую альтернативу традиционным маршрутам, доминируемым западными интересами.

Более того, сравнительный анализ с проектами, такими как Инициатива «Один пояс, один путь» (BRI) и Китайско-Пакистанский экономический коридор (СРЕС), подчеркивает уникальное положение МТК «Север – Юг» в глобальной геополитической арене, акцентируя на его вкладе в формирование более сбалансированной глобальной структуры власти.

Проведенный уникальный анализ открывает важное понимание: МТК «Север – Юг» превосходит свою экономическую полезность, воплощая в себе значимый политический инструмент. Он служит не только жизненной линией для стран, находящихся под санкциями, но и маяком, мотивирующим другие нации к принятию видения многополярного мира. Эта двойная полезность подчеркивает стратегическое значение коридора, далеко выходящее за рамки его роли в облегчении торговли. Он представляет собой коллективное усилие по переопределению глобальных альянсов и экономических сетей, бросая вызов устоявшемуся порядку и выступая за диверсифицированную глобальную динамику власти.

Таким образом, МТК «Север – Юг» появляется не просто как экономическая инициатива, но и как катализатор геополитического переустройства. Он демонстрирует силу стратегического сотрудничества и инфраструктуры в преодолении политических барьеров и санкций, предлагая модель для наций по навигации в сложностях современного глобального порядка.

МТК «Север – Юг» стоит как символ политической устойчивости и предвестник более инклюзивного и справедливого мира, где экономическое сотрудничество и стратегические партнерства прокладывают путь к преодолению односторонних наложений и способствуют глобальной гармонии.

Литература / References

1. Белов (Юртаев) В. И., Биниш. Индия, Россия и Иран: новое прочтение международного транспортного коридора «Север – Юг» // *Информация и инновации*. 2022. Т. 16. № 4. С. 18–25. [Belov (Yurtaev) V. I. Binish. India, Russia and Iran: A new study on “North – South” International Transport Corridor // *Information and Innovations*. 2021. Vol. 16. No. 4. Pp. 18–25]. DOI: 10.31432/1994-2443-2021-16-4-18-25
2. Петров М. Б., Хазин М. Л., Кричкер Д. Р. Альтернативные направления и маршруты экспорта-импорта в новых условиях // *Вестник Уральского государственного университета путей сообщения*. 2022. № 3. С. 83–94. [M. B. Petrov, M. L. Khazin, D. R. Krichker. Alternative export-import directions through the International North – South Transport Corridor under conditions of the economic sanctions // *Bulletin of the Ural State University of Railway Transport*. 2022. No. 3. Pp. 83–94]. DOI: 10.20291/2079-0392-2022-3-83-94
3. Ahmadian A. B. North-South Corridor and its importance in regional convergence // *Studies of Central Asia and the Caucasus*. 2003. № 41. Pp. 7–22.
4. Freeman T. Global Transportation Challenges: Navigating International Trade, Cross-Border Regulations, and Geopolitical // *Metroanalytics*. URL: <https://metroanalytics.com/global-transportation-challenges-navigating-international-trade-cross-border-regulations-and-geopolitical-factors/> (дата обращения: 25.03.2024).
5. Gao B. China-Pakistan Economic Corridor and the Belt and Road Initiative // *The Political Economy of the China-Pakistan Economic Corridor*. 2023. Pp. 1–19.
6. International North–South Transport Corridor: Investments and Soft Infrastructure // Eurasian Development Bank. URL: https://eabr.org/upload/iblock/687/EDB_2022_Report-2_INSTC_eng.pdf (дата обращения: 25.03.2024).
7. Koolaee E., Norouzi A. Cooperation between Iran, Russia and the Republic of Azerbaijan in creating the North-South corridor and its impact on Iran's national security // *Politics Quarterly*. 2021. Vol. 51. № 3. Pp. 811–789. DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-72-83
8. Markelov K., Karabushenko P., Usmanov R., Golovin V. The international north-south transport corridor: history, modernity, prospects // *East – West: Practical Approaches to Countering Terrorism and Preventing Violent Extremism*. 2022. № 1. Pp. 1–6.
9. Vinokurov E. Y., Ahunbaev A., Zaboiev A. I. International North–South Transport Corridor: Boosting Russia’s “pivot to the South” and Trans-Eurasian connectivity // *Russian Journal of Economics*. 2022. Vol. 8. № 2. Pp. 159–173.
10. Zakharov A. The International North-South Transport Corridor: The Prospects and Challenges for Connectivity between Russia and India // *MGIMO Review of International Relations*. 2023. Vol. 16. № 2. Pp. 216–234.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ранджбар Мешкин Даниал –
аспирант, ассистент кафедры теории
и истории международных отношений
РУДН, г. Москва, Россия

Daniyal Ranjbar Meshkin –
Postgraduate student, assistant
at the Department of Theory and
History of International Relations of
RUDN University, Moscow, Russian
Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23.07.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 06.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 23.07.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 06.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 339.92
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-050-069>

ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ – ДОЛГИЙ ПУТЬ ОТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАЯВЛЕНИЙ ДО ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Илья Викторович Федулов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
ivran408@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3621-8234>

Аннотация. В статье рассматриваются планируемые и действующие транспортные проекты, такие как «Индия – Европа» (ИМЕС), «Баку – Тбилиси – Карс» (БТК), «Транскаспийский коридор», «Зангезурский коридор», железная дорога «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» и коридор «Север – Юг», исследуется влияние различных факторов на их создание и функционирование. Показывается, что политическая поддержка новых транспортных проектов не гарантирует ускорения их строительства или модернизации существующих. Обращается внимание, что для коридора «Север – Юг», имеющего большую геополитическую значимость, за время его существования не была проведена модернизация инфраструктуры, что может негативно сказаться на его возможности обеспечить возрастающий грузооборот.

Также делается вывод, что при формировании многополярного мира усиливается влияние геополитического фактора как на создание и реализацию новых транспортных проектов, так и на работу действующих транспортных систем.

Ключевые слова: транспортный коридор, Индия – Европа, Север – Юг, железная дорога, геополитика, грузооборот

Для цитирования: Федулов И. В. Транспортные коридоры – долгий путь от политических заявлений до практической реализации. *Восточная аналитика*. 2024;15(3):50-69. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-050-069>

Original article. Economics studies

TRANSPORT CORRIDORS – A LONG WAY FROM POLITICAL STATEMENTS TO PRACTICAL IMPLEMENTATION

Iliia Fedulov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
ivran408@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3621-8234>

Abstract. The article examines the planned and operating transportation projects such as India–Europe (IMEC), Baku–Tbilisi–Kars (BTK), Trans-Caspian Corridor, Zangezur Corridor, China–Kyrgyzstan–Uzbekistan railway and the North – South Transport Corridor, and explores the impact of various factors on their establishment and operation. It is shown that political support for new transport projects does not guarantee the acceleration of their construc-

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

tion or the modernization of existing ones. It was pointed out that the North–South corridor, which is of great geopolitical importance, has not undergone infrastructure modernization during its existence, which may have a negative impact on its ability to meet the increasing cargo turnover.

It is also concluded that the formation of a multipolar world increases the influence of the geopolitical factor both on the creation and implementation of new transport projects and on the operation of existing transport systems.

Keywords: transport corridor, India – Europe, North – South, geopolitics, railway, freight turnover

For citation: Fedulov I. V. Transport Corridors – a Long Way from Political Statements to Practical Implementation. *Eastern Analytics*. 2024;15(3):50-69. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-050-069>

Новый амбициозный транспортный мегапроект Индия – Европа, озвученный 9 сентября 2023 г. в кулуарах G20 президентом США Джо Байденом, наследным принцем Саудовской Аравии Мухаммедом бин Салманом и премьер-министром Индии Нарендрой Моди, был неожиданным и произвел большое впечатление на многих лидеров стран Ближнего и Среднего востока. В частности, президент Турции Реджеп Эрдоган (вскоре после заявления об этом проекте) заявил, что «не может быть никакого коридора без Турции», добавив, что «наиболее подходящий маршрут для торговли с востока на запад должен проходить через Турцию»¹ и предложил свой проект – «Путь развития» через Ирак и далее через Турцию в Европу.

Отметим, что в данной статье термины «транспортный коридор» и «транспортный проект» взаимозаменяемы, хотя понятие «транспортный коридор» более всеобъемлющее и включает не только транспортную инфраструктуру (физическая часть), но и нефизическую часть, а именно: осуществленные мероприятия по гармонизация процедур пересечения границ (в том числе таможенных процедур), сквозные тарифы и координация тарифной политики, цифровизация транспортных документов и процедур и пр.

Проектом коридора Индия – Европа (India – Middle East – Europe Corridor – далее ИМЕС) предусматривалось две части: восточная и северная. Восточная часть будет соединять Индию морем с ОАЭ, а северная – соединять ОАЭ и Европу по суше через Саудовскую Аравию, Иорданию и Израиль и далее морем в Грецию. Северная часть коридора, проходящая по суше, предусматривает железнодорожный транспорт для пере-

¹ Турция ведет «интенсивные переговоры» по поводу альтернативы торговому коридору Индия – Ближний Восток // Новости Армении. 18.09.2023. URL: <https://news.am/rus/news/781352.html> (дата обращения: 13.04.2024).

возки грузов. Вдоль планируемого железнодорожного маршрута предполагалось проложить кабели для энергоснабжения и цифровой связи, а также трубопровод для прокачки «зеленого» водорода.

Представляется, что этот проект можно рассматривать как политический. Реализация проекта должна была решить несколько задач: противостоять глобальной китайской инфраструктурной программе «Один пояс – один путь», укрепить влияние США на так называемом «Глобальном Юге» и ускорить долгожданное сближение между Израилем и Саудовской Аравией.

Например, Романа Влахутин, бывший специальный посланник Европейского Союза по связям с общественностью, заявила: «Этот проект заставил нервничать Иран, Китай, Россию и даже Турцию»². Президент США охарактеризовал ИМЕС как «региональную инвестицию, которая изменит правила игры».

Однако, хотя министр обороны Индии Раджнатх Сингх сказал 10 сентября 2023 г., что «проект "Экономический коридор Индия – Ближний Восток – Европа" запущен»³, последующие события в Израиле и ситуация в Красном море надолго затормозили реализацию этого проекта.

В настоящее время некоторые эксперты с осторожностью высказываются о перспективах реализации данного проекта. Так, Крейг Синглтон, старший научный сотрудник одного из американских аналитических центров, считает, что «на бумаге проект выглядит многообещающе, но сложная региональная динамика делает его реализацию проблематичной». И даже «...крах ИМЕС является суровым напоминанием о том, что грандиозные стратегические планы часто терпят неудачу перед лицом суровых геополитических реалий»⁴.

С другой стороны, в речах политиков продолжают звучать оптимистические нотки. Так, министр финансов Индии Нирмала Ситхараман в своей речи в феврале текущего года о бюджете на 2024 г. подтвердила, что «недавно объявленный экономический коридор Индия – Ближний Восток – Европа меняет стратегические и экономические правила игры для Индии и других стран» и процитировала слова премьер-министра Индии Н. Мори: «коридор станет основой мировой торговли на "сотни

² Jamrisko M., Nardelli A. World's Most Ambitious Trade Route Stalls in Mideast Turmoil // Bloomberg. 23.01.2024. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-01-23/worlds-most-ambitious-trade-route-stalls-in-middle-east-turmoil?mod=djemlogistics_h (accessed: 13.04.2024).

³ В Индии считают, что запуск коридора ИМЕС надолго свяжет страну с Ближним Востоком // ТАСС. 10.09.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18699217> (дата обращения: 13.04.2024).

⁴ Транспортный коридор ИМЕС: перспективы туманны // ОТК «ЮниТранс». 26.01.2024. URL: <https://www.multirail.ru/novosti/novosti-otrasli/512-transportnyj-koridor-imec-perspektivy-tumannyy> (дата обращения: 13.04.2024).

лет вперед, и история запомнит, что этот коридор был инициирован на индийской земле"»⁵.

Президент Франции Эммануэль Макрон выразил желание, чтобы Франция стала ключевым игроком в этом транспортном проекте, а французские компании приняли участие уже на ранних стадиях проекта. Он также назначил Жерара Местралле (Gérard Mestralle), бывшего президента французской энергетической компании Engie, «специальным представителем по ИМЕС»⁶.

Следует сказать, что крупные международные транспортные проекты проходят долгий путь от слов политиков до реально работающих систем. Часто в силу различных причин проекты откладываются на неопределенный срок или находятся в процессе вялотекущего функционирования.

Рассмотрим некоторые транспортные проекты, функционирующие в настоящее время (апрель 2024 г.) или планируемые к началу реализации в ближайшей перспективе.

Железная дорога «Баку – Тбилиси – Карс» (БТК)

В статье, опубликованной в «Вестнике ИВ РАН» в 2023 г., подробно рассмотрена история создания, текущее состояние и перспективы БТК [Федулов, 2023]. В данном случае БТК – пример того, как в сложных геополитических и экономических условиях проект состоялся и начал работать.

История БТК началась в 1993 г., когда после начала 1-й Карабахской войны Турция закрыла действующую железную дорогу в Армению (Карс – Гюмри). И в этом же году в Анкаре турецко-грузинской Объединенной транспортной комиссией был разработан проект железнодорожной магистрали Карс – Ахалкалаки – Тбилиси – Баку (КАТБ). Потом этот проект стал называться Баку – Тбилиси – Карс. С самого начала объявления планов о строительстве этой дороги против проекта выступили многие государства. Кроме отрицательной реакции Армении, в то время оккупировавшей территорию Азербайджана, против выступили Россия и, немного позже, США. Россия увидела в проекте БТК конкуренцию грузопотока из Китая по направлению Восток – Запад. США под сильным влиянием армянского лобби в то время всячески препятствовали про-

⁵ Ravi Dutta Mishra. Interim Budget 2024: 'Trade corridor will be strategic game-changer' // The Indian Express. 02.02.2024. URL: <https://indianexpress.com/article/business/budget/interim-budget-2024-trade-corridor-will-be-strategic-game-changer-9139852/> (accessed: 13.04.2024).

⁶ L'ex-patron d'Engie nommé émissaire de la France dans un projet de couloir logistique entre l'Europe et l'Asie // Actualités en direct et info en continu – Le Parisien. 12.02.2024. URL: <https://www.leparisien.fr/economie/lex-patron-dengie-gerard-mestrallet-nomme-emissaire-de-la-france-dans-un-projet-de-couloir-logistique-entre-leurope-et-lasie-12-02-2024-043VMXIAW-JANFF6ZEXMHRCSJA.php> (accessed: 13.04.2024). На фр. яз.

екту БТК. Например, в 2006 г. Палатой представителей США был принят акт H.R. 5068 с поправками к законопроекту, в котором говорилось, что «любая страна, или компания, взявшаяся финансировать проект Карс – Ахалкалаки (БТК – И.Ф.), должна осознавать, что она противопоставляет себя Америке»⁷. В этом же году произошли выступления граждан Грузии армянского происхождения против строительства этой магистрали.

Несмотря на противодействия, в 2006 г. турецкой компанией «Yuksel Domonik» было сделано технико-экономическое обоснование (ТЭО) проекта. До этого проводились различные встречи чиновников и политиков, осуществлялся поиск инвесторов. В качестве возможных инвесторов проекта предполагалось обратиться к Китаю и Казахстану, но эти планы не были реализованы. Как мы видим, от момента провозглашения проекта БТК до первых реальных действий – составления ТЭО – прошло 13 лет. В 2007 г. президент Азербайджана Ильхам Алиев подписал указ «О реализации мероприятий в рамках проекта Баку – Тбилиси – Карс», открывший финансирование проекта со стороны Азербайджана. В ноябре этого же года состоялась официальная церемония начала строительных работ на грузинском участке дороги, а в июле 2008 г. церемония начала работ была проведена на территории Турции в г. Карсе. Предполагаемым сроком окончания работ и запуска линии был обозначен 2011 год. Однако только 30 октября 2017 г. в г. Баку состоялось официальное открытие железнодорожного маршрута Баку – Тбилиси – Карс в присутствии президента Турции Р. Эрдогана, премьер-министра Грузии Г. Квирикашвили и президента Азербайджана И. Алиева.

Для повышения эффективности работы БТК на окраине г. Карса в 2021 г. начал работать логистический центр. В этом центре формировались грузовые поезда, были построены складские помещения.

Грузооборот по БТК увеличивался каждый год, достигнув к 2021 г. 477 тыс. т. Но в марте 2023 г. грузинский участок БТК закрылся на реконструкцию. В процессе реконструкции проводятся работы для повышения пропускной способности магистрали, финансы для этих работ выделил Азербайджан. Открытие было запланировано на апрель 2024 г., и 25 мая по модернизированному маршруту железной дороги Баку – Тбилиси – Карс (БТК) прибыл из Баку в Карс первый грузовой состав с 632 т пластикового сыра⁸.

⁷ А. Еркян. Китай позволяет втянуть себя в антиармянскую авантюру? // PanARMENIAN.net. 29.07.2006. URL: <https://www.panarmenian.net/m/rus/details/42474> (дата обращения: 13.04.2024).

⁸ Дж. Челик, О. Тарсуслу, У. Амоева. В Турцию по модернизированному маршруту ж/д линии БТК прибыл первый грузовой состав // Anadolu Ajansi. 27.05.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/экономика/в-турцию-по-модernизированному-маршруту-ж-д-линии-бтк-прибыл-первый-грузовой-состав/3229962#> (дата обращения: 01.06.2024).

Рис. 1. Формирование грузовых поездов в логистическом центре г. Карса. 2022 г.
Источник: Yasin Yilmaz, Google Maps

Следует отметить, что будет создано совместное (Грузия и Азербайджан) предприятие для управления БТК, которое будет устанавливать тарифы на грузоперевозки, осуществлять перевозку грузов и решать оперативные вопросы в целом⁹. Также 7 апреля 2024 г. президент Турции Реджеп Эрдоган ратифицировал «Соглашения между правительствами Турции, Азербайджана и Грузии о предварительном обмене данными для облегчения таможенных транзитных операций в рамках проекта железной дороги Баку – Тбилиси – Карс»¹⁰. Этот документ направлен на осуществление электронного обмена первичными данными для облегчения таможенных процедур для транзитных товаров, перевозимых по БТК.

Таким образом, к 2024 г. дорога Баку – Тбилиси – Карс за 31 год прошла путь от проекта с непонятной перспективой до работающего логистического коридора с хорошими перспективами по увеличению грузооборота.

⁹ Азербайджан и Грузия создают совместное предприятие для управления ж/д «Баку-Тбилиси-Карс» // AT1.SU – Новости рынка автомобильных грузоперевозок. 03.03.2024. URL: <https://news.at1.su/news/2024/03/03/azerbajdzhan-i-gruzija-sozdajut-sovmestnoe-predpriyatje-dlja-upravlenija-zhd-baku-tbilisi-kars-113439/> (дата обращения: 13.04.2024).

¹⁰ Эрдоган Azərbaycan, Gürcüstan və Türkiyə arasında imzalanmış sənədi təsdiqləyib // Azərbaycanın aparıcı xəbər saytı | Report.az. 07.04.2024. URL: <https://report.az/infrastruktur/erdogan-azerbaycan-gurcistan-ve-turkiye-arasinda-imzalanmis-senedi-tesdiqleyib/> (accessed: 13.04.2024). На азерб. яз.

Также необходимо отметить, что БТК связан как со «Средним коридором» (иногда его называют «Транскаспийский») так и, в меньшей степени, с коридором «Север – Юг», о которых речь пойдет далее.

Транскаспийский (Средний, Срединный) коридор

Транскаспийский (Средний) коридор – это мультимодальный транспортный коридор, соединяющий Китай с Европой и пересекающий Каспийское море. Схема коридора приведена на рис. 2.

Рис. 2. Общая схема Транскаспийского коридора

Источник: Транскаспийский Международный Транспортный Маршрут (ТМТМ).
URL: <https://middlecorridor.com/ru/>

Проект коридора был создан в 2013 г., когда был создан Координационный совет, в состав которого вошли АО «Грузинская железная дорога», АО «НК "Актауский международный морской торговый порт"», АО «НК "Қазақстан темір жолы"», ЗАО «Азербайджанские железные дороги», ЗАО «Азербайджанское Каспийское Морское Пароходство», ЗАО «Бакинский международный морской торговый порт» и ООО «Батумский морской порт». В 2017 г. по коридору началось движение грузов. Грузооборот по коридору постоянно рос (с небольшим падением в 2020 г). Данные по грузообороту контейнеров приведены в таблице 1.

Таблица 1. Объем контейнерных перевозок по Транскаспийскому коридору, тыс. TEU

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
тыс. TEU	9,0	15,2	26,0	21,0	25,2

Источник: <https://trans.info/ru/obyem-gruzoperevozok-po-transkaspiskomu-koridoru-353419>

В 2022 г. с началом СВО и изменением геополитической операции часть грузопотоков переориентировалась на Транскаспийский маршрут. В результате рост грузоперевозок по маршруту увеличился в 2,5 раза

в весовом выражении и достиг 1,48 млн т, а по перевозке контейнеров рост составил 33% и достиг 33,6 тыс. TEU¹¹. Однако удержать повышение грузопотока в 2023 г. не удалось из-за плохой подготовленности коридора к возросшим объемам перевозок.

В конце 2023 г. Всемирный банк опубликовал отчет о Среднем (Транскаспийском) коридоре, в котором сделан «анализ торговли в качестве основного элемента, определяющего потребность в этом коридоре,... дается подробная и полезная диагностика потенциала и ограничений, связанных с инфраструктурой и логистическими услугами... исследуются возможности для увеличения объемов торговли, диверсификации экспортных рынков и привлечения инвестиций» [Средний торговый-транспортный коридор..., 2023, с. 3]. По мнению Всемирного банка, причиной снижения грузопотока в 2023 г. стало не только недостаточно подготовленная инфраструктура, но и операционные разногласия, «что привело, в частности, к модальному сдвигу в сторону морского и автомобильного транспорта и более сильному дисбалансу между грузопотоками в восточном направлении, по сравнению с западным» [Средний торговый-транспортный коридор..., 2023, с. 23]. Независимые азербайджанские перевозчики согласны с такой оценкой. Хотя государственный азербайджанский перевозчик «ADY Container» (дочернее предприятие Азербайджанских железных дорог) сообщал о росте транзита контейнеров по коридору в 2023 г. и сокращению срока прохождения поездов по маршруту до 18–23 дней, Всемирный банк, профессиональные транспортные ассоциации и частные азербайджанские перевозчики говорят о снижении объема перевозок. По контейнерным перевозкам уменьшение составило 35–40%, срок доставки грузов остался на уровне 53 дня. В частности, «число блок-поездов¹² на Среднем коридоре резко снизилось с почти 60 в 2022 г. до однозначной цифры в 2023 г.»¹³

Также участники логистического рынка услуг отметили резкий рост тарифов на железнодорожные перевозки в Азербайджане и Грузии, что также не способствовало удержанию нового, возросшего грузопотока.

¹¹ Анализ и перспективы Транскаспийского международного транспортного маршрута // Eurasian Rail Alliance Index. 04.10.2023. URL: <https://index1520.com/analytics/analiz-i-perspektivy-transkaspiskogo-mezhdunarodnogo-transportnogo-marshruta/> (дата обращения: 13.04.2024).

¹² Блок-поезд (контейнерный поезд) – поезд, который состоит из вагонов, загруженных следующими в один пункт назначения контейнерами, принадлежащими перевозчику или иным лицам. Длина поезда и скорость устанавливаются нормативными правовыми актами. Поезд формируется на станции отправления и следует без разделения по пути следования и без дальнейшей переадресовки контейнеров.

¹³ Переломный момент: Взгляд частного сектора на реанимацию железнодорожного транзита Азербайджана // «Interfax» – последние новости Азербайджана, Грузии и Армении. 07.01.2024. URL: <https://interfax.az/view/907128> (дата обращения: 13.04.2024).

Интересно отметить реакцию в средствах массовой информации и в соцсетях в Азербайджане на вышеупомянутый доклад Всемирного банка. Например, в предисловии к обсуждению проблем и перспектив коридора в статье издания «Азербайджанский взгляд» говорится: «Вокруг «Среднего коридора»... разворачивается информационная война. Дело в том, что полное включение коридора в работу и его превращение в будущем в основной маршрут между Китаем и Европой способствовали бы развитию и повышению геополитического значения стран, через которые он проходит. К сожалению, существуют группы интересов, которым это не на руку. Они относятся к «Среднему Коридору» как к элементу «гибридной войны», проводимой против стран, расположенных на его пути, стремясь умалить его значение. Некоторые центры, находящиеся под влиянием этих групп (намек на Всемирный банк – *И. Ф.*), намеренно акцентируют внимание на возможных проблемах, преувеличивая их, вместо того чтобы освещать создаваемые коридором возможности»¹⁴.

В то же время Азербайджан провел большие работы по модернизации своей транспортной инфраструктуры. Отметим, что модернизируется Бакинский международный порт до пропускной способности в 25 млн т, модернизируются судостроительные заводы, укладываются вторые пути на железных дорогах (и фактически заново строятся железнодорожные пути на освобожденных от армянской оккупации территориях). Как положительный фактор можно отметить и перевод железных дороги на переменный ток, что позволит увеличить грузоподъемность и скорость грузовых поездов.

Зангезурский коридор

Под Зангезурским коридором в данной статье понимается не локальный транспортный коридор между Азербайджаном и Нахичеванской Автономной Республикой в составе Азербайджана (далее – НАР), а транспортный проект, соединяющий Азербайджан с Турцией (и проходящий в том числе через НАР). Хотя разговоры о необходимости построения надежной транспортной системы, соединяющей Азербайджан с НАР и далее с Турцией велись на протяжении многих лет, реальные возможности открылись только после 2-й Карабахской войны и освобождения оккупированных Арменией азербайджанских территорий и восстановления территориальной целостности Азербайджана. Предполагалось соединить железнодорожные системы Азербайджана и НАР через тер-

¹⁴ «Средний Коридор»: Что показывает «диагноз»? // *Vzglyad* – Новости Азербайджана. 01.04.2024. URL: <https://vzglyad.az/news/243070> (дата обращения: 13.04.2024).

риторию Армении¹⁵ (через историческую область Зангезур), также устроить соединения для автомобильных дорог Азербайджана и НАР. В НАР имеется соединение с железнодорожной сетью Ирана (ст. Джульфа). Также в настоящее время НАР соединена с Турцией автодорогой. Общая схема проекта приведена на рис. 3.

Рис. 3. Общая схема Зангезурского коридора (автомобильный транспорт)

Источник: <https://vestikavkaza.ru/upload/2023-03-01/167767190363ff3ddf80a5d6.63504150.jpg>

К сожалению, Армения, игнорируя реальность, отказывается участвовать в этом транспортном проекте, и поэтому начал реализовываться запасной вариант – обход Армении через территорию Ирана. Несмотря на сложные отношения Азербайджана и Ирана, проект получил одобрение двух стран, и уже 6 октября 2023 г. прошла церемония закладки автомобильного моста¹⁶ и погранично-таможенной инфраструктуры между Азербайджаном и Ираном в районе поселка Агбанд Зангиланского района¹⁷. На территории Ирана уже есть автомагистрали вдоль пограничной реки Арас до территории НАР. Турция с 2023 г. также реконструирует свою автомобильную дорогу от г. Ыгдыр в НАР.

¹⁵ Железная дорога из Баку в Нахичевань через территорию Армении функционировала во время СССР. Участок этой дороги в районе Зангезура был разрушен во время боевых действий в Первую Карабахскую войну.

¹⁶ Азербайджан приступил к практическому созданию коридора в Нахичевань через Иран // Интерфакс: новости. 06.10.2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/924510> (дата обращения: 13.04.2024).

¹⁷ Строительство началось в соответствии с «Меморандумом о взаимопонимании между правительствами Азербайджана и Ирана о создании новых коммуникационных связей между Восточно-Зангезурским экономическим районом Азербайджана и Нахчыванской автономной республикой (НАР) через территорию Ирана».

В настоящее время вопрос о железной дороге по территории Ирана в обход Армении находится только на стадии обсуждения и консультаций. На территории Азербайджана используется широкая «русская» колея 1520 мм, а на территории Ирана и Турции используется «европейская» колея 1435 мм. Представляется, что имеет практический смысл строить новую железную дорогу или широкой колеи или совмещенный (двухколейный) путь. Строить одну европейскую колею на таком непротяженном участке (около 60 км) в разрыв широкой азербайджанской колеи – значит сделать неизбежным устройство двух площадок по перевалке грузов при смене колеи, что сильно снизит преимущества данного маршрута.

В Турции идея соединения железных дорог Турции и НАР от г. Карса в Турции до ст. Нахичевань в НАР тоже имеет богатую историю, однако в последнее время реальные подвижки в реализации этого проекта стали заметны. Для дороги Карс – Нахичевань в 2019 г. были начаты проектно-изыскательские работы и составление технико-экономического обоснования. Эти работы к началу 2024 г. завершены. Проект, предусматривающий сооружение пяти станций (Digor, Tuzluca, Iğdır, Aralık, Dilusi), постройку 10 мостов общей длиной 638 м и 465 водопропускных труб общей длиной 18 км, планируется реализовать за счет внешних кредитов.

Строительные работы должны начаться в 2024 г., проектный срок строительства составляет пять лет.

Коридор «Север – Юг»

Датой создания этого масштабного проекта следует считать 12 сентября 2000 г., когда во время Второй Евроазиатской конференции по транспорту полномочные представители Исламской Республики Иран, Республики Индия и Российской Федерации подписали межправительственное соглашение по созданию Международного транспортного коридора «Север – Юг». Коридор рассматривался в основном как проект по созданию коридора для транзита грузов между Россией и Индией.

За прошедшее с 2000 г. время коридор «Север – Юг» стал популярной темой в различных публикациях, выступлениях официальных лиц. Политическая поддержка проекта была высокой. Однако фактический грузооборот коридора по сравнению с другими маршрутами перемещения грузов был соизмерим с величиной статистической погрешности.

Следует отметить, что фактически коридор «Север – Юг» состоит из трех частей (маршрутов), малосвязанных друг с другом: автомобильный

Западный маршрут через Азербайджан и далее в Иран, морской маршрут через Каспийское море, напрямую связывающий Россию и Иран, и Восточный (железнодорожный и автомобильный), связывающий Россию и Иран через Казахстан и Туркмению.

К сожалению, во многих публикациях, посвященных коридору «Север – Юг», основное внимание уделялось будущим выгодам от реализации проекта, а не текущему состоянию коридора, существующим проблемам и способам их решения. Одной из первых значимых публикаций, осветивших текущие проблемы коридора, стал доклад Евразийского Банка Развития 2022 г. [Международный транспортный коридор..., 2022].

Ситуация изменилась с началом СВО и введением санкций против России.

Геополитическая значимость коридора «Север Юг» резко возросла. Но оказалось, что к текущему моменту, более чем за 20 лет с момента основания коридора, инфраструктурные проблемы не были решены за небольшими исключениями, организационные проблемы; проблемы координации с соседними странами (таможенные, логистические и пр.) также практически не решались. Самый безопасный маршрут через Каспийское море, напрямую связывающий Россию и Иран, не может функционировать в полную силу из-за многих проблем, в основном из-за нехватки судов и портовой инфраструктуры на Каспии, как в России, так (хоть и в меньшей степени) и в Иране. Со стороны России модернизация портов проводилась только за счет частного бизнеса, в том числе и иранского. Необходимые работы по модернизации Волго-Донского канала, а также дноуглубительные работы на Волго-Каспийском морском судоходном канале (ВКМСК), когда были «выполнены самые масштабные дноуглубительные работы за всю историю этого водного пути»¹⁸, начались только в последние два года.

Если посмотреть на такой показатель, как перегрузка грузов по бассейнам (рис. 4), то мы видим, что и в 2022 г., и в 2023 г. доля Каспийского бассейна в грузообороте невелика.

В десятку портов – лидеров контейнерооборота в России в 2023 г., через которые прошло около 98% совокупного контейнерооборота всех морских портов России, не вошел ни один порт на Каспии¹⁹.

¹⁸ На Волго-Каспийском судоходном канале достигнута проходная осадка судов в 4,5 метра // Министерство транспорта Российской Федерации – Новости. 07.12.2023. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11034> (дата обращения: 13.04.2024).

¹⁹ Топ-10 портов-лидеров контейнерооборота в России в 2023 году // Главные новости – Морские вести России. 30.01.2024. URL: <https://morvesti.ru/news/1679/107294/> (дата обращения: 13.04.2024).

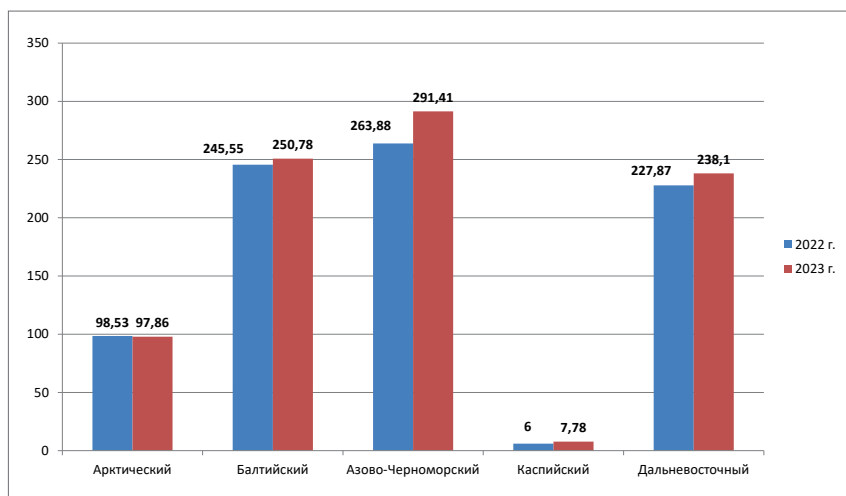

Рис. 4. Перегрузка грузов по бассейнам, млн т

Источник: <https://www.morcenter.ru/analytics/peregruzka-gruzov-po-basseynam-za-2023-god-mln-t>

Из положительного следует отметить, что контейнерные перевозки по МТК Север – Юг вышли из зоны статистической погрешности. «Рост контейнерных перевозок на Каспии в 2022 г. составил 142%, а в 2023 возрос еще на 36% до 10 тыс. TEU»²⁰.

Также за прошедшее время не было построено соединение с железнодорожной системой Ирана по Западному маршруту через Азербайджан. Как отмечалось ранее, существовавшее в советское время соединение через станцию Джульфа в НАР в настоящее время не работает. Иран построил на севере страны железную дорогу до г. Решт. Таким образом, в настоящее время от г. Решт на севере до порта Бендер-Абас на юге на берегу Персидского залива есть прямое железнодорожное сообщение.

Для достройки недостающего участка от г. Решт до г. Астара в Иране (ст. Астара Иранская) Россия и Иран в мае 2023 г. подписали соглашение по достройке железнодорожного участка Решт – Астара. Был выделен Ирану межгосударственный кредит на этот проект в размере 1,3 млрд евро, доля РФ в кредите составляет 85%.

По некоторым неофициальным данным, на апрель 2024 г. не осуществлен выкуп земли по предполагаемой трассе и даже проектная документация не переведена на два языка. К тому же, как заявил в мае 2024 г. заместитель главы компании по строительству и развитию транспортной инфраструктуры Ирана (CDTIC) Аббас Хатиби, «... для завершения строительства дороги Решт – Астара требуется более \$20 млрд»

²⁰ Александр Шаров. РусИранЭкспо. 18.03.2024. URL: <https://t.me/rusiranexpo22/6629> (дата обращения: 13.04.2024).

[Гудок, 2024, п. 9]. По состоянию дел на июнь 2024 г., по данным Минтранса РФ «иранская сторона готова предоставить для проведения геодезических и проектно-изыскательских работ менее 20% будущей трассы (около 30 из 162 км)» и директор департамента международного сотрудничества Минтранса РФ Алексей Сапетко заявил, что «пока не будет закончена геодезия, проектная, исследовательская работа, нельзя даже подписать контракт»²¹.

Как пример неторопливости строительства железных дорог в Иране можно привести пример строительства участка от г. Решт до порта Каспиан (около г. Энзели) длиной 35 км, проходящей по равнинной территории. Современный порт Каспиан остро нуждается в железнодорожной ветке. О начале строительства было объявлено 2 декабря 2018 г. 14 января 2021 г. Президент ИРИ призвал чиновников всех уровней приложить максимум усилий, а подрядчиков – работать в три смены, чтобы завершить строительство в ближайшие четыре месяца²². 20 января 2023 г. замминистра дорог и городского развития Ирана и гендиректор Компании по строительству и развитию транспортной инфраструктуры Хейролла Хадеми заявил, что «Иран планирует до конца марта завершить проект строительства железной дороги Решт – Энзели»²³. 17 января 2024 г. Иран-Пресс заявил об открытии дороги Решт – Каспиан (Энзели) через два месяца²⁴. Открытие произошло при участии исполняющего обязанности президента Мохаммада Мохбера 20 июня 2024 г.²⁵ Некоторые эксперты считают, что при определенных условиях участок Решт – Каспиан может быть хорошей альтернативой на текущий момент еще не построенному участку Решт – Астара²⁶.

В целом, несмотря на увеличивающийся каждый год грузооборот по этому коридору, создание транспортной системы или логисти-

²¹ Д. Коптев. Астара или Джульфа: мнения экспертов // 1520international. URL: <https://1520international.com/content/2024/iyul-2024/astara-or-julfa-expert-opinions/> (дата обращения: 01.07.2024).

²² Rouhani urges for 24/7 work to complete Caspian-Rasht railway // Mehr News Agency. 14.01.2021. URL: <https://en.mehrnews.com/news/168536/Rouhani-urges-for-24-7-work-to-complete-Caspian-Rasht-railway> (accessed: 13.04.2024).

²³ Иран планирует завершить строительство первого участка МТК «Север-Юг» до конца марта // Sputnik Армения – последние новости и главные события. Новости Армении сегодня. 20.01.2023. URL: <https://am.sputniknews.ru/20230120/iran-planiruet-zavershit-stroitelstvo-pervogo-uchastka-mtk-sever-yug-do-kontsa-marta-54108244.html> (дата обращения: 13.04.2024).

²⁴ Advantages of Rasht-Caspian Railway // Iran Press. 17.01.2024. URL: <https://iranpress.com/advantages-of-rasht-caspian-railway> (accessed: 13.04.2024).

²⁵ В Иране ввели в эксплуатацию железнодорожную ветку Решт – Каспиан // РИА Новости. 20.06.2024. URL: <https://ria.ru/amp/20240620/iran-1954152101.html> (дата обращения: 24.06.2024).

²⁶ Александр Шаров. РусИранЭкспо. 06.06.2024. URL <https://t.me/rusiranexpo22/8861> (дата обращения: 24.06.2024).

ческого института, не завершено. Создание устойчивых транспортных связей не наблюдается. Как характеристику текущего состояния коридора можно привести слова основателя группы компаний JUST, сказанные в 2022 г.: «Коридор "Север – Юг" сегодня – разрабатываемый логистический маршрут. Пока это много разрозненных между собой компаний и логистика "как повезет". Горизонт планирования доставки составляет неделю, максимум 10 дней»²⁷. В июне 2024 г. принципиальных изменений не произошло.

Также необходимо отметить, что коридор «Север – Юг», изначально создававшийся для торговли с Индией, для грузопотока в Индию практически не используется. Для нефтяного экспорта из России в Индию используются порты Черного и Балтийского (в меньшей степени) морей, в том числе из-за более низких цен на перевозки по сравнению с коридором «Север – Юг»^{28, 29}.

Железная дорога «Китай – Кыргызстан – Узбекистан»

Эта железная дорога сейчас рассматривается как часть глобального китайского проекта «Один пояс – один путь». Однако разговоры о создании такой дороги велись с 1997 г. В 2003 г. Китай и Кыргызстан подписали соглашение о технико-экономическом обосновании киргизского участка железной дороги³⁰. Однако практические работы не начались. В последние годы интерес к этому проекту возрос, заинтересованность в строительстве высказал и Азербайджан, т. к. после реализации проекта повысится грузооборот по Транскаспийскому коридору через Туркменистан, связанный с Узбекистаном железной дорогой.

В 2022 г. в Самарканде было подписано соглашение о совместной работе над торгово-экономическим обоснованием и была озвучена дата начала строительства – осень 2023 г. В мае 2023 г. министр транспорта Узбекистана Илхом Махкамов заявил: «Первый проектно-исследовательский институт Китайской железнодорожной строительной корпорации

²⁷ Худякова Д. Транзитные перевозки из Ирана в Россию пойдут быстрее // Новости сегодня в России и мире – Российская газета. 23.08.2022. URL: <https://rg.ru/2022/08/23/vse-logistichno.html> (дата обращения: 13.04.2024).

²⁸ Октябрьская железная дорога нарастила перевозки по коридору «Север-Юг» // Последние деловые новости Северо-Запада и Санкт-Петербурга. 21.12.2023. URL: <https://spb.vedomosti.ru/economics/articles/2023/12/21/1012232-oktyabrskaya-zheleznaya-doroga-sever-yug> (дата обращения: 13.04.2024).

²⁹ Любименко А. Как Россия усиливает индийское направление через Новороссийский морской порт // Журнал Эксперт-Урал. Новости экономики, экономические обзоры, анализ рынков. 09.02.2024. URL: <https://expert-ural.com/articles/kak-rossiya-usilivaet-indiyskoe-napravlenie-cherez-novorossiyskiy-morskoj-port.html> (дата обращения: 13.04.2024).

³⁰ China, Kyrgyzstan, Uzbekistan Plan Joint Railway // China.org.cn – China news, business, travel & language courses. 30.12.2003. URL: <http://www.china.org.cn/english/China/83637.htm> (accessed: 13.04.2024).

завершил разработку технико-экономического обоснования проекта строительства железной дороги "Узбекистан – Кыргызстан – Китай"³¹. Однако в октябре 2023 г. было заявлено, что проект остановлен. Стороны не смогли договориться о финансировании проекта³². Также вызвала непонимание позиция Кыргызстана, который хотел проложить больше железнодорожных путей по своей территории в рамках проекта (существующая железнодорожная сеть в Кыргызстане крайне незначительна).

Однако в 2024 г., после неоднократных трехсторонних переговоров, в которых участвовали лидеры трех стран, чиновники и эксперты, было принято решение о создании трехстороннего совместного коммерческого предприятия. Предполагается, что совместное предприятие будет работать по модели ВООТ³³ («строительство – владение – управление – передача»)³⁴. Через некоторое время дорога должна будет перейти в собственность стран – участниц проекта. Подробные условия сотрудничества, включая вопрос размера долей в коммерческой структуре государств-участников, планируют определить по итогам ратификации проекта трехстороннего межправительственного соглашения. В июне 2024 г. Китай, Кыргызстан и Узбекистан заключили соглашение о строительстве новой железной дороги, киргизский парламент уже ратифицировал документ. На реализацию проекта потратят 4,7 млрд долл. (хотя на III Ташкентском инвестиционном форуме в мае 2024 г. была озвучена сумма в 5,1 млрд долл.³⁵), половину суммы профинансирует Китай, по четверти выделяют Кыргызстан и Узбекистан. Протяженность железной дороги составит 454 км, 280 из них пройдут по киргизской территории. На всей линии планируется оборудовать 18 станций, 81 мост и 41 тоннель. Ожидается, что возведение магистрали начнется осенью 2024 г., а закончится через шесть лет³⁶.

³¹ Разработка ТЭО железной дороги «Узбекистан – Кыргызстан – Китай» завершена // Новости Узбекистана. 23.05.2023. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/05/23/uzb-kg-china/> (дата обращения: 13.04.2024).

³² Отложенный обход: строительство железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан пока не планируют начинать // Orda.kz – новости в Казахстане и мире. 05.10.2023. URL: <https://orda.kz/otlozhennyj-obhod-stroitelstvo-zheleznoj-dorogi-kitaj-kyrgyzstan-uzbekistan-poka-ne-planirujut-nachinat-377274/> (дата обращения: 13.04.2024).

³³ ВООТ: Build – Own – Operate – Transfer.

³⁴ Президент Садыр Жапаров "China State Railway Group Co., Ltd." компаниясынын башкы директорунун орун басары Ван Тунцзюнду кабыл алды // Кыргыз Республиканын Президенти. 20.03.2023. URL: <https://president.kg/news/all/25151> (accessed: 13.04.2024). На киргиз. яз.

³⁵ Участники строительства ж/д КНР – КР – РУз определились с ценой проекта // Акчабар. 03.05.2024. URL: <https://www.akchabar.kg/ru/news/uchastniki-stroitelstva-zhd-krkrruz-opredelilis-s-cenoj-proekta/> (дата обращения: 13.04.2024).

³⁶ И. Кармазин. Вокзал на троих: зачем Китаю, Киргизии и Узбекистану новая железная дорога // Известия – новости политики, экономики, спорта, культуры | IZ.RU. 21.04.2024. URL: <https://iz.ru/1715548/igor-karmazin/vokzal-na-troikh-zachem-kitaiu-kirgizii-i-uzbekistanu-novaia-zheleznaia-doroga> (дата обращения: 21.04.2024).

Выводы

Анализ реализации транспортных проектов в странах Ближнего и Среднего Востока и стран Центральной Азии, проведенный в статье, показал:

1. В современный период при формировании многополярного мира усиливается влияние геополитического фактора как на создание и реализацию новых транспортных проектов, так и на работу действующих транспортных систем.

2. При сооружении инфраструктуры для вновь создаваемых транспортных проектов от заявлений политиков до начала строительных работ проходит много времени, иногда этот период растягивается на десятилетия.

3. Политическая поддержка новых транспортных проектов не гарантирует ускорения их строительства или модернизации существующих проектов.

4. Строительство новой или модернизацию старой инфраструктуры наиболее часто задерживают нерешенные вопросы финансирования.

5. Одним из факторов, тормозящих развитие действующих транспортных коридоров, является недостаточность как инфраструктуры, так и координации и управления.

6. В условиях волатильности мировых грузопотоков неспособность транспортного коридора обеспечить пропуск резко возросшего грузопотока приводит к перенаправлению текущих и будущих грузоперевозок на другие транспортные маршруты.

7. Перенаправление грузопотоков может стать фактором региональной политической нестабильности.

Литература / References

8. Гудок. Вып. № 81 (27903). 06.06.2024. [Gudok. No. 81 (27903). 06.06.2024].
9. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура. Доклады и рабочие документы 22/2. Алматы, М.: Евразийский Банк Развития, 2022. 86 с. [North-South International Transport Corridor: Investment Solutions and Soft Infrastructure. Reports and working papers 22/2. Almaty, Moscow: Eurasian Development Bank, 2022. 86 p.]
10. Средний торгово-транспортный коридор. Политика и инвестиции для увеличения объёма грузоперевозок в три раза и сокращения времени в пути вдвое к 2030 году. Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк, 2023. 88 с. [Middle Trade and Transport Corridor – Policies and Investments to Triple Freight Volumes and Halve Travel Time by 2030. Washington, D.C.: World Bank Group, 2023. 88 p.]
11. Федулов И. В. Дорога Баку – Тбилиси – Карс: прошлое и настоящее // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 3. С. 208–219. [Fedulov I. V. Baku–Tbilisi–Kars railway: the past and the present // Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2023. No. 3. Pp. 208–219]. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-208-219

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Азербайджан и Грузия создают совместное предприятие для управления ж/д «Баку-Тбилиси-Карс» // АТІ.SU – Новости рынка автомобильных грузоперевозок. 03.03.2024. URL: <https://news.ati.su/news/2024/03/03/azerbajdzhan-i-gruzija-sozdajut-sovmestnoe-predpriyatje-dlja-upravlenija-zhd-baku-tbilisi-kars-113439/> (дата обращения: 13.04.2024).
2. Азербайджан приступил к практическому созданию коридора в Нахичевань через Иран // Интерфакс: новости. 06.10.2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/924510> (дата обращения: 13.04.2024).
3. Александр Шаров. РусИранЭкспо. 18.03.2024. URL: <https://t.me/rusiranexpo22/6629> (дата обращения: 13.04.2024).
4. Александр Шаров. РусИранЭкспо. 06.06.2024. URL: <https://t.me/rusiranexpo22/8861> (дата обращения: 24.06.2024).
5. Анализ и перспективы Транскаспийского международного транспортного маршрута // Eurasian Rail Alliance Index. 04.10.2023. URL: <https://index1520.com/analytjcs/analiz-i-perspektivy-transkaspjyskogo-mezhdunarodnogo-transportnogo-marshruta/> (дата обращения: 13.04.2024).
6. В Индии считают, что запуск коридора ИМЕС надолго свяжет страну с Ближним Востоком // ТАСС. 10.09.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18699217> (дата обращения: 13.04.2024).
7. В Иране ввели в эксплуатацию железнодорожную ветку Решт – Каспиан // РИА Новости. 20.06.2024. URL: <https://ria.ru/amp/20240620/iran-1954152101.html> (дата обращения: 24.06.2024).
8. Еркянян А. Китай позволяет втянуть себя в антиармянскую авантюру? // Pan-ARMENIAN.net. 29.07.2006. URL: <https://www.panarmenian.net/m/rus/details/42474> (дата обращения: 13.04.2024).
9. Иран планирует завершить строительство первого участка МТК «Север-Юг» до конца марта // Sputnik Армения – последние новости и главные события. Новости Армении сегодня. 20.01.2023. URL: <https://am.sputniknews.ru/20230120/iran-planiruet-zavershit-stroitelstvo-pervogo-uchastka-mtk-sever-yug-do-kontsamtarta-54108244.html> (дата обращения: 13.04.2024).
10. Кармазин И. Вокзал на троих: зачем Китаю, Киргизии и Узбекистану новая железная дорога // Известия – новости политики, экономики, спорта, культуры | IZ.RU. 21.04.2024. URL: <https://iz.ru/1715548/igor-karmazin/vokzal-na-troikh-zachem-kitaiu-kirgizii-i-uzbekistanu-novaia-zheleznaia-doroga> (дата обращения: 21.04.2024).
11. Любименко А. Как Россия усиливает индийское направление через Новороссийский морской порт // Журнал Эксперт-Урал. Новости экономики, экономические обзоры, анализ рынков. 09.02.2024. URL: <https://expert-ural.com/articles/kak-rossiya-usilivaet-indijskoe-napravlenie-cherez-novorossiyskiy-morskoy-port.html> (дата обращения: 13.04.2024).
12. На Волго-Каспийском судоходном канале достигнута проходная осадка судов в 4,5 метра // Министерство транспорта Российской Федерации – Новости. 07.12.2023. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11034> (дата обращения: 13.04.2024).

13. Октябрьская железная дорога нарастила перевозки по коридору «Север–Юг» // Последние деловые новости Северо-Запада и Санкт-Петербурга. 21.12.2023. URL: <https://spb.vedomosti.ru/economics/articles/2023/12/21/1012232-oktyabrskaya-zheleznyaya-doroga-sever-yug> (дата обращения: 13.04.2024).
14. Отложенный обход: строительство железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан пока не планируют начинать // Orda.kz – новости в Казахстане и мире. 05.10.2023. URL: <https://orda.kz/otlozhennyj-obhod-stroitelstvo-zheleznoj-dorogi-kitaj-kyrgyzstan-uzbekistan-poka-ne-planirujut-nachinat-377274/> (дата обращения: 13.04.2024).
15. Переломный момент: Взгляд частного сектора на реанимацию железнодорожного транзита Азербайджана // «Interfax» – последние новости Азербайджана, Грузии и Армении. 07.01.2024. URL: <https://interfax.az/view/907128> (дата обращения: 13.04.2024).
16. Президент Садыр Жапаров “China State Railway Group Co., Ltd.” компаниясынын башкы директорунун орун басары Ван Тунцзюнду кабыл алды // Кыргыз Республикасынын Президенти. 20.03.2023. URL: <https://president.kg/news/all/25151> (accessed: 13.04.2024). На киргиз. яз.
17. Разработка ТЭО железной дороги «Узбекистан – Кыргызстан – Китай» завершена // Новости Узбекистана. 23.05.2023. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/05/23/uzb-kg-china/> (дата обращения: 13.04.2024).
18. «Средний Коридор»: Что показывает «диагноз»? // Vzglyad. 01.04.2024. URL: <https://vzglyad.az/news/243070> (дата обращения: 13.04.2024).
19. Топ-10 портов-лидеров контейнерооборота в России в 2023 году // Главные новости – Морские вести России. 30.01.2024. URL: <https://morvesti.ru/news/1679/107294/> (дата обращения: 13.04.2024).
20. Транспортный коридор ИМЕС: перспективы туманны // ОТК «ЮниТранс». 26.01.2024. URL: <https://www.multirail.ru/novosti/novosti-otrasli/512-transportnyj-koridor-imes-perspektivy-tumannyy> (дата обращения: 13.04.2024).
21. Турция ведет «интенсивные переговоры» по поводу альтернативы торговому коридору Индия-Ближний Восток // Новости Армении. 18.09.2023. URL: <https://news.am/rus/news/781352.html> (дата обращения: 13.04.2024).
22. Участники строительства ж/д КНР – КР – РУз определились с ценой проекта // Акчабар. 03.05.2024. URL: <https://www.akchabar.kg/ru/news/uchastniki-stroitelstva-zhd-krkrruz-opredelilis-s-cenoy-proekta/> (дата обращения: 13.04.2024).
23. Д. Худякова. Транзитные перевозки из Ирана в Россию пойдут быстрее // Новости сегодня в России и мире – Российская газета. 23.08.2022. URL: <https://rg.ru/2022/08/23/vse-logistichno.html> (дата обращения: 13.04.2024).
24. Дж. Челик, О. Тарсулу, У. Амоева. В Турцию по модернизированному маршруту ж/д линии БТК прибыл первый грузовой состав // Anadolu Ajansi. 27.05.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/экономика/в-турцию-по-модernизированному-маршруту-ж-д-линии-бтк-прибыл-первый-грузовой-состав/3229962#> (дата обращения: 01.06.2024).
25. Advantages of Rasht-Caspian Railway // Iran Press – Iran news, breaking news, world news. 17.01.2024. URL: <https://iranpress.com/advantages-of-rasht-caspian-railway> (accessed: 13.04.2024).

26. China, Kyrgyzstan, Uzbekistan Plan Joint Railway // China.org.cn – China news, business, travel & language courses. 30.12.2003. URL: <http://www.china.org.cn/english/China/83637.htm> (accessed: 13.04.2024).
27. L'ex-patron d'Engie nommé émissaire de la France dans un projet de couloir logistique entre l'Europe et l'Asie // Actualités en direct et info en continu – Le Parisien. 12.02.2024. URL: <https://www.leparisien.fr/economie/lex-patron-dengie-gerard-mestrallet-nomme-emissaire-de-la-france-dans-un-projet-de-couloir-logistique-entre-leurope-et-lasie-12-02-2024-O43VMXIAWJANFF6ZEXMHRCJSPA.php> (accessed: 13.04.2024). На фр. яз.
28. Jamrisko M., Nardelli A. World's Most Ambitious Trade Route Stalls in Mideast Turmoil // Bloomberg. 23.01.2024. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-01-23/world-s-most-ambitious-trade-route-stalls-in-middle-east-turmoil?mod=djemlogistics_h (accessed: 13.04.2024).
29. Ravi Dutta Mishra. Interim Budget 2024: 'Trade corridor will be strategic game-changer' // The Indian Express. 02.02.2024. URL: <https://indianexpress.com/article/business/budget/interim-budget-2024-trade-corridor-will-be-strategic-game-changer-9139852/> (accessed: 13.04.2024).
30. Rouhani urges for 24/7 work to complete Caspian-Rasht railway // Mehr News Agency. 14.01.2021. URL: <https://en.mehrnews.com/news/168536/Rouhani-urges-for-24-7-work-to-complete-Caspian-Rasht-railway> (accessed: 13.04.2024).
31. Ərdöğan Azərbaycan, Gürcüstan və Türkiyə arasında imzalanmış sənədi təsdiqləyib // Azərbaycanın aparıcı xəbər saytı | Report.az. 07.04.2024. URL: <https://report.az/infrastruktur/erdogan-azerbaycan-gurcistan-ve-turkiye-arasinda-imzalanmis-senedi-tesdiqleyib/> (accessed: 13.04.2024). На азерб. яз.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Федулов Илья Викторович –
канд. техн. наук, научный сотрудник,
Отдел экономических проблем,
Институт востоковедения Российской
академии наук, Москва, Россия

Fedulov Iliia V. – PhD (Engineering),
Research Fellow, Department of
Economic Studies, Institute of Oriental
Studies of the Russian Academy of
Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23.07.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 06.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 23.07.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 06.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ПОЛИТИКА

POLITICS

Научная статья. Политические науки
УДК 297.1 + 327.83
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-071-080>

РЕЛИГИОЗНАЯ ДИПЛОМАТИЯ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Виктор Красимиров Апостолов

Студент 4-го курса
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
vapostolov17@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена религиозной дипломатии Саудовской Аравии как важному компоненту внешней политики. Анализируются инструменты, используемые Эр-Риядом в рамках осуществления религиозной дипломатии на современном этапе. Особое внимание уделяется программам по распространению исламского образования, финансированию мечетей и исламских центров за рубежом, а также продвижению радикального течения – ваххабизма. Акцент сделан на реакции Республики Болгарии на религиозную деятельность Саудовской Аравии, которая вызвала критику и обвинения в адрес Королевства в поддержке экстремизма. Автор приходит к выводу, что интересы Саудовской Аравии, реализуемые посредством религиозной дипломатии, нередко вступают в противоречие с принципом невмешательства во внутренние дела страны, ставшей объектом интереса Эр-Рияда, и приводят к негативным последствиям для мусульманских сообществ в этих странах.

Ключевые слова: внешняя политика, религия, ислам, ваххабизм, дипломатия мечетей, Болгария, экстремизм, болгарские мусульмане

Для цитирования: Апостолов В. К. Религиозная дипломатия Саудовской Аравии. *Восточная аналитика*. 2024;15(3):71-80. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-071-080>

Original article. Politics studies

SAUDI ARABIA'S RELIGIOUS DIPLOMACY

Viktor Apostolov

4th year student
RUDN University, Moscow, Russia,
vapostolov17@gmail.com

Abstract. The article is devoted to Saudi Arabia's religious diplomacy as an important component of foreign policy. The tools used by Riyadh in the framework of religious diplomacy at the present stage are analyzed. Special attention is paid to programs for the dissemination of Islamic education, financing mosques and Islamic centers abroad, as well as promoting the radical trend of Wahhabism. The focus is on the reaction of the Republic of Bulgaria to the religious activities of Saudi Arabia, which has caused criticism and accusations against the Kingdom of supporting extremism. The author concludes that the interests of Saudi Arabia, realized through religious diplomacy, often conflict with the principle of non-interference in the internal affairs of the country that has become the object of Riyadh's interest, and lead to negative consequences for Muslim communities in these countries.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Keywords: Saudi Arabia, religion, Wahhabism, mosque diplomacy, Bulgaria, extremism, Bulgarian Muslims

For citation: Apostolov V. K. Saudi Arabia's Religious Diplomacy. *Eastern Analytics*. 2024;15(3):71–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-071-080>

Религиозная дипломатия представляет собой деятельность государства по продвижению своих национальных интересов посредством распространения собственных религиозных ценностей. Она является ключевым инструментом внешней политики многих стран, особенно тех, где религия играет значительную роль в общественной жизни. Королевство Саудовская Аравия (КСА), одно из ведущих государств мусульманского мира, является ярким примером страны, где религиозная дипломатия занимает важное место в стратегии внешней политики. В контексте современных международных отношений исследование религиозной дипломатии Саудовской Аравии приобретает особую актуальность. Рассмотрим такие инструменты религиозной дипломатии КСА, как контроль над хаджем, исламское образование и строительство мечетей.

Хадж

Самым уникальным проявлением религиозной дипломатии Саудовской Аравии является хадж, который играет важную роль в распространении влияния и укрепления религиозного авторитета страны на мировой арене. Хадж – это один из пяти столпов ислама, проводится в городе Мекка на второй неделе месяца зуль-хиджа, последнего месяца мусульманского лунного календаря. Это одно из крупнейших массовых собраний в мире, в котором принимают участие более 2,5 миллионов мусульманских паломников из более чем 180 стран¹. Ежегодно паломничество приносит КСА доход в размере 7,5–8 млрд долл. США [Чикризова, 2019, с. 555–556].

Важно также упомянуть, что после 1987 г. КСА ввело систему квот на паломничество между странами, и с того момента каждый год страна определяет количество людей из той или иной страны, которые могут посетить страну с целью хаджа². Эр-Рияд часто пользуется правом на распределение квот как инструментом для осуществления своих политиче-

¹ Ebrahim S., Memish Z. Saudi Arabia's drastic measures to curb the COVID-19 outbreak: temporary suspension of the Umrah pilgrimage // *J Travel Med*. 2020. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7107544/> (accessed: 23.03.2024).

² Norihiro N. Elusive piety: Hajj logistics and local politics in Tatarstan, Dagestan and the Crimea // *Religion, State & Society*. 2019. № 47. P. 307–324. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09637494.2019.1605777?scroll=top&needAccess=true> (accessed: 23.03.2024).

ских целях. С помощью хаджа КСА оказывает давление на своих оппонентов на международной арене.

Ярким примером того, как КСА использует хадж в политических целях, служит «катарский кризис» в 2017 г., когда Королевство, Объединенные Арабские Эмираты, Египет и Бахрейн разорвали дипломатические и торговые связи с Дохой и ввели морскую, сухопутную и воздушную блокаду Катара, заявив, что он поддерживает терроризм (в лице «Братьев-мусульман»³) и слишком тесно сотрудничает с Ираном. На время кризиса квота Катара на хадж была ограничена примерно 60–70 катарцами⁴, что резко контрастирует с примерно 12 000 катарских паломников в докризисный период. КСА подверглась обвинениям в преференциальном квотировании дружественных стран⁵.

С помощью паломничества КСА задает религиозные тренды в мире. Например, в 2020 г. из-за пандемии COVID-19 правительство страны объявило, что хадж будет ограничен небольшим числом паломников разных национальностей, проживающих на территории страны. Паломники отбирались на основе системы квот в соответствии с национальностью⁶. В общей сложности 1000 паломников 160 различных национальностей, проживающих в Саудовской Аравии, совершили хадж в 2020 г., что по сравнению с 2019 г., когда Мекку посетило около 2,5 млн паломников⁷, является значительным изменением и ударом по экономике страны, где доход от хаджа составляет около 5,4% ВВП⁸.

Исламское образование и религия как инструмент «мягкой силы»

Еще одно важное проявление религиозной дипломатии КСА – это исламское образование. КСА считается родиной ислама, так как на ее территории в 610 г. пророк Мухаммад провозгласил себя посланником Бога. С Аравийского п-ова ислам начал распространяться по всему миру. Именно поэтому Саудовская Аравия рассматривается большинством

³ Здесь и далее упоминается террористическая организация, запрещенная в РФ.

⁴ Halabi B. Saudi neighbours accuse Riyadh of politicising Hajj pilgrimage // France24. 2018. URL: <https://www.france24.com/en/20180814-saudi-neighbours-accuse-riyadh-politicising-hajj-pilgrimage> (accessed: 23.03.2024).

⁵ Ibid.

⁶ Saudi Arabia limits number of pilgrims taking part in this year's hajj // World Health Organization Media Center. 2020. URL: <https://www.emro.who.int/media/news/saudi-arabia-limits-number-of-pilgrims-taking-part-in-this-years-hajj.html> (accessed: 23.03.2024).

⁷ Jomana K., Tamara Q. 'Unprecedented' Hajj begins – with 1,000 pilgrims, rather than the usual 2 million // CNN. 2020. URL: <https://edition.cnn.com/travel/article/hajj-2020-coronavirus-intl/index.html> (accessed: 23.03.2024).

⁸ Shirley M. When Faith Meets Geopolitics: The Hajj as a Political Tool // 1st Annual Trinity College IID Student Conference on Intelligence and Security. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/378150861_When_Faith_Meets_Geopolitics_The_Hajj_as_a_Political_Tool (accessed: 23.03.2024).

мусульман в мире как подходящее место для получения религиозного образования. В стране находятся одни из самых известных исламских университетов, среди которых, например, Университет имама Мухаммада и Королевский Университет Умм аль-Кура. В Университете имама Мухаммада на данный момент, по информации QS TopUniversities, обучаются примерно 1500 иностранных студентов со всего мира⁹, а в Королевском Университете Умм аль-Кура, занимающем 17-е место среди всех арабских университетов в рейтинге QS, – около 3600 иностранных студентов¹⁰.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что КСА «воспитывает новое поколение имамов и мулл» [Чикризова, 2019, с. 554–555], которые, возможно, вернутся на родину и будут проповедовать ислам ваххабитского толкования.

КСА также финансирует исламские образовательные учреждения за рубежом. Преимущественно КСА финансирует такого рода учреждения в неевропейских странах, поскольку на территории Европы репутация Королевства пострадала в связи со скандалами вокруг распространения фундаменталистского ислама (ваххабизма). Так, например, в 2023 г. Генеральный директор Саудовского фонда развития Султан аль-Маршад и премьер-министр Антигуа и Барбуды Гастон Браун подписали соглашение о финансировании на сумму 80 млн долл. США в рамках проекта по расширению Вест-Индского университета на Пяти островах в Антигуа и Барбуде¹¹.

Еще одним важным инструментом политики «мягкой силы» КСА является финансирование проектов по строительству мечетей в других странах, или «дипломатия мечетей». На эту деятельность Королевство тратит около 3 млрд долл. США в год¹². Это направление внешней политики Королевства активно развивалось в период 1980–1990-х гг., когда от Боснии и Герцеговины до Индонезии, от Великобритании до США наблюдалось распространение ваххабизма саудовскими школами и университетами, проводилась интенсивная кампания по обучению имамов и проповедников арабскому языку, а вместе с ним и ваххабит-

⁹ QS University Information: Imam Mohammad Ibn Saud Islamic University – IMSIU. 2023 // QS Top Universities. URL: <https://www.topuniversities.com/universities/imam-mohammad-ibn-saud-islamic-university-imsiu#p2-university-information> (accessed: 23.03.2024).

¹⁰ QS University Information: Umm Al-Qura University. 2023 // QS Top Universities. URL: <https://www.topuniversities.com/universities/umm-al-qura-university> (accessed: 23.03.2024).

¹¹ Saudi Fund for Development expands operations in the Caribbean countries with agreement to fund expansion project of University of the West Indies at Five Islands in Antigua and Barbuda // Saudi Fund for Development. 2023. URL: <https://www.sfd.gov.sa/en/n446> (accessed: 23.03.2024).

¹² Диблумасия Аль-Масаджид: Бина' Аль-Джавами' Хидматан Лиссияса [Построение мечетей как инструмент политики] // Noon Post. 2019. URL: <https://www.noonpost.com/content/27709> (дата обращения: 23.03.2024).

ской доктрине, а также осуществлялось строительство мечетей. Саудовская Аравия также построила многочисленные мечети в Африке, в том числе мечеть Ахмеда Секу Туре в Гвинейской Республике, финансируемую королем Саудовской Аравии Фахдом и открытую в 1982 г. Мечеть А. Секу Туре является четвертой по величине мечетью в Африке и крупнейшей в странах Африки к югу от Сахары¹³. Эти проекты укрепляют влияние страны на международной арене и непосредственно влияют на внутривнутриполитическую ситуацию, воздействуя на религиозные настроения населения.

КСА часто использует различные негосударственные благотворительные фонды для финансирования таких проектов. К примеру, финансируемая Саудовской Аравией Всемирная ассамблея мусульманской молодежи (WAMY), по состоянию на 2017 г., построила в Киргизии две мечети. Согласно имеющимся сведениям, эта зарегистрированная в Кыргызстане организация финансировала строительство около 70% мечетей¹⁴. На средства WAMY и Объединенных Арабских Эмиратов в 2012 г. в городе Оше (Киргизия) была построена мечеть имени Сулеймана Тоо, самая большая на тот момент в стране.

Влияние религиозной дипломатии КСА на внутривнутриполитическую обстановку в Болгарии

Деятельность КСА по реализации внешнеполитических интересов инструментами религиозной дипломатии оказывает значительное влияние на ситуацию внутри стран, находящихся в фокусе внимания Эр-Рияда. В этой связи примечателен пример Болгарии, одной из стран ЕС, где Саудовская Аравия подверглась серьезной критике из-за своей религиозной деятельности.

В последние годы Эр-Рияд сталкивается с критикой и обвинениями в пропаганде ваххабизма. Эти обвинения вызывают многочисленные дискуссии как внутри Саудовской Аравии, так и на международной арене, поднимая вопросы о роли и влиянии ваххабизма в «мире ислама», а также о совместимости этой идеологии с современными стандартами прав человека и международными нормами.

Падение социалистического строя в Болгарии в 1990 г. поставило важный вопрос о том, кто будет финансировать и поддерживать исламские учреждения и выплачивать зарплату имамам и всем служащим культа, так как, согласно ст. 13.2 Конституции Республики Болга-

¹³ Там же.

¹⁴ Икромов Ш. «Дипломатия мечетей» в Центральной Азии: геополитика, начинающаяся с михраба // CAAN. 2020. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21135> (дата обращения: 23.03.2024).

рия от 1991 г., религиозные институты отделены от государства¹⁵. Безусловно, на роль спонсора могла претендовать Турция как родина коренных турок-мусульман, проживающих на территории Болгарии, и в качестве наследницы Османской империи. Однако еще в 1990-х гг. Михаил Иванов, один из главных советников Желю Желева, первого посткоммунистического президента Болгарии (1990–1997), заявил: «Нашей целью было создание демократической Болгарии и мы знали, что должны предоставлять религиозные услуги мусульманам, но у нас не было денег и образованного персонала. Наши границы теперь открыты, и первыми это осознали Саудовская Аравия и Иордания. Это пугало нас, так как они могли радикализировать наших мусульман. Мы ожидали получить некоторую помощь от светской Турции, но в начале 1990-х гг. они не были достаточно сильны и богаты» [Öztürk, Sözeri, 2018, pp. 630–631].

24 ноября 2022 г. Национальный статистический институт Болгарии представил очередную часть данных после переписи населения 2021 г. Согласно переписи, 10,8% (638 708 человек) считают себя мусульманами¹⁶. Таким образом, Болгария занимает первое место в ЕС по этому показателю и безусловно вызывает интерес со стороны ведущих мусульманских государств, в особенности Саудовской Аравии, которая претендует на роль лидера в «мире ислама» и поддерживает мусульманские меньшинства по всему миру.

С начала 1990-х гг. Саудовская Аравия начала предоставлять помощь Болгарии через неофициальные каналы, такие как неправительственные организации (НПО) или частные лица. Одной из таких организаций была «Аль-вакф аль-исламий», которая была официально зарегистрирована в 1993 г. Однако летом 1994 г. болгарская Дирекция по делам религии отказалась повторно зарегистрировать ее. В 2002 г. Софийский городской суд зарегистрировал фонд «Аль-Вакф», но через два года, в 2004 г., в соответствии с решением Софийского городского суда регистрация была прекращена¹⁷. Эти случаи подчеркивают трудности и ограничения, с которыми сталкиваются саудовские религиозные организации при попытках зарегистрировать свою деятельность на территории

¹⁵ Конституция на Република България // Народно Събрание на Република България. URL: <https://www.parliament.bg/bg/const> (дата обращения: 23.03.2024).

¹⁶ Етнокултурни характеристики на населението към 7 септември 2021 година // Национален статистически институт. 2022. URL: <https://www.nsi.bg/bg/content/19874/прессъобщение/етнокултурни-характеристики-на-населението-към-7-септември-2021-година> (дата обращения: 23.03.2024).

¹⁷ Радикализация в България: заплахи и тенденции // Център за изследване на демокрацията. 2016. С. 48. URL: <https://csd.bg/bg/publications/publication/radicalisation-in-bulgaria-threats-and-trends/> (дата обращения: 23.03.2024).

Болгарии, а также сложность определения их статуса и легитимизации в стране.

Несмотря на это, влияние Саудовской Аравии на религиозную сферу в Болгарии осуществляется через различные неофициальные и непрозрачные каналы, что ставит вопросы о прозрачности и контроле над иностранным влиянием в религиозной сфере Болгарии, а также о балансе между религиозной свободой и общественной безопасностью.

Один из самых ярких примеров того, к чему привела религиозная политика КСА в Болгарии, произошел в 2012 г., когда в городе Пазарджик местный суд завел дело против 13 имамов, обвинив их в пропагандировании «антидемократической идеологии, идущей вразрез с принципами демократии, либерализма, государственности и верховенства закона, основными правами человека, такими как равенство мужчин и женщин, и религиозной свободы посредством распространения идеологии салафитского направления ислама и навязывания принципов шариатского государства»¹⁸.

Наиболее активно в СМИ распространялись обвинения в том, что имамы получали финансирование от незарегистрированной в Болгарии саудовской организации «Аль-вакф аль-ислами». По этому поводу также высказался руководитель «Центра духовного наставления и консультаций» главного муфтията Болгарии Бидали Мюмюн: «Представители этого фонда помогали. В начале демократии из разных мест поступала помощь мусульманам, и люди принимали ее, потому что им приходилось восстанавливать свои храмы и обучать своих детей»¹⁹.

Случай 2012 г. повлек за собой серьезные изменения в сфере безопасности и контроля над религиозными институтами в Болгарии, заключающиеся в усложнении процедуры регистрации и перерегистрации религиозных организаций, особенно иностранных, а также усилении мер безопасности вблизи мечетей и религиозных учебных заведений. Кроме того, был усовершенствован процесс выдачи имамам лицензий, дающих право на осуществление их религиозной деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод, что религиозная дипломатия Саудовской Аравии реализуется посредством различных инструментов,

¹⁸ Присъда № 15 // Окръжен съд – Пазарджик. 2014. URL: https://www.court-pz.info/2014_1/0070fa12_33031914.htm (дата обращения: 23.03.2024).

¹⁹ Бедров И. Разбра ли някой какво се случи в Пазарджик? // DW. 28.03.2014. URL: <https://www.dw.com/bg/%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B1%D1%80%D0%B0-%D0%BB%D0%B8-%D0%BD%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D0%BA%D0%B0%D0%BA%D0%B2%D0%BE-%D1%81%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B8-%D0%B2-%D0%BF%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%BA/a-17527109> (дата обращения: 23.03.2024). (на болг. яз).

включая исламское образование, финансирование исламских учреждений за рубежом и строительство мечетей, а также проведение хаджа. Эти действия подчеркивают роль религиозной мягкой силы КСА и ее стратегический подход к распространению ислама и укреплению своего международного влияния.

Вместе с тем в странах, становящихся объектами религиозной дипломатии КСА, последствия вмешательства Королевства в религиозные дела могут дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку и привести к обострению межконфессиональной ситуации. В частности, в Болгарии нежелательная для местного руководства активность саудовских неправительственных организаций привела к ухудшению положения мусульманского меньшинства в стране.

Литература / References

1. Чикризова О. С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 545–565. [Chikrizova O. S. Saudi Model of Development for the Islamic World: Peculiarities and Limits. Vestnik RUDN. International Relations, Vol. 19. No. 4. Pp. 545–565]. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-545-565
2. Öztürk A., Sözeri S. Diyanet as a Turkish Foreign Policy Tool: Evidence from the Netherlands and Bulgaria // *Politics and Religion*. Vol. 11. No. 3. P. 624–648. DOI: <https://doi.org/10.1017/S175504831700075X>

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Бедров И. Разбра ли някой какво се случи в Пазарджик? // DW. 2014. URL: <https://www.dw.com/bg/разбра-ли-някой-какво-се-сличи-в-пазарджик/a-17527109> (дата обращения: 23.03.2024).
2. Икромов Ш. «Дипломатия мечетей» в Центральной Азии: геополитика, начинающаяся с михраба // CAAN. 2020. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21135> (дата обращения: 23.03.2024).
3. Етнокултурни характеристики на населението към 7 септември 2021 година // Национален статистически институт. 2022. URL: <https://www.nsi.bg/bg/content/19874/прессъобщение/етнокултурни-характеристики-на-население-то-към7-септември-2021-година> (дата обращения: 23.03.2024).
4. Конституция на Република България // Народно Събрание на Република България. URL: <https://www.parliament.bg/bg/const> (дата обращения: 23.03.2024).
5. Присъда № 15 // Окръжен съд – Пазарджик. 2014. URL: https://www.court-pz.info/2014_1/0070fa12_33031914.htm (дата обращения: 23.03.2024).
6. Радикализация в България: заплахы и тенденции // Център за изследване на демокрацията. 2016. С. 48. URL: <https://csd.bg/bg/publications/publication/radicalisation-in-bulgaria-threats-and-trends/> (дата обращения: 23.03.2024).

7. Ebrahim S., Memish Z. Saudi Arabia's drastic measures to curb the COVID-19 outbreak: temporary suspension of the Umrah pilgrimage // *Journal of Travel Medicine*. 2020. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7107544/> (accessed: 23.03.2024).
8. Halabi B. Saudi neighbours accuse Riyadh of politicising Hajj pilgrimage // *France24*. 2018. URL: <https://www.france24.com/en/20180814-saudi-neighbours-accuse-riyadh-politicising-hajj-pilgrimage> (accessed: 23.03.2024).
9. Jomana K., Tamara Q. 'Unprecedented' Hajj begins – with 1,000 pilgrims, rather than the usual 2 million // *CNN*. 2020. URL: <https://edition.cnn.com/travel/article/hajj-2020-coronavirus-intl/index.html> (accessed: 23.03.2024).
10. Norihiro N. Elusive piety: Hajj logistics and local politics in Tatarstan, Dagestan and the Crimea // *Religion, State & Society*. 2019. № 47. P. 307–324. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09637494.2019.1605777?scroll=top&needAccess=true> (accessed: 23.03.2024).
11. QS University Information: Imam Mohammad Ibn Saud Islamic University – IMSIU. 2023 // *QS Top Universities*. URL: <https://www.topuniversities.com/universities/imam-mohammad-ibn-saud-islamic-university-imsiu#p2-university-information> (accessed: 23.03.2024).
12. QS University Information: Umm Al-Qura University. 2023 // *QS Top Universities*. URL: <https://www.topuniversities.com/universities/umm-al-qura-university> (accessed: 23.03.2024).
13. Saudi Arabia limits number of pilgrims taking part in this year's hajj // *World Health Organization Media Center*. 2020. URL: <https://www.emro.who.int/media/news/saudi-arabia-limits-number-of-pilgrims-taking-part-in-this-years-hajj.html> (accessed: 23.03.2024).
14. Saudi Fund for Development expands operations in the Caribbean countries with agreement to fund expansion project of University of the West Indies at Five Islands in Antigua and Barbuda // *Saudi Fund for Development*. 2023. URL: <https://www.sfd.gov.sa/en/n446> (accessed: 23.03.2024).
15. Shirley M. When Faith Meets Geopolitics: The Hajj as a Political Tool // *1st Annual Trinity College IID Student Conference on Intelligence and Security*. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/378150861_When_Faith_Meets_Geopolitics_The_Hajj_as_a_Political_Tool (accessed: 23.03.2024).
16. Диблумасия Аль-Масаджид: Бина' Аль-Джавами' Хидматан Лильсияса [Построение мечетей как инструмент политики] // *Noon Post*. 2019. URL: <https://www.noonpost.com/content/27709> (дата обращения: 23.03.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Апостолов Виктор Красимиров –
студент 4-го курса
Российского университета
дружбы народов, г. Москва,
Россия

Apostolov Viktor K. –
4th year student
of RUDN University,
Moscow, Russia

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23.07.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 06.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 23.07.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 06.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327.8
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-081-090>

НЕВОЕННЫЕ МЕТОДЫ В ПОЛИТИКЕ ИРАНА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРАКТИКА, ПОСЛЕДСТВИЯ

Владимир Муртузович Ахмедов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
shamyarabist@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4952-2964>

Аннотация. С начала 2000-х гг. Исламская республика Иран (ИРИ) проводит активную политику в регионе. Кризис в САР бросил вызов иранским позициям на Ближнем Востоке. Группа факторов определяла политику Ирана в арабских государствах Ближнего Востока. Соображения религиозного характера, обусловленные арабо-иранским историческим наследием, наличие близких ИРИ в конфессиональном и этническом отношениях групп населения, способность Тегерана менять в свою пользу региональный баланс сил оказали влияние на политику ИРИ. Стратегическими установками религиозной экспансии ИРИ на Ближнем Востоке являлись активная работа по распространению шиитского вероучения, формирование правительств шиитского большинства, поддержка негосударственных формирований и создание проиранских милиций. В то же время религиозная политика Ирана в ряде арабских стран сказалась на отношениях Ирана с ключевыми региональными и мировыми игроками и поставила под угрозу иранские позиции на Ближнем Востоке. Данный факт определил актуальность данной статьи, в которой исследуются выдвинутые выше положения.

Ключевые слова: Иран, арабские страны, шииты, конфессиональная экспансия, сирийский кризис, Ближний Восток

Для цитирования: Ахмедов В. М. Невоенные методы в политике Ирана на Ближнем Востоке: предпосылки, практика, последствия. *Восточная аналитика*. 2024;15(3):81-90. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-081-090>

Original article. Politics studies

NONMILITARY TOOLS IN IRAN'S MIDEAST POLITICS: REASONS, PRACTICES, RESULTS

Vladimir Akhmedov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
shamyarabist@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4952-2964>

Abstract. Since the early 2000-th, Islamic Republic of Iran (IRI) has been providing active policy in Middle East. The Syrian crisis challenged Iran's positions in the region. The group of influential factors determined Iranian policy in Syria and other Middle Eastern countries. The religious perceptions derived from historical legacy, political background of Arab-Iranian relations, the presence of identically typical groups of population in the targeted countries, Tehran's ability to change the regional power balance in its favor affected Iran's stand towards the Syrian crisis. The strategic direction of Iran's religious policy was shaped by spreading Shiite theology, formation governments of Shia'a majority, support nongovernment organizations,

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

establishing Iran-backed militias. Meanwhile, Iranian religious policy affected Tehran's relations with key regional, international players in the region. The above-mentioned questions shape the urgency of presented research paper that investigates most of advanced statements and proves forwarded conclusions.

Keywords: Iran, Syrian crisis, Arab politics, Shiite, confessional expansion, Middle East

For citation: Akhmedov V. M. Nonmilitary Tools in Iran's Mideast Politics: Reasons, Practices, Results. *Eastern Analytics*. 2024;15(3):81-90. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-081-090>

Эволюция арабской политики ИРИ

После того как политика экспорта исламской революции показала свою неэффективность, Иран принял на вооружение новую стратегию на Арабском Востоке¹. Вместо революций Иран стал экспортировать собственную модель государственного устройства, в основе которой лежало учение об имамаате, исламской умме и веляят-е факих².

Особый характер государственной модели ИРИ детерминировал специфику политики Ирана на Ближнем Востоке. В иранской политике возросла роль неклассических инструментов, основанных на культурном, цивилизационном влиянии, борьбе за души и умы людей. Одним из таких инструментов была политика «мягкой» силы, в рамках которой сочетались силовые и гуманитарные методы.

Сирийский кризис создал благоприятные условия для распространения иранского влияния в ключевых государствах Ближнего Востока, близких Ирану в конфессиональном и этническом отношении. Военная кампания ИРИ в САР и в Ираке обеспечила качественные сдвиги в «гуманитарной» дипломатии ИРИ, балансирующей на грани «жесткой» и «мягкой» силы. Стратегия Ирана приобрела новые измерения, которые выразились в создании сети шиитских милиций [Ward, 2005, pp. 559–576].

Организационной моделью проиранских вооруженных формирований на Ближнем Востоке послужили КСИР и «Хезболла». Иранское руководство взяло на вооружение установку военных КСИР об «Оси исламского сопротивления» как становом хребте иранской политики на Ближнем Востоке³.

¹ Создание силами КСИР в Ливане «Хезболлы» (1982) стало, пожалуй, счастливым исключением. Более того, в результате изменения региональной, международной ситуации Иран оказался в политической изоляции на Ближнем Востоке.

² Aarabi, K. What Is Velayat-e Faqih? // Tony Blair Institute for Global Change. 20 March 2019. URL: <https://institute.global/policy/what-velayat-e-faqih> (accessed: 20.01.2020).

³ Golkar S., Aarabi K. The View From Tehran: Iran's Militia Doctrine // Tony Blair Institute for Global Change. 11 February 2021. URL: <https://institute.global/policy/view-tehran-irans-militia-doctrine> (accessed: 25.06.2022).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

В последнее десятилетие иранская сеть милицейских отрядов заметно расширилась в различных странах Ближнего Востока. Их общая численность, включая Афганистан и Пакистан, составляла на рубеже 2021–2022 гг. более 250 000 человек [Seth, 2020, p. 11]. В условиях обострения идеологической борьбы силовые акции ИРИ, выстраиваемые на основе артикуляции озабоченностей населения, воспринимались в контексте гуманитарного воздействия. Проиранские вооруженные формирования создали идеологический плацдарм для проведения в регионе иранской гуманитарной дипломатии по укреплению религиозного влияния ИРИ на Ближнем Востоке.

Конфессиональная политика Ирана на Ближнем Востоке определялась группой факторов. Факторы этнической, религиозной общности становились доминирующими мотивами ближневосточной политики ИРИ. В Ираке, Сирии и Ливане Иран укреплял политические позиций представителей шиитских общин в структурах реальной власти. Важными инструментами культурно-религиозной экспансии ИРИ было распространение шиитского вероучения, реконструкция шиитских святынь, расширение географии религиозного паломничества, приобретение объектов недвижимости, создание сети культурно-образовательных центров. В Йемене Тегеран формировал фронт поддержки хуситов против своего регионального соперника КСА. В монархиях Персидского залива Иран вел активную работу в иранских общинах, которые имели там глубокие исторические корни. Только в одном Кувейте проживало 30–40% шиитов, большинство из которых были этническими иранцами [Kamrava, 2013, p. 206].

Политика Ирана в САР

В 2018–2021 г. г. в Сирии было принято несколько законов в сфере шариатской юриспруденции и административного регулирования министерства вакфов⁴. После принятия новых законов законодательные действия в религиозной сфере стали осуществляться в соответствии с положениями шиитской доктрины и джаафаритского толка в исламе⁵. Прежде всего это затронуло систему управления вакфной собственностью и работу с личными сбережениями мусульман. Новые законы ограничили права суннитского духовенства на религиозную работу с населением.

⁴ Аль-Хейр, М. М. Иалан-аль-шейх-усама-аль-рифай-муфтиян-ли-сурия: аль-далаялат-ва-ль-масулият (Объявление шейха Усамы ар-Рифаи муфтием Сирии: ответственность и последствия [Ialan-al-shaikh-osama-al-rifa'i-muftiyan-li-syria: al-dalyalat-wa-l-mas'uliyat (Sheikh Osama Al-Rifa'i was declared as Syrian mufti: responsibilities and predications.)). November 11 2021. URL: <https://mubasher.aljazeera.net/opinions/https://shorturl.at/aFbwn> (accessed: 17.02.2022). (In Arabic).

⁵ Джа'афариты – последователи джа'афаритской (имамитской) религиозной школы. Названы по имени шестого имама шиитов-имамитов Джаафара ас-Садика (ум. в 765 г. н. э.). Джа'афаритский мазхаб признан суннитами наряду с четырьмя другими. Сегодня джа'афаритского толка придерживаются все шииты-имамиты.

В 2012–2018 гг. были внесены изменения в законодательную базу в сфере имущественных отношений, вопросах приобретения и торговли недвижимостью. Так, закон № 10 от 2018 г. дал право командирам проиранских милиций отчуждать объекты недвижимости в случае если их владелец не мог подтвердить свои права владения.

До начала сирийских событий провинция Дамаск была суннитским поясом безопасности сирийской столицы. На рубеже 2021–2022 гг. элитные столичные пригороды оказались под контролем «Хезболлы», а конфискованные там дома заняли шииты-выходцы из Ирана, Афганистана, Ирака и Пакистана. После освобождения в 2016 г. шиитскими милициями восточных районов Алеппо оттуда выехали десятки тысяч суннитов. Связанные с шиитскими милициями агентства недвижимости скупали дома под предлогом их реконструкции. Иранская строительная компания «Джихад аль-Бина» вела масштабные работы по строительству социального жилья, где вскоре поселились шииты из Ирака, Афганистана, Пакистана.

В северной столице САР и ее пригородах Иран основал духовную семинарию и открыл Центр по изучению персидского языка. В Хомсе активно шел проект реновации, который предусматривал ликвидацию суннитских кварталов старого города. Многие мечети Хомса были превращены в центры пропаганды шиизма, значительная часть недвижимости была конфискована. Еще до кризиса Тегеран начал программу реконструкции шиитских святынь в Сирии, названных в честь дочерей и внучек четвертого праведного халифа Али, – «Сейида Зейнаб», «Сейида Сакина» и «Сейида Рукьяя»⁶. В 2020 г. район в 8 км южнее Дамаска был переименован в город Сейида Зейнаб и там был начат строительный проект «Пригороды Зейнаб». Расположенная в старом Дамаске рядом с мечетью Омейядов могила Сейида Рукайя претерпела серию реконструкций и сегодня занимает площадь в 4 тыс. кв. м. В конце 2021 г. КСИР и шиитские милиции установили свои религиозные порядки в ряде северо-восточных и северо-западных районов Сирии. В районах на западном берегу Евфрата, где дислоцировались шиитские бригады «аль-Аббасиюн» и «аль-Зейнобиюн», были изменены названия некоторых мечетей, в которых были упомянуты имена трех из четырех праведных халифов: Абу Бакра, Омара и Османа. Они были известны своим «пристрастным» отношением к шиитам⁷

⁶ Saban, N. Factbox: Iranian Influence and Presence in Syria // Atlantic Council. 05.11.2020. URL: <https://bit.ly/3dOvG7C> (accessed: 20.01.2021).

⁷ В данном случае речь идет об оценке местным населением действий КСИР и шиитских милиций. Для углубленного понимания вопроса о времени появлении суннитов и шиитов (алидов) и их противостоянии в правление трех праведных халифов (ок. 632–656 гг. н. э.) см.: Ан-Наубахти аль-Хасан ибн Муса. Шиитские секты / пер. с арабского, исслед. и комментарии С. М. Прозорова. М.: Наука, 1973.

(алидам)⁸. После частичной реставрации мечети утратили прежний архитектурный облик, превратившись хусайнии⁹.

Передача в фактическую собственность земельных участков и части жилого фонда в городских центрах (Дамаск, Халеб, Хомс, Хама, Латакия, Тартус) на правах бессрочной аренды в счет погашения многомиллиардных сирийских долгов ускорила после визита иранского президента в Дамаск в мае 2023 г. Только в ходе этого визита в собственность ИРИ перешло около 5000 га сирийских земель в различных районах страны.

В конце 2021 г. Иран официально возобновил религиозный туризм в САР. За годы вооруженного конфликта Иран построил несколько десятков новых мечетей в ключевых центрах страны (Дамаске, Халебе, Хомсе, Дейр аль-Зоре, Деръа), восстановил и реставрировал шиитские святыни в Дамаске и Халебе¹⁰. В итоге Иран расширил географию паломничества в Сирии и увеличил число паломников. Если до событий марта 2011 г. Сирию ежегодно посещало более 500 паломников из Ирана и Ирака, то после 2023 года их число кратно выросло¹¹.

В 2014 г. был издан указ о преподавании шиитского вероучения в специализированных сирийских школах, которые открылись в том же году в различных городах страны. В 2021 г. в Сирии действовало шесть иранских университетов. Из них пять были созданы после 2011 г. Работа строилась на основе учебных программ, разработанных министерством науки ИРИ. Для поступления в них требовалось свободное владение персидским языком. В Дамаске, Халебе, Латакии, Дейр аль-Зоре работало 15 культурных центров Ирана.

Деятельность ИРИ по распространению шиитского вероучения и обращению в шиизм местного населения была ориентирована прежде

⁸ Иссам, В. Сурия: милишият мадума мин иран тугейр исм масжид омар аль-фарук фи риф дейр аль-зор (Сирия: при поддержке Ирана милиции меняют названия мечети «аль-Фарук Омар» в пригороде Дейр аль-Зора). [Suria: milishiyat-madu'ma-min-iran-tughayir-ism-masjid-omar-al-farouq-fi-rif-deir-al-zour (Syria: militias is backed from Iran changes name mosque Omar al-Farouq in Deir al-Zor province)]. 24.11.2021. URL: <https://www.alquds.co.uk/%D8%B3%D9%88%D8%B1%D9%8A%D8%A7-%D9%85%D9%8A%D9%84%D9%8A%D8%B4%D9%8A%D8%A7%D8AA-%D9%85%D8AF%D8%B9%D9%88%D9%85%D8%A9-%D9%85%D9%86-%D8%A5%D9%8A%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8AA%D8%BA%D9%8A%D9%91%D8%B1-%D8%A7/> (accessed: 21.09.2022). (In Arabic).

⁹ Особый архитектурный стиль строительства молитвенных домов, который стал практиковаться в Иране с XV в. в период расцвета династии Сефевидов. Сефевиды утвердили шиитское направление ислама в Иране. Название «аль-хусайнийя» связано с именем имама Хусейна (внука Пророка), павшего в боях с Омейядами при Кербеле (Ирак).

¹⁰ Нааме, А. Иран туалян истианаф аль-зиярат аль-диниля иля сурия лимаз аль-ан? (Иран объявляет о возобновлении «религиозного паломничества» в Сирию. Почему сейчас?) [Iran-tualan-istanaf-al-ziyarat-al-diniya-ila-syria-limaza-al-an? (Iran declares resumption of religious trips to Syria. Why now?)]. November 13 2021. URL: https://www.arab_21.com/story/1397691/ (accessed: 24.05.2022). (In Arabic).

¹¹ Диб, О. Раиси фи димашк ля аль-рияд (Раиси в Дамаске а не в Эр-Рияде). [Raisi-fi-dimashek-la-al-riadh (Raisi in Damascus not in Riyadh)] // alaraby.co.uk. May 04 2023. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/04.05.2023> (accessed: 09.05.2023). (In Arabic).

всего на средние и беднейшие слои сирийского населения в стратегически важных районах Сирии. Тегеран использовал племенных вождей для обращения в шиизм жителей ряда деревень северо-восточных районов Сирии. В ходе конфликта многие племенные вожди тесно сотрудничали с КСИР и шиитскими милициями¹². В отличие от деловых кварталов Дамаска (аль-Хамидийя, например), где празднование «ашуры» стало обычным делом еще до кризиса, религиозная ситуация на юге Сирии была иной. Слабое присутствие шиитских милиций в юго-восточных районах Хасака вынуждало Иран действовать через сеть культурных центров, пытаясь обратить в шиизм местное население. С 2018 г. после победы над оппозицией в Деръа начался процесс «шиитизации» местного населения. Тегеран выделил финансовую помощь благотворительному фонду «аль-Захра», который работал в различных районах Сирии¹³.

Иран и шиитские общины Ирака

Наличие близких в конфессиональном отношении групп населения сыграло заметную роль в политике Тегерана в Ираке. В первой трети 2000-х гг. в Ираке проживало 20 млн шиитов, которые составляли от 60 до 75% населения страны. Ирак являлся вторым после Ирана крупным шиитским государством на Ближнем Востоке¹⁴. Исторически связь большинства иракских шиитов с Ираном обуславливалась сложным характером их взаимодействия с властями Багдада. После исламской революции в Иране (1979 г.) политика ИРИ представляла угрозу светской идеологии баасизма и практике арабского национализма, которые лежали в основе государственного устройства Ирака. Иракский лидер опасался революционных призывов иранского духовенства, обращенного к иракским шиитам, и политики экспорта исламской революции. Иракские шииты подвергались гонениям со стороны баасистских бюрократов, которые являлись суннитским большинством во власти. Высланные в период ирано-иракской войны (1980–1988) иракские шииты создали в Иране Высший совет исламской революции в Ираке (ВСИРИ). После свержения С. Хусейна в 2003 г. иракские шииты вернулись в Ирак. Многие из них

¹² Dukhan H., Alhamad A. Iran's Growing Network of Influence among Eastern Syrian Tribes // The Washington Institute for Near East Policy. Apr. 6, 2021. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/irans-growing-network-influence-among-eastern-syrian-tribes> (accessed: 09.05.2023).

¹³ Hassan M., al-Ahmed S. Iran's growing presence in Syria's al-Hasakah poses a direct threat to US forces // The Middle East Institute. Mar. 24, 2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/irans-growing-presence-syrias-al-hasakah-poses-direct-threat-us-forces> (accessed: 09.05.2023).

¹⁴ Eisenstadt M., Knights M., Ali A. Iran Influence in Iraq: Countering Tehran's Whole-of-Government Approach // Washington Institute for Near East Policy. April 2011. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-influence-in-iraq-countering-tehrans-whole-of-government-approach> (accessed: 22.09.2022).

стали руководителями шиитских милиций и членами нового иракского правительства [Eisenstadt, 2010, pp. 1–7].

В условиях правительства шиитского большинства нужда в поддержке Ирана стала ослабевать. К тому же сама шиитская община Ирака была разделена по линиям принадлежности ее членов к разным теологическим школам, видам профессиональной деятельности и характеру отношений с Ираном. Многие иракские шииты светской ориентации были более привержены принципам иракского национализма, чем религиозной идее. Некоторые духовные лидеры иракских шиитов (например, М. аль-Садр) использовали антииранские настроения для достижения определенных политических целей, разыгрывая карту арабского национализма. Среди шиитских группировок Иран имел близкие связи с ВСИРИ во главе с аятоллой Б. аль-Хакимом., а после его кончины с его родственниками (братом и племянником). Однако семейство аль-Хаким нельзя было назвать последовательными сторонниками Ирана. Они самостоятельно вели дела с арабскими странами и США, а Иран использовали в своих политических целях. Аятолла А. аль-Систани являлся сторонником старой шиитской школы и не поддерживал участие духовенства в политике, как это практикуется сегодня в Иране. Расхождения в шиитской общине Ирака затрудняли Ирану процесс выстраивания отношений с иракскими шиитами как единой структурой. В результате раскола внутри шиитской общины Ирака Тегеран не мог в полной мере контролировать развитие политического процесса в стране [Yusri, 2010]. Тем более, что несмотря на рост численности иранских резидентов в Ираке в период с 2003 по 2014 гг. связи Ирана с шиитскими общинами Ирака стали постепенно ослабевать. Доля иракских шиитов, которые считали Иран надежным партнером, в 2015–2018 гг. сократилась с 76% до 43%. Одновременно доля тех шиитов, которые считали Иран угрозой иракскому суверенитету, выросла с 25 до 58% в 2016–2018 гг. Несмотря на приложенные усилия, Иран не смог установить прочных контактов с суннитской общиной Ирака, в глазах которой он воспринимался как конфессионально ориентированное государство и не пользовался их доверием и поддержкой. Власть шиитского большинства в Ираке сделала иракских суннитов враждебными в отношении Ирана [Parasiliti, 1993, pp. 217–244].

Поддержка шиитских общин высвечивала Иран как не столько политического, сколько религиозного актора в сфере иракской политики. Подобная ситуация была чревата серьезными издержками для иранской политики в отношении багдадских властей. Нельзя было исключать вероятного конфликта с шиитскими общинами Ирака. Это могло произойти в случае ослабления их власти, ухода в сторону большей светскости, подкупа со стороны арабских стран, угроз в лице США.

Заключение

Широкое использование невоенных методов в ближневосточной политике ИРИ меняло социо-культурный облик некоторых арабских стран и делало местные власти зависимыми от Ирана. В то же время использование фактора конфессиональной общности сопровождалось определенными рисками для политики Тегерана. Подобный политический инструмент был эффективным, пока Тегеран мог управлять религиозными процессами и их субъектами в арабских странах. В случае отказа механизма управления Иран подвергал риску свою политику в регионе.

После начала войны в Газе атаки проиранских милиций на израильские и американские объекты сделали Иран в глазах Израиля и США активным участником палестино-израильского конфликта. Территория Ливана, Сирии, Ирака и Йемена превратилась в арену вооруженного противоборства между Ираном и шиитскими милициями с одной стороны и вооруженными силами Израиля и США – с другой. В итоге регион вновь оказался на грани крупномасштабной вооруженной конфронтации. Растущее иранское присутствие в регионе на основе иранской стратегии противодействия Израилю и США шло вразрез с национальной повесткой арабских стран и тормозило миротворческие усилия международных посредников на Ближнем Востоке. Военная и экономическая экспансия Ирана, приобретение в собственность недвижимости, распространение шиитской идеологии вызывало раздражение даже у части арабских офицеров, которые предпочитали сотрудничать с Россией в вопросах поставок вооружений и организации учебно-тренировочных программ.

На региональном и международном уровне дипломатический застой в Палестине, Ливане, Сирии, Ираке и Йемене вызывал растущую озабоченность в вопросах безопасности, которые увязывались с иранским присутствием в этих странах. Вне зависимости от желания Тегерана его фактическое участие в войне и ее распространение на другие ближневосточные государства вызвало неоднозначное отношение в политических кругах арабских стран. Многие арабские политики считали, что Иран использует арабские территории в качестве полигона для решения своей стратегической задачи – вывода американских войск из Ирака и Сирии. Подобные настроения могли нивелировать тот позитивный потенциал, который был создан после восстановления дипломатических отношений между Эр-Риядом и Тегераном в марте 2023 г. Тем более что действия проиранских вооруженных формирований пока не вынудили США начать вывод своих войск из Сирии и Ирака. Однако вне зависимости от сегодняшних заявлений представителей американской

администрации относительно возможности вывода американских военных сложно предсказать, какой кумулятивный эффект окажут непрекращающиеся атаки милиций в условиях близящихся президентских выборов в США. В этой связи налаживание конструктивного диалога с Ираном, особенно в условиях отсутствия «ядерной» дипломатии, представляется разумным решением.

Литература / References

1. Eisenstadt M. Iran and Iraq. In Robin Wright, ed. *The Iran Primer: Power, Politics, and U. S. Policy*, Washington, D.C.: United States Institute of Peace, 2010. 7 p. URL: https://iranprimer.usip.org/sites/default/files/PDF%20Region_Eisenstadt_Iraq.pdf (accessed: 21.08.2022).
2. Kamrava M. *Qatar: Small State, Big Politics*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2013. 206 с.
3. Parasiliti A. T. *Iran and Iraq: Changing relations and Future Prospects // Iran and the Arab World / ed. by H. Amirahmadi et al.* New York: St. Martin's Press. 1993. Pp. 217–225. ISBN 978–0333579244
4. Seth J. G. *Containing Tehran: Understanding Iran's Power and Exploiting Its Vulnerabilities // Center for Strategic & International Studies (CSIS)*. Jan. 2020. ISBN 978–1–4422–8149–3. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/200110_Jones_ContainingIran_WEB_v2.pdf
5. Yusri H. *The Rise of Politicized Shi'ite Religiosity and the Territorial State in Iraq and Lebanon // Middle East Journal*. 2010. Vol. 64. No. 4. Pp. 521–541.
6. Ward S. R. *The Continuing Evolution of Iran's Military Doctrine // Middle East Journal*. 2005. Vol. 59. No. 4. Pp. 559–576.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Аль-Хейр М. М. Иалян-аль-шейх-усама-аль-рифай-муфтиян-ли-сурия: аль-далялят-ва-ль-масулият (Объявление шейха Усамы ар-Рифа'и муфтием Сирии: ответственность и последствия [Ialan-al-shaeikh-osama-al-rifa'i-muftiyan-li-syria: al-dalyalat-wa-l-mas'uliyat (Sheikh Osama Al-Rifa'i was declared as Syrian mufti: responsibilities and predications)]). November 11 2021. URL: <https://mubasher.aljazeera.net/opinions/https://shorturl.at/aFbwn> (accessed: 17.02.2022). (In Arabic).
2. Диб О. Раиси-фи-димашк-ля-аль-рияд (Раиси в Дамаске а не в Эр-Рияде). [Raisi-fi-dimashek-la-al-riadh(Raisi in Damascus not in Riadh)]. May 04 2023. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/04.05.2023> (accessed: 09.05.2023). (In Arabic).
3. Иссам, В. Сурия: милишият-мадума-мин-иран-тугейр-исм-масжид-омар-аль-фарук-фи-риф-дейр-аль-зор (Сирия: при поддержке Ирана милиции меняют названия мечети «аль-Фарук Омар» в пригороде Дейр аль-Зора). [Suria: milishiyat-madu'ma-min-iran-tughayir-ism-masjid-omar-al-farouq-fi-rif-deir-al-zour(Syria: militias is backed from Iran changes name mosque Omar al-Farouq in Deir al-Zor province)]. November 24 2021. URL: <https://www.alquds.co.uk/http://tiny.cc/t1ibzz> (accessed: 21.09.2022). (In Arabic).

4. Нааме А. Иран-туальян-истианаф-аль-зиярат-аль-диния-илиа-сурия-лимаза-аль-ан? (Иран объявляет о возобновлении «религиозного паломничества» в Сирию. Почему сейчас?). [Iran-tualan-istianaf-al-ziyarat-al-diniya-ila-syria-limaza-al-an? (Iran declares resumption of religious trips to Syria. Why now?)]. November 13 2021. URL: https://www.arab_21.com/story/1397691/ (accessed: 24.05.2022). (In Arabic).
5. Aarabi K. What Is Velayat-e Faqih? // Tony Blair Institute for Global Change. 20 Mar. 2019. URL: <https://institute.global/policy/what-velayat-e-faqih> (accessed: 20.01.2020).
6. Dukhan H., Alhamad A. Iran's Growing Network of Influence among Eastern Syrian Tribes // The Washington Institute for Near East Policy. Apr. 6 2021.
7. Eisenstadt M., Knights M., Ali A. Iran Influence in Iraq: Countering Tehran's Whole-of-Government Approach // Washington Institute for Near East Policy. April 2011. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-influence-in-iraq-countering-tehrans-whole-of-government-approach> (accessed: 22.09.2022).
8. Hassan M., al-Ahmed S. Iran's growing presence in Syria's al-Hasakah poses a direct threat to US forces // The Middle East Institute, Washington, D.C., Mar. 24 2022.
9. Golkar S., Aarabi K. The View From Tehran: Iran's Militia Doctrine // Tony Blair Institute for Global Change. 11 February 2021. URL: <https://institute.global/policy/view-tehran-irans-militia-doctrine> (accessed: 25.06.2022).
10. Saban N. Factbox: Iranian Influence and Presence in Syria // Atlantic Council. 05.11.2020. URL: <https://bit.ly/3dOvG7C> (accessed: 20.01.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ахмедов Владимир Муртузович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Akhmedov Vladimir M. – PhD (Hist.), senior researcher, Center for The Study on General Problems of the Modern East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23.07.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 06.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 23.07.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 06.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327.8
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-091-101>

ПОЛИТИКА «СОЛНЕЧНОГО ТЕПЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОРЕЙСКОГО ВОПРОСА

Рубен Леонович Казарьян

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
roubenka@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2225-6539>

Аннотация. Ситуация на Корейском полуострове характеризуется сменой фаз обострения и относительной нормализации. Традиционно факторами, влияющими на положение дел, выступают как внутривосточная составляющая, так и международная обстановка. Несмотря на то, что в настоящий момент положение в межкорейских отношениях находится в низшей за последние десятилетия точке, и Юг, и Север имеют опыт восстановления связей и нормализации отношений. Кульминацией двустороннего взаимодействия между Республикой Корея и КНДР считается период осуществления политики «солнечного тепла» (1998–2008 гг.). Несмотря на ряд критических замечаний в ее адрес, большинство специалистов сходятся во мнении, что в этот период на Корейском полуострове удалось достичь существенного перелома в обеспечении безопасности и стабильности, что соответствовало интересам обоих корейских государств. Таким образом, политику «солнечного тепла» можно рассматривать как эффективный инструмент обеспечения национальных интересов политико-дипломатическими и невоенными методами. В настоящей статье автор рассматривает условия, при которых подобное решение многолетних проблем Корейского полуострова может успешно реализовываться.

Ключевые слова: Республика Корея, КНДР, межкорейские отношения, политика «солнечного тепла», международные отношения, корейский вопрос, политико-дипломатические методы урегулирования

Для цитирования: Казарьян Р. Л. Политика «солнечного тепла» как инструмент политико-дипломатического урегулирования Корейского вопроса. *Восточная аналитика*. 2024;15(3):91-101. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-091-101>

Original article. Politics studies

THE "SUNSHINE" POLICY AS A TOOL FOR THE POLITICAL AND DIPLOMATIC SETTLEMENT OF THE KOREAN ISSUE

Rouben Kazariyan

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
roubenka@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2225-6539>

Abstract. The situation on the Korean peninsula is characterized by a change of phases of aggravation and relative normalization. Traditionally, the factors influencing the state of affairs are both the domestic political component and the international situation. Despite the fact that at the moment the situation in inter-Korean relations is at its lowest point in recent dec-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

ades, both the South and the North have experience in restoring ties and normalizing relations. The culmination of bilateral cooperation between the Republic of Korea and the DPRK is considered to be the period of implementation of the "Sunshine" policy (1998–2008). Despite a number of critical remarks addressed to her, most experts agree that during this period, a significant breakthrough in ensuring security and stability was achieved on the Korean peninsula, which corresponded to the interests of both Korean states. Thus, the "Sunshine" policy can be considered as an effective tool for ensuring national interests by political, diplomatic and non-military methods. In this article, the author examines the conditions under which such a solution to the long-standing problems of the Korean Peninsula can be successfully implemented.

Keywords: The Republic of Korea, the DPRK, inter-Korean relations, "Sunshine policy", international relations, the Korean issue, political and diplomatic methods of settlement

For citation: Kazariyan R. L. The "Sunshine" policy as a tool for the political and diplomatic settlement of the Korean issue. *Eastern Analytics*. 2024;15(3):91-101. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-091-101>

Сегодня можно с уверенностью констатировать, что первая четверть XXI в. войдет в историю как период нарастания противоречий в международных отношениях, постепенного разложения миропорядка, сложившегося после Второй мировой войны и распада социалистического лагеря. Корейский полуостров остается одной из потенциально опасных точек на карте мира, где друг другу противостоят не только Республика Корея и КНДР, но сталкиваются интересы более крупных игроков.

В нынешней непростой ситуации в мире добиться консенсуса политико-дипломатическими средствами не представляется возможным, и ситуация постепенно движется в направлении ужесточения конфронтации. Такое положение дел само по себе самым серьезным образом дестабилизирует обстановку в регионе в целом, не говоря уже о перспективе открытого конфликта с возможным применением оружия массового уничтожения.

Однако в истории противостояния на Корейском полуострове есть и примеры взаимодействия иного рода. Несмотря на непримиримую риторику и враждебность, начиная с 1970-х гг. Юг и Север не раз оказывались за столом переговоров, демонстрируя всему миру волю и способность договариваться, несмотря на кажущиеся непримиримыми позиции. Пожалуй, кульминацией такого межкорейского взаимодействия можно считать период с 1998 по 2008 гг., когда южнокорейский внешнеполитический курс в отношении КНДР определялся политикой «солнечного тепла» (или «солнечного света», кор. 햇볕정책, «Хэппет Чончхэк»), символично названной так ее автором – президентом Республики Корея Ким Дэ Чжуном (годы президентства 1998–2003). Аналогия была заимствована из известной басни древнегреческого поэта Эзопа (прим. 600 г.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

до н. э.) «Солнце и ветер». По сюжету солнце и ветер поспорили, кто сильнее и кто сумеет заставить раздеться путника. Ветер пытался сдуть с путника одежду, но тот лишь еще плотнее кутался в нее. Солнце же стало сначала слегка пригревать, а потом припекло сильнее – путник сам снял с себя одежду [Басни., 1968, с. 77]. Собственно говоря, замысел Ким Дэ Чжуна состоял в том, чтобы, не применяя давление, путем взаимодействия в различных сферах постепенно «...превратить КНДР в нормальное государство»¹.

В основе нового подхода южнокорейского руководства лежали три ключевых принципа: недопущение вооруженных провокаций со стороны Северной Кореи, отказ от намерений поглотить Север, а также активное развитие двусторонних отношений по всем возможным направлениям. То есть Сеул предлагал отказ от конфронтации, признание и принятие существующих на полуострове реалий, а также взаимовыгодное экономическое сотрудничество для нормализации отношений с возможностью последующего обсуждения и политических вопросов.

С одной стороны, здесь мы не видим чего-то принципиально нового, поскольку все эти идеи в том или ином виде уже фигурировали в различных документах, подписанных сторонами, начиная с Совместного заявления июля 1972 г. вплоть до межкорейских договоренностей 1991 г. Более того, в программах по объединению страны, представленных ранее обеими сторонами, фактически содержался именно такой сценарий в той или иной форме: сначала нормализация отношений, экономическое взаимодействие и уже после длительного периода стабильности решение вопросов политического устройства. Собственно говоря, именно ввиду того, что ничего нового, по сути, Сеул не предлагал, поначалу в Пхеньяне отнеслись довольно прохладно к инициативам южнокорейского президента Ким Дэ Чжуна [Snyder, 1999, p. 250–251].

С другой стороны, эти предложения были озвучены в совершенно иной исторической ситуации, когда у сторон были и политическая воля, и заинтересованность в их реализации. К концу прошлого столетия крайне тяжелое экономическое положение Северной Кореи, усугубленное бедственными природными катаклизмами середины 1990-х гг., распадом СССР и социалистического блока, вынуждали Пхеньян перейти к более прагматичному курсу и искать дополнительные источники пополнения бюджета не только для осуществления крайне необходимых внутренних преобразований. Глобальные трансформации системы международных отношений воспринимались руководством КНДР как прямая

¹ Why Sunshine Policy was never going to succeed Kim Jong-pil Remembers. URL: <http://koreajournaldaily.com/news/article/article.aspx?aid=3014250> (accessed: 01.10.2023)

угроза своему суверенитету и общественно-политическому устройству, а единственным способом сохранить оные в Пхеньяне сочли обладание ядерным оружием, создание которого тоже требовало немалых затрат.

КНДР искала способы вырваться из международной изоляции и закрепить свое положение в новой системе координат. После стремительного распада мировой социалистической системы и потери существенной доли международной поддержки, на фоне ожиданий мировым сообществом скорого падения северокорейского режима, Пхеньяну крайне сложно было найти внешние связи для установления контактов.

Несмотря на то, что в администрации президента Б. Клинтона было принято решение об изменении внешнеполитического курса в отношении КНДР и новый подход к переговорам предполагал снижение изоляции Пхеньяна Соединенными Штатами и их союзниками, предписывал отказаться от военно-политического давления и даже установить дипломатические отношения между двумя странами, переговоры проходившие в течении 1999 г., не принесли результатов, так как Вашингтон настаивал на полном отказе Пхеньяна от его ядерной программы, что было неприемлемо для последнего [Нам, 2002, с. 35].

Руководство КНДР пришло к выводу о бесперспективности американского направления во внешней политике на этом этапе. В такой ситуации инициативы Сеула пришлось как нельзя кстати, поскольку фактически оказались единственной возможностью для КНДР на внешнее взаимодействие. К тому же ранее южнокорейский крупный капитал уже не раз демонстрировал практический интерес к сотрудничеству с Севером в условиях ужесточающейся конкуренции со стороны Китая и стран Юго-восточной Азии. Впоследствии южнокорейское государство активно стимулировало крупные компании к участию в межкорейском экономическом сотрудничестве, что стало важной составляющей политики «солнечного тепла».

С развалом блока социалистических стран и формированием нового, условно говоря, постсоветского миропорядка исчез и фактор идеологии, который ранее существенно влиял на внешнеполитический курс Пхеньяна. Если раньше все вопросы межкорейских отношений решались с оглядкой на Москву и Пекин, теперь такой необходимости не было.

Что касается Южной Кореи, то и у нее были объективные причины перейти от декларирования своих устремлений к практическим действиям в рамках новой политики в отношении северного соседа. Отмеченное выше крайне тяжелое положение КНДР в 1990-е гг., скорострительная смерть ее многолетнего лидера Ким Ир Сена и еще ряд обстоятельств делали перспективы северокорейского государства довольно неопределенными. Однако падение режима, вне всякого сомнения, дестабили-

зировало бы ситуацию на полуострове и привело к непредсказуемым последствиям, которые обрушились бы на Южную Корею прежде всего. В тот момент страна переживала непростой период выхода из тяжелейшего финансового кризиса, разразившегося в Азии в 1997 г., и такое развитие событий не отвечало интересам Сеула.

К этому времени страна была разделена уже более полувека, и начало нового столетия в каком-то смысле обостряло необходимость наращивания усилий по воссоединению, не исключая и германский сценарий. Мир существенно изменился, бесперспективность социалистического пути казалась очевидной, особенно ввиду существенного различия в положении и развитии двух корейских государств. Десятилетия конфронтации и противостояния не разрешали ситуацию, и очевидно назревала необходимость выработки новых подходов к решению корейского вопроса в целом. К тому же Ким Дэ Чжун не скрывал, что опыт постепенного размывания фундаментальных ценностей и основ стран социалистического лагеря изнутри через экономико-культурное взаимодействие со странами Запада во второй половине 1980-х гг. произвел на него большое впечатление, и он не без основания полагал, что таким же образом можно попытаться действовать и в отношении Северной Кореи [The Korean problem..., 1994, p. 48–49].

Упомянутый выше рост конкурентной борьбы в Азии, в особенности угрожающий рост китайской экономики, вынуждал и крупный южнокорейский капитал искать решения этой проблемы. Северная Корея представляла определенный интерес с точки зрения потенциальных дешевых ресурсов, дисциплинированной и квалифицированной рабочей силы, а также как источник государственной поддержки, разного рода налоговых льгот и преференций. Реструктуризация южнокорейских крупных компаний после кризиса 1997 г. вынуждала искать новые возможности для развития.

В рамках политики «солнечного тепла» руководство страны постулировало принцип отделения политики от экономики, что формально и, в целом, на практике означало предоставление частному капиталу Южной Кореи большей свободы действий в принятии решений, касающихся торговли и инвестиций с Севером, ослабление ограничений, препятствовавших межкорейскому бизнесу. Это стимулировало интерес южнокорейских компаний к сотрудничеству с КНДР, что при всех сложностях оказалось довольно выгодным, особенно в условиях преодоления экономического кризиса.

Л. В. Захарова в своей работе «Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности» выделяет следующие объективные причины интереса южнокорейского капитала в сотрудничестве

с Севером: снижение рисков и повышение кредитного и инвестиционного рейтинга южнокорейских компаний; сокращение издержек ввиду интеграции экономики РК в процессы глобализации; перспективным направлением сотрудничества для РК являлась разработка минеральных ресурсов на Севере – область, испытывавшая острый дефицит капитала и технологий для развития добывающей промышленности; создание «сухопутного коридора», связующего расположенную на оконечности полуострова Южную Корею с материком [Захарова, 2014, с. 59].

Общность экономических интересов в рамках единого экономико-географического пространства, пусть и с различными политическими системами, являлась важнейшим необходимым условием дальнейшего налаживания взаимодействий двух стран с различным политическим устройством. В ходе осуществления совместных экономических проектов стороны естественным образом прокладывали путь и к будущему политическому объединению разделенной страны, постепенно устраняя нестыковки и различного рода юридические нюансы в своих законодательствах.

Таким образом, первоначальный успех политики «солнечного тепла» президента Ким Дэ Чжуна и его преемника – Но Му Хёна (годы президентства 2003–2008) во многом обуславливался благоприятным историческим моментом и набором факторов, способствовавших сближению двух корейских государств.

В рамках настоящей работы мы не будем подробно останавливаться на всех нюансах курса Республики Корея в отношении КНДР в период 1998–2008 гг. Однако важно отметить, что в этот период отношения КНДР и Республики Корея вышли на принципиально новый уровень. Впервые в истории главы стран встретились лично и подписали «Совместную декларацию Севера и Юга», открывшую путь к беспрецедентной нормализации отношений с КНДР, была реализована и продемонстрировала успехи широкомасштабная программа экономического сотрудничества между двумя странами, был достигнут ряд соглашений, позволивших обеспечить пропорциональное развитие национальных экономик, активизировать сотрудничество и обмен в социальной сфере, а также в областях культуры, спорта, здравоохранения, окружающей среды и др. Действительно, подобного уровня взаимодействия и обменов история отношений Юга и Севера не знала. Среди крупнейших экономических проектов Севера и Юга необходимо отметить Кымгансанский туристический комплекс, Кэсонскую промышленную зону, проект соединения железных дорог Севера и Юга. Важным для народа Кореи стало неоднократное проведение встреч родственников семей, разделенных в ходе Корейской войны 1950–1953 гг.

Понимая, что для осуществления политики «солнечного тепла» крайне важна стабильная внешнеполитическая обстановка и поддержка мирового сообщества, Ким Дэ Чжун осуществил серию визитов в США, Японию, Китай и Россию для поддержки своей новой политики. На первых порах в этом направлении удалось достигнуть больших результатов. Так, в июне 2000 г. после примерно 50 лет были частично сняты экономические санкции США в отношении КНДР. Северная Корея установила дипломатические отношения с целым рядом европейских государств, среди которых Швеция, Финляндия, Португалия, Дания, Австрия.

Но, пожалуй, самым главным и до сих пор непревзойденным достижением политики «солнечного тепла» явилась общая стабилизация на корейском полуострове, длительное время остававшемся одним из самых напряженных и взрывоопасных мест на планете. В некотором отношении каждая из сторон извлекла вполне конкретные и существенные выгоды в ходе осуществления широкомасштабного двустороннего взаимодействия в рамках политики «солнечного тепла». Нормализация межкорейских отношений и общая стабилизация ситуации в регионе создали благоприятные условия для осуществления уже многосторонних экономических проектов на Корейском полуострове.

Внутриполитическая оппозиция постоянно подвергала острой критике политику Ким Дэ Чжуна, считая ее политическим «пиаром», осуждая беспрепятственное перекачивание денег из бюджета страны на Север и необоснованную позицию Республики Корея в ООН по вопросам, касавшихся осуждения каких-либо действий Северной Кореи. В 2003 г. в Южной Корее разгорелся серьезный скандал, связанный с проведением саммита в 2000 г. и последующим присуждением Ким Дэ Чжуну Нобелевской премии мира. Тогда выяснилось, что за несколько дней до встречи на высшем уровне администрация Ким Дэ Чжуна и компания «Хён Дэ» при содействии «Korea Exchange Bank» осуществили секретный перевод суммы в размере 500 млн долл. США на счета руководства КНДР якобы для проведения саммита [Son, 2006, p. 111–112]. Это дало повод оппозиции заявить, что Ким Дэ Чжун «купил» Нобелевскую премию. Безусловно, подобные дарения гигантских сумм КНДР негативно сказывались на восприятии общественностью государственной политики в отношении северного соседа. По некоторым оценкам общая сумма средств, полученных севером от Юга в рамках осуществления политики «солнечного тепла», составила 8,6 трлн вон (7,7 млрд долл.) [Moon, 2012, p. 219].

Критики политики «солнечного тепла» настаивали, что Ким Дэ Джуну и его последователю – Но Му Хёну не удалось в итоге запустить процесс внутреннего реформирования КНДР в направлении создания рыночной экономики, либерализации и демократизации общества, что,

по мнению консервативной оппозиции, было промежуточной целью осуществления стратегии, итогом которой, вне всякого сомнения, должен был стать коллапс существующего режима власти в КНДР и бескровное поглощение последней Югом.

Но настоящим ударом по политике «солнечного тепла» стал выход КНДР из Договора о нераспространении ядерного оружия, последовавшее вскоре заявление Пхеньяна об обладании ядерной бомбой и, наконец, ее испытания в 2006 г. Всё это окончательно подорвало мнение широкой общественности относительно целесообразности и успеха дальнейшего проведения политики «солнечного тепла» [Казарьян, 2022, с. 111]. В то же время следует заметить, что активизация ракетно-ядерной программы в указанный период явилась реакцией на существенные изменения американской внешнеполитической доктрины в отношении КНДР с приходом к власти в США Дж. Буша Мл.

В конце 2007 г. на очередных президентских выборах в Южной Корее победу одержал кандидат от оппозиции и фактически сразу же после вступления в должность (2008 г.) стартовал демонтаж политики «солнечного тепла», что постепенно откатило ситуацию в межкорейских отношениях на десятилетие назад, а впоследствии привело к довольно затяжному кризису на полуострове.

Немаловажную роль в постепенном сворачивании политики Ким Дэ Чжун сыграл и внешний фактор – резкое сближение двух корейских государств вызывало серьезные опасения в Вашингтоне, поскольку межкорейское взаимодействие существенным образом повлияло на восприятие Северной Кореи южанами, «демонизированный» образ врага уступил место более реалистичной картине.

Ким Дэ Чжун не раз в своих трудах писал о том, что Корея не существует отдельно от остального мира, и решение проблемы объединения в силу исторических причин так или иначе связано с участием ближайших соседей. «Взаимодействие между четырьмя сверхдержавами – это обязательное условие объединения, к которому стремится наш народ. Мы всегда должны помнить, что, хотим мы того или нет, самой судьбой нам предназначено быть неразрывно связанными с этими четырьмя сверхдержавами» [Ким, 1998, с. 134]. Однако к этому моменту в отношениях упомянутых сверхдержав (США, Китай, Россия и Япония) уже накопились существенные противоречия, в том числе и в отношении проблем Корейского полуострова.

Политика «солнечного тепла» способствовала преодолению внутреннего кризиса в КНДР, обеспечила Пхеньян притоком финансовых средств, что, в том числе, позволило продолжить работы по развитию ракетно-ядерной программы. И это обстоятельство, пожалуй, по

сей день остается самым серьезным аргументом противников политики «солнечного тепла» и тех, кто выступает против сотрудничества с КНДР в принципе. Насколько велика угроза безопасности в регионе, которую представляет Пхеньян, обладающий серьезным ядерным арсеналом и средствами доставки? За более чем 15 лет, прошедшие после сворачивания политики «солнечного тепла», ситуация с безопасностью вокруг Корейского полуострова неизменно ухудшается, несмотря на огромный масштаб военно-политического и санкционного давления, оказываемого на КНДР. Межкорейские отношения откатились до уровня холодной войны в ее наиболее острые периоды: не осуществляется никакого взаимодействия ни по экономической, ни по культурной, ни по гуманитарной линиям, Пхеньян заявил об отказе от политики, направленной на объединение страны, ввиду откровенно враждебного характера внешнеполитического курса Сеула, стороны наращивают свои военные потенциалы, дестабилизируя и без того хрупкое положение на полуострове. Очевидно, что отказ от политики взаимодействия с КНДР и, тем более, усиление военно-политического и экономического давления создает в регионе куда более опасную, непредсказуемую ситуацию.

Необходимо отметить, что сворачивание политики «солнечного тепла» явилось не только отражением изменений внутривосточной конъюнктуры Южной Кореи. Немаловажным представляется и то обстоятельство, что к концу первого десятилетия XXI в. ситуация в мире стала постепенно меняться. Экономический кризис 2008 г. обострил накопившиеся противоречия, на мировой арене появились новые государства, претендующие на будущее экономическое доминирование, серьезно обострилась конкуренция и борьба за рынки и ресурсы, все чаще стало применяться давление в виде экономических санкций. Мир вступал в фазу деглобализации, и все четче проступали контуры будущего глобального противостояния. Эти процессы нашли свое отражение и в ситуации вокруг Корейского полуострова, где постепенно начали формироваться группы стран с различным взглядом на проблемы безопасности в регионе ввиду очевидного прогресса КНДР в создании собственного ядерного оружия. Формирование треугольников Китай – КНДР – Россия и США – Япония – Южная Корея займет не один год, но к концу второго десятилетия XXI в. 38-я параллель будет разделять не только два корейских государства, но и эти треугольники.

Выше были рассмотрены некоторые важные факторы, благодаря которым политика «солнечного тепла», как и любая другая аналогичная линия, направленная на взаимодействие, а не конфронтацию, могла быть успешно реализована. Однако сегодняшняя ситуация в мире

и на Корейском полуострове ярко демонстрирует отсутствие политической воли к политико-дипломатическому пути решения проблем.

Ярким примером служит короткий исторический отрезок 2017–2019 гг., когда к власти в Южной Корее вновь пришли сторонники идей Ким Дэ Чжуна и политики «солнечного тепла», однако по существу им не удалось сделать ничего сопоставимого с теми колоссальными изменениями, которые имели место в межкорейских отношениях в 1998–2008 гг. А то, что все же удалось реализовать, было «отменено» вернувшимися во власть консервативными силами.

Таким образом, при всех своих очевидных преимуществах и недостатках, политика «солнечного тепла» как один из способов неконфронтационного подхода к решению проблем Корейского полуострова показывает, что такой путь вполне возможен только при наличии у сторон политической воли и заинтересованности к его реализации, в соответствующей и благоприятной международной обстановке при содействии или нейтральном отношении со стороны ключевых государств региона. Также стоит отметить, что для реализации подобной политики крайне необходима весомая экономическая составляющая – осуществление совместных и взаимовыгодных экономических проектов, государственное стимулирование и поддержка бизнеса в продвижении подобных проектов. С сожалением приходится констатировать, что в нынешней ситуации в регионе и мире ничего подобного не наблюдается.

Литература / References

1. Басни Эзопа / пер. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1968. 320 с. [The Fables of Aesop / Translated by M. L. Gasparov. Moscow: Nauka, 1968. 320 p.]
2. Захарова Л. В. Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. М.: ИДВ РАН, 2014. 249 с. [Zakharova L. M. Inter-Korean economic relations: from the origins to the present, Moscow: IDV RAN, 2014. 249 p.]
3. Казарьян Р. Л. Проблема раскола Кореи и Россия. М.: ИВ РАН, 2022. 209 с. [Kazariyan R. L. The problem of Korea's split and Russia, Moscow: IOS RAS, 2022. 209 p.]
4. Ким Бен Кук. Президент Республики Корея Ким Дэ Чжун. М.: Республика, 1998. 206 с. [Kim Byung-kook. President of the Republic of Korea Kim Dae-jung. Moscow: Respublika, 1998. 206 p.]
5. Нам С. Г. Первичность внутренних факторов в объединительном процессе Кореи на современном этапе // Перспективы межкорейского диалога. Внутренние и внешние аспекты. М.: ИДВ РАН, 2002, 179 с. [Nam S. G. The primacy of internal factors in the unification process of Korea at the present stage // Prospects of inter-Korean dialogue. Internal and external aspects, Moscow: IDV RAN, 2002. 179 p.]
6. The Korean Problem: Nuclear crisis, Democracy and Reunification. A collection of Essays, Speeches and Discussions by Kim Dae Jung. Seoul, Korea: KDJ Peace Foundation 1994. 223 p.

7. Moon Chung-In. The Sunshine Policy: In Defense of Engagement as a Path to Peace in Korea. Yonsei Univ. Press, 2012. 268 p.
8. Scott Snyder. North Korean views of the Sunshine policy: Responses and ramifications // Kim Dae-jung Government and Sunshine Policy: Promises and Challenges, Yonsei Univ. Press, 1999, 292 p.
9. Son Key-young. South Korean Engagement Policies and North Korea. Identities, norms and the Sunshine Policy. Routledge, 2006. 256 p.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Why Sunshine Policy was never going to succeed Kim Jong-pil Remembers. URL: <http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=3014250> (accessed: 01.10.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Казарьян Рубен Левонович –
канд. полит. наук, старший научный
сотрудник Отдела Кореи и Монголии
Института востоковедения Российской
академии наук, Москва, Россия

Kazariyan Rouben L. – PhD (Polit.),
Senior Research Fellow, Department of
Korea and Mongolia, Institute of Oriental
Studies of the Russian Academy of
Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23.07.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 06.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 23.07.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 06.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327.8
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-102-111>

РЕАКЦИЯ РУКОВОДСТВА АЛЖИРА НА СИТУАЦИЮ В МАЛИ: ОТКАЗ ОТ ВОЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА

Владимир Павлович Кириченко

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
black-whit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8724-2341>

Аннотация. Статья посвящена восприятию Алжиром кризиса в Мали, который разразился в 2012 г. Для Алжира Мали является зоной обеспечения национальных интересов и безопасности. При этом алжирское руководство традиционно отказывалось от военного решения конфликта между властями Мали с одной стороны и туарегскими и джихадистскими группировками с другой. К тому же Алжир стремится стать ведущим игроком в регионе Сахель.

Ключевые слова: Алжир, Мали, туареги, исламизм, национальные интересы

Для цитирования: Кириченко В. П. Реакция руководства Алжира на ситуацию в Мали: отказ от военного вмешательства. *Восточная аналитика*. 2024;15(3):102-111. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-102-111>

Original article. Politics studies

ALGERIAN LEADERSHIP'S RESPONSE TO THE SITUATION IN MALI: REJECTION OF MILITARY INTERVENTION

Vladimir Kirichenko

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
black-whit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8724-2341>

Abstract. The article is devoted to Algeria's perception of the crisis in Mali that erupted in 2012. For Algeria, Mali is an area of national interest and security. At the same time, the Algerian leadership has traditionally refused a military solution to the conflict between the Malian authorities, on the one hand, and the Algerian government, on the other. Moreover, Algeria aspires to become a leading player in the Sahel region.

Keywords: Algeria, Mali, Tuareg, Islamism, national interests

For citation: Kirichenko V. P. Algerian leadership's response to the situation in Mali: rejection of military intervention. *Eastern Analytics*. 2024;15(3):102-111. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-102-111>

Алжирское руководство весьма обеспокоено политической нестабильностью в соседней Мали. Ситуацию осложняет и протяженность общей границы, которая составляет 1376 км. К тому же деятельность обособившихся в Мали исламистских террористических группировок угрожает национальной безопасности Алжира.

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

17 января 2012 г. сепаратисты-туареги из организации «Движение за освобождение Азавада» подняли вооруженное восстание на севере Мали и объявили о намерении добиваться независимости. Вероятно, возникновению конфликта способствовало возвращение туарегских бойцов из Ливии в 2011 г. Ранее они находились на службе в армии Муаммара Каддафи¹. За месяц повстанцам удалось захватить несколько городов на севере и в центре страны. 22 марта 2012 г. восставшие военные свергли президента Амаду Тумани Туре. Он был обвинен в неспособности подавить мятеж. Мировое сообщество потребовало, чтобы власть в стране перешла к спикеру парламента Дионкунде Траоре. 6 апреля 2012 г. повстанцы, к тому времени контролировавшие более половины территории Мали, провозгласили независимое государство Азавад². Ситуация осложнилась деятельностью на территории Мали исламистских группировок. К ним принадлежит туарегская организация «Ансар ад-Дин», которая связана с организацией «Аль-Каида»³ в исламском Магрибе (ОКИМ). Также в стране действует объединяющее исламистов Мали и Мавритании «Движение за единство и джихад в Западной Африке», находящееся в союзе с организацией «Аль-Каида»⁴.

В июне 2012 г. между туарегами и исламистами начались столкновения, которые привели к вытеснению туарегов из ключевых городов, в том числе Тимбукту, Гао и Кидаля. 15 июля 2012 г. лидеры стран Африканского союза поддержали проведение международной военной операции в Мали. Восстановить порядок планировалось силами 3,3 тыс. миротворцев Экономического сообщества стран Западной Африки. Франция пообещала миротворцам поддержку. 20 декабря 2012 г. Совбез ООН принял соответствующую резолюцию, которая санкционировала проведение международной военной операции в Мали⁵.

10 января 2013 г. исламистами был захвачен г. Кона. На следующий день он был отбит правительственными войсками и прибывшими в Мали французскими военными⁶. Таким образом, Франция начала

¹ Ananyev M., Poyker M. Identity and conflict: Evidence from Tuareg rebellion in Mali // Science Direct. World Development. 2023. № 161. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305750X22002984> (дата обращения: 17.08.2024).

² Как развивался конфликт в Мали // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2104327> (дата обращения: 20.03.2024.)

³ Здесь и далее упоминается террористическая организация, запрещенная в РФ.

⁴ Салов Д. Мали. Восстание туарегов и исламистов // Anna-News. URL: <https://anna-news.info/mali-vosstanie-tuaregov-i-islamistov/> (дата обращения: 25.03.2024.)

⁵ Как развивался конфликт в Мали...

⁶ Там же.

в Мали антитеррористическую операцию «Сервал», которая позже переклалась в операцию «Бархан» [Давидчук, Дегтерев, Сидибе, 2022, с. 55].

Для Алжира вступление в конфликт Франции и ее союзников было негативным фактором. Дело в том, что главным союзником Парижа является Марокко – региональный конкурент Алжира. Втягивание Парижа в конфликт в Мали означало сдерживание Алжира, в т. ч. руками Рабата. Поэтому в интересах Алжира было погасить этот конфликт, но не допустить к участию в этом ведомую Францией коалицию⁷.

Алжир придерживался точки зрения, что необходим национальный диалог между всеми малийскими фракциями, вовлеченными в конфликт. Также предусматривалось формирование правительства национального единства, в котором были бы представлены все партии. Идея заключалась в том, чтобы добиться формирования легитимного правительства, поддерживаемого всем населением. Политическое решение также предполагало признание приемлемых и законных требований повстанцев, включая особый статус для севера и широкие экономические инициативы по развитию. Алжирское руководство считало, что если эти действия увенчаются успехом, то это отсечет северных повстанцев и местное население от джихадистских группировок [Lounpas, 2021, p. 28].

Такое решение позволило бы удовлетворить требования туарегов и обрести новых союзников в борьбе с террористическими группировками, которые контролировали две трети региона Азавад, в котором преобладают туареги. Регион Азавад расположен на северо-востоке Мали⁸.

Однако Алжиру все же пришлось дать согласие на проведение Францией операции в Мали. Это произошло после санкции Совета безопасности ООН на проведение военной операции в Мали от 12 октября 2012 г. Решение Алжира можно объяснить тем, что создалась ситуация, при которой судьбу стратегически важной для безопасности Алжира страны могли решить без него⁹. Таким образом, одобрив проведение операции, алжирское руководство показало свою сопричастность к процессу¹⁰.

В 2015 г. при посредничестве Алжира было подписано мирное соглашение между властями Мали и вооруженными группами, состоящими

⁷ Гулевич В. Мали – дилемма для Алжира // *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8894> (дата обращения: 25.03.2024).

⁸ Gherieb H. From Security Solutions to Political Resolution: The Innovative Algerian Counterterrorism Approach // *Fikra Forum*. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/security-solutions-political-resolution-innovative-algerian-counterterrorism> (дата обращения: 25.03.2024.).

⁹ Балмасов С. С. Позиция Алжира относительно военной операции в Мали // *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=16019> (дата обращения: 25.03.2024).

¹⁰ Там же.

преимущественно из туарегов¹¹, в частности «Координацией движений Азавад» и «Платформой». Первая включает «Национальное движение за свободу Азавада», «Высший совет единства Азавада», «Арабское движение Азавада», «Коалицию народа Азавада» и «Координацию движения и патриотических фронтов сопротивления». «Платформа» включает отделившуюся часть «Координации движения и патриотических фронтов сопротивления», «Группу самообороны Имгхада туарегов» [Макарова, 2021, с. 103].

* * *

Туареги являются бербероязычным скотоводческим обществом Сахары. Однако за последние несколько десятилетий число туарегов-скотоводов резко сократилось. Туареги проживают на территории Алжира, Нигера, Мали, Буркина-Фасо и юго-западной Ливии. Конфедерации племен Кель Ахаггар и Кель Аджер называют северными туарегами, а остальные группы относят к южным туарегам. Достоверных данных о точном распределении населения туарегов нет. Однако всё население туарегов составляет более 3,5 млн человек: 800 000 в Нигере; 600 000 в Мали; 140 000 в Алжире, включая беженцев из Мали и Нигера [Shahiane, 2016, p. 133].

Южный Алжир является зоной влияния туарегской конфедерации племен Кель Ахаггар, в то время как северо-восточный Мали находится под влиянием клана Ифорас. Именно поэтому «Национальное движение за освобождение Азавада» делает особый акцент на том, что деятельность сосредоточена исключительно на территории Мали. Нужно отметить, что алжирские власти обеспокоены возможным обострением «берберского вопроса» на юге страны¹².

Такие организации как «Национальное движение за освобождение Азавада», «Арабское движение Азавада» и Высший совет единства Азавада не признали результаты мирных переговоров в Алжире, которые прошли в 2015 г., и продолжили требовать независимости от Мали. При этом некоторые представители этих партий занимают в самом Бамако, столице Мали, определенные политические посты, продолжая при этом требовать независимости Азавада¹³.

¹¹ Tuareg Separatists Reject 'Inter-Malian' Peace Dialogue // Barron`s. URL: <https://www.barrons.com/news/tuareg-separatists-reject-inter-malian-peacedialogue-4ebf88e9> (дата обращения: 20.03.2024).

¹² Туареги. Неизвестная война // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/23046-tuaregi-neizvestnaya-voyna.html> (дата обращения: 20.03.2024.).

¹³ Пасхина А. Мали: борьба с террористами и война за ресурсы. Туарегский фактор // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/218502-mali-borba-s-terroristami-i-vojna-za-resursy-tuaregskij-faktor.html> (дата обращения: 20.03.2024.).

* * *

Алжир с беспокойством отреагировал на военные перевороты в Мали в 2020 и 2021 гг. В ноябре 2023 г. малийская армия при помощи российской ЧВК «Вагнер» отбила у туарегских сепаратистов город Кидаль. Нужно отметить, что алжирское руководство болезненно восприняло присутствие группы «Вагнера» в Мали. Так, президент Алжира Абдельмаджид Теббун заявил, что ресурсы, потраченные на финансирование ее присутствия, могли бы быть лучше потрачены на более важные экономические предприятия в стране¹⁴.

17 февраля 2023 г. Франция, ее европейские союзники и Канада объявили о выводе войск из Мали¹⁵. Это произошло из-за «препятствий» со стороны военного малийского переходного правительства, говорится в совместной декларации стран – участников и партнеров операции. Под «препятствиями» подразумевалось невыполнение властями Мали обязательств о проведении новых президентских и парламентских выборов, а также, как пояснил позже на пресс-конференции президент Франции Эмманюэль Макрон, присутствие в стране российской ЧВК «Вагнер». Макрон также заявил о «русском следе» антифранцузских настроений в Буркина-Фасо, где в январе 2022 г. произошел военный переворот¹⁶.

Нужно отметить, что Алжир стремится получить выгоду от своего проекта по транспортировке нигерийского газа по трубопроводу, проходящему через несколько стран Сахельского региона, включая Мали, и заканчивающемуся в Алжире. Алжир призван играть центральную роль в обеспечении безопасности этого маршрута. Амбиции Алжира по обеспечению своего влияния и интересов в Сахельском регионе посредством подобных крупных региональных проектов сталкиваются с присутствием России.

Алжир стремится стать ведущим игроком в регионе. Уже известны проекты по восстановлению и развитию Транссахарской автомагистрали, соединяющей побережья Средиземного моря и Гвинейского залива через территорию Сахары, созданию объектов солнечной электрогенерации и обеспечению водной безопасности стран на пространстве Западной и Центральной Африки¹⁷.

¹⁴ Maaloum H. Why is Algeria Criticizing Wagner's Role in Mali? // Arab Wall. URL: <https://arabwall.com/en/why-is-algeria-criticizing-wagners-role-in-mali/> (дата обращения: 30.03.2024).

¹⁵ Лакстыгал И. Франция выводит войска из Мали, где они боролись с терроризмом // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/02/17/909877-frantsiya-vivodit-voiska-mali> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Романов А. Гадание на «сахельской пороховой бочке»: взорвётся – не взорвётся? URL: <https://zvezdaweb.ru/news/20233211724-6yDHG.html> (дата обращения: 25.03.2024).

В 2021 г. стало известно, что Алжир и Мали намерены и дальше наращивать торговлю в различных областях, включая экспорт непатентованных лекарств в эту страну, заявил сопредседатель алжиро-малийского делового совета Абдельвахаб Зиани.

«У нас есть большой потенциал для экспорта в Мали, особенно в области медицины», – заверил он во время первого заседания Алжиро-малийского делового совета, организованного в штаб-квартире Алжирской торгово-промышленной палаты в партнерстве с малийскими торгово-промышленными палатами.

По словам г-на Зиани, присутствие алжирских компаний в Мали «увеличивается все больше и больше», особенно в сегментах исследований в области нефти, бытовой техники, пищевой промышленности и электроники.

По словам посла Мали, Алжир «полон решимости преодолеть препятствия, мешающие коммерческим операциям между двумя странами», и «придает большое значение двусторонним экономическим отношениям». В рамках этой динамики основная цель состоит в том, чтобы позволить экономическим операторам объединить свои усилия для укрепления экономических и торговых отношений, настаивал дипломат¹⁸.

Россия также усиливает свое дипломатическое, военное и экономическое присутствие в регионе Сахель. По сути, Сахель – это саванна между Сахарой и более плодородными землями. Территория Сахеля включает в себя такие страны, как Сенегал, Мавритания, Мали, Алжир, Буркина-Фасо. Регион богат полезными ископаемыми (природный газ, нефть, уран и др.)¹⁹. Что касается торговых отношений Российской Федерации, то в августе 2022 г. было заявлено, что страны станут близкими партнерами по торгово-экономическому и инвестиционному сотрудничеству. Основными статьями российского экспорта в Мали являются транспортные средства, оборудование, сельскохозяйственная продукция и сырье, продукция химической промышленности и удобрения. Мали экспортирует в Россию продовольствие и сельхозсырье²⁰.

В конце марта 2024 г. стало известно, что Россия и Мали намерены развивать сотрудничество в области мирного применения атомной

¹⁸ Saada H. Algerian-Malian Business Council intend to expand bilateral trade. URL: <https://www.dzbreaking.com/2021/03/27/algerian-malian-business-council-intend-to-expand-bilateral-trade> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁹ Чем интересен Сахель – эксперты о геополитике и цивилизациях // Спутник Кыргызстан. URL: <https://ru.sputnik.kg/20240223/afrika-sahel-zapad-region-geopolitika-ehkonomika-civilizaciya-1082931297.html> (дата обращения: 20.03.2024).

²⁰ Каштенкова О. Россия сближается с Мали в торговле и инвестициях // Бизнес Журнал. URL: https://business-magazine.online/fn_1119359.html (дата обращения: 20.03.2024).

энергии. Соответствующее соглашение подписано на форуме «Атом-экспо-2024».

Документ предусматривает шаги сторон по созданию кадрового потенциала западноафриканской страны в сфере мирного атома, развитию ядерной инфраструктуры и формированию в Мали позитивного общественного мнения в отношении атомной энергетики²¹.

* * *

Интерес Алжира к кризису в Мали является естественным результатом ухудшения ситуации с безопасностью на границе между двумя странами, которая проходит в стратегической южной части Алжира. Это сделало его рассадником террористической деятельности и незаконной торговли. Позиция Алжира по кризису в Мали, по-видимому, отражает концепцию, которая отвергает любые действия, которые могут вызвать дальнейшие беспорядки и усилить проблемы в области безопасности и гуманитарные проблемы в этой стране, что повлияет на внутренние районы Алжира через южные границы.

Кроме того, Алжир, похоже, ищет новые механизмы для усиления своей роли в Сахельском регионе. В то же время нельзя исключить, что Мали станет объектом военного присутствия Алжира, поскольку в 2020 г. были приняты поправки к конституции, впервые разрешающие развертывание вооруженных сил Алжира за пределами границ страны.

В 2023 г. Мали отозвала своего посла в Алжире Махамане Амаду Майгу после обвинений во вмешательстве во внутренние дела страны путем встречи с лидерами повстанцев, заявили официальные лица. Ранее Мали вызвала высокопоставленного дипломата Алжира, «чтобы выразить решительный протест в связи с недавними недружественными действиями алжирских властей под прикрытием мирного процесса в Мали»²².

Посол Алжира в Мали вернулся на свой пост в Бамако спустя две недели.

Это знаменует собой осторожный шаг к дипломатическому примирению, инициативу в котором проявляет Алжир. Посол Эль-Хауэс Риаш, вернувшийся на свой пост после консультаций с алжирскими властями, готов оперативно включиться в усилия по укреплению отношений между Бамако и Алжиром. Однако проблемы, вероятно, ждут впереди,

²¹ Росатом намерен развивать в Мали мирные атомные технологии // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20352451> (дата обращения: 25.03.2024).

²² Mali recalls its envoy in Algeria after alleging interference, deepening tensions over peace efforts // AP News. URL: <https://apnews.com/article/mali-algeria-ambassador-recall-tuareg-c5a3c71db2d-3f1df9dd94b094fb20494> (дата обращения: 20.03.2024).

поскольку посол Мали в Алжире до сих пор не вернулся на свой пост, несмотря на то, что этот вопрос находится на рассмотрении²³.

25 января 2024 г. правительство Мали объявило о выходе из Алжирского соглашения²⁴. В тексте заявления власти выразили претензию Алжиру в связи с «изменением позиций определенных групп, подписавших соглашение», и «актами враждебности». «Алжир с большим сожалением и глубокой обеспокоенностью принял к сведению прекращение малийскими властями соглашения о мире и примирении в Мали», – говорится в заявлении МИД Алжира, которое приводит издание. Алжир также подчеркнул «особую серьезность» этого решения для Мали и Сахаро-Сахельского региона²⁵.

В марте 2024 г. глава МИД Мали Абдулай Диоп заявил, что «Малийское государство контролирует всю свою территорию, и сейчас армия ведет наступление на оставшиеся террористические и сепаратистские группировки»²⁶.

* * *

Позиция Алжира по кризису в Мали заключается в отказе от силового вмешательства, которое могло бы усилить проблемы в области безопасности и гуманитарные проблемы в этой стране. Однако, избрав путь переговоров, алжирское руководство все же рассматривает и возможность военного вмешательства, об этом говорит принятие поправок в Конституцию, разрешающих применение вооруженных сил за пределами границ страны.

Литература / References

1. Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Сидибэ О. Военное присутствие Франции в Мали: структурная власть субимперии «коллективного Запада» // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 50–78. [Davidchuk A. S., Degterev D. A., Sidibe O. France's military presence in Mali: structural power of subimperialism 'collective West' // Actual Problems of Europe. 2022. No. 4. Pp. 50–78. (In Russian)].
2. Макарова К. Е. Операция по поддержанию мира в Мали: от миротворчества к публичной дипломатии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. Вып. 1. С. 102–109.

²³ Soukaina S. Gradual Diplomatic Thaw between Algeria and Mali // Weafrica 24. URL: <https://weafrica24.com/2024/01/08/gradual-diplomatic-thaw-between-algeria/> (дата обращения: 20.03.2024).

²⁴ Военные правители Мали объявили об отмене мирного соглашения 2015 года с повстанцами-сепаратистами // ИА Реалист. URL: <https://realtribune.ru/voennye-praviteli-mali-razorvali-mirnoe-soglashenie-s-povstancami-separatistami/> (дата обращения: 20.03.2024).

²⁵ Мали контролирует всю свою территорию, заявил глава МИД Диоп // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20240301/mali-1930444373.html> (дата обращения: 20.03.2024).

²⁶ Там же.

[Makarova K. E. Peacekeeping Operation in Mali: from peacekeeping to public diplomacy // *News of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 2021. Vol. 21. Iss. 1. Pp. 102–109. (In Russian)].

3. Pahiane H. *Historical Dictionary of Berbers* Scarecrow Press. 2006. 359 p.
4. Lounnas D. *The Algerian Strategy in Sahel: Shift or Adaptation?* Berlin, 2021. 40 p.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Балмасов С. С. Позиция Алжира относительно военной операции в Мали // Институт Ближнего Востока URL: <http://www.iimes.ru/?p=16019> (дата обращения: 25.03.2024).
2. Власти Мали объявили о разрыве соглашения с повстанцами // *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6467691> (дата обращения: 20.03.2024).
3. Военные правители Мали объявили об отмене мирного соглашения 2015 года с повстанцами-сепаратистами // *ИА Реалист*. URL: <https://realtribune.ru/voennye-praviteli-mali-razorvali-mirnoe-soglashenie-s-povstancami-separatistami/> (дата обращения: 20.03.2024).
4. Гулевич В. Мали – дилемма для Алжира // *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8894> (дата обращения: 25.03.2024).
5. Как развивался конфликт в Мали // *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2104327> (дата обращения: 20.03.2024).
6. Кашгенкова О. Россия сближается с Мали в торговле и инвестициях // *Бизнес Журнал*. URL: https://business-magazine.online/fn_1119359.html (дата обращения: 20.03.2024).
7. Лакстыгал И. Франция выводит войска из Мали, где они боролись с терроризмом // *Ведомости*. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/02/17/909877-frantsiya-vivodit-voiska-mali> (дата обращения: 20.03.2024).
8. Мали контролирует всю свою территорию, заявил глава МИД Диоп // *РИА новости*. URL: <https://ria.ru/20240301/mali-1930444373.html> (дата обращения: 20.03.2024).
9. Пасхина А. Мали: борьба с террористами и война за ресурсы. Туарегский фактор // *Военное обозрение*. URL: <https://topwar.ru/218502-mali-borba-s-terroristami-i-vojna-za-resursy-tuaregskij-faktor.html> (дата обращения: 20.03.2024).
10. Романов А. Гадание на «сахельской пороховой бочке»: взорвется – не взорвется? URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/20233211724-6yDHG.html> (дата обращения: 25.03.2024).
11. Росатом намерен развивать в Мали мирные атомные технологии // *ТАСС*. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20352451> (дата обращения: 25.03.2024).
12. Салов Д. Мали. Восстание туарегов и исламистов // *Anna-News*. URL: <https://anna-news.info/mali-vosstanie-tuaregov-i-islamistov/> (дата обращения: 25.03.2024).
13. Туареги. Неизвестная война // *Военное обозрение*. URL: <https://topwar.ru/23046-tuaregi-neizvestnaya-voyna.html> (дата обращения: 20.03.2024).
14. Чем интересен Сахель – эксперты о геополитике и цивилизациях // *Спутник Кыргызстан*. URL: <https://ru.sputnik.kg/20240223/afrika-sahel-zapad-region-geopolitika-ehkonomika-civilizaciya-1082931297.html> (дата обращения: 20.03.2024).

15. Ananyev M., Poyker M. Identity and conflict: Evidence from Tuareg rebellion in Mali // Science Direct. World Development. 2023. № 16. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305750X22002984> (дата обращения: 17.08.2024).
16. Gherieb H. From Security Solutions to Political Resolution: The Innovative Algerian Counterterrorism Approach // Fikra Forum. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/security-solutions-political-resolution-innovative-algerian-counterterrorism> (дата обращения: 25.03.2024.)
17. Maaloum H. Why is Algeria Criticizing Wagner's Role in Mali // Arab Wall. URL: <https://arabwall.com/en/why-is-algeria-criticizing-wagners-role-in-mali/> (дата обращения: 30.03.2024).
18. Mali recalls its envoy in Algeria after alleging interference, deepening tensions over peace efforts // AP News. URL: <https://apnews.com/article/mali-algeria-ambassador-recall-tuareg-c5a3c71db2d3f1df9dd94b094fb20494>(дата обращения: 20.03.2024).
19. Saada H. Algerian-Malian Business Council intend to expand bilateral trade. URL: <https://www.dzbreaking.com/2021/03/27/algerian-malian-business-council-intend-to-expand-bilateral-trade/>(дата обращения: 20.03.2024).
20. Soukaina S. Gradual Diplomatic Thaw between Algeria and Mali // Weafrica 24. URL: <https://weafrica24.com/2024/01/08/gradual-diplomatic-thaw-between-algeria/> (дата обращения: 20.03.2024).
21. Tuareg Separatists Reject 'Inter-Malian' Peace Dialogue // Barrons. URL: <https://www.barrons.com/news/tuareg-separatists-reject-inter-malian-peacedialogue-4ebf88e9> (дата обращения: 20.03.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кириченко Владимир Павлович – научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Kirichenko Vladimir P. – Research Fellow, Center for The Study on General Problems of the Modern East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 06.08.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.04.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 06.08.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.04.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327.8
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-112-124>

НЕСИЛОВЫЕ МЕТОДЫ ИНДИИ В РАМКАХ ЕЕ КАШМИРСКОЙ ПОЛИТИКИ

Софья Владимировна Мельникова

МГИМО МИД России, Москва, Россия,
sophiazavodnik@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5797-041X>

Аннотация. Одним из самых эффективных «несиловых» путей реализации государственных интересов является формирование позитивного образа страны за рубежом и параллельно с этим – усиление консолидации общества вокруг действующей власти внутри страны. Эти две задачи, внешняя и внутренняя, могут быть обеспечены похожим набором политических инструментов.

В рамках данной работы планируется исследование ряда аспектов индийской политики по формированию позитивного образа Индии в связи с кашмирским вопросом на международной арене, а также изучение мер, направленных на формирование определенного общественного мнения внутри страны, крайне важного для легитимизации кашмирской политики властей.

Ключевые слова: несиловые методы, Кашмир, Индия, статья 370, Моды

Для цитирования: Мельникова С. В. Несиловые методы Индии в рамках ее кашмирской политики. *Восточная аналитика*. 2024;15(3):112-124. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-112-124>

Original article. Politics studies

INDIA'S NON-VIOLENT METHODS WITHIN THE FRAMEWORK OF ITS KASHMIR POLICY

Sofia Melnikova

MGIMO-University, Moscow, Russia,
sophiazavodnik@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5797-041X>

Abstract. One of the most effective "non-violent" ways of state interests realization is the formation of a positive image of the country abroad, and at the same time – strengthening the consolidation of society around the current government within the country. These two tasks, external and internal, can be provided with a similar set of political tools.

Within the framework of this work, it is planned to study a number of aspects of Indian policy to form a positive image of India in connection with the Kashmir issue in the international arena, as well as to study measures aimed at forming a certain public opinion within the country, which is extremely important for legitimizing the Kashmiri policy of the authorities.

Keywords: Kashmir, India, "non-violent" methods

For citation: Melnikova S. V. India's Non-Violent Methods within the Framework of its Kashmir Policy. *Eastern Analytics*. 2024;15(3):112-124. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-112-124>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Одним из самых эффективных «несиловых» путей реализации государственных интересов является формирование позитивного образа страны за рубежом и параллельно с этим – усиление консолидации общества вокруг действующей власти внутри страны. Эти две задачи, внешняя и внутренняя, могут быть обеспечены похожим набором политических инструментов.

В рамках данной работы планируется исследование ряда аспектов индийской политики по формированию позитивного образа Индии в связи с кашмирским вопросом на международной арене, а также изучение мер, направленных на формирование определенного общественного мнения внутри страны, крайне важного для легитимизации кашмирской политики властей.

Кашмирский вопрос остается острым для Индии на протяжении более чем 75 лет, а кашмирское направление уже традиционно считается отдельным самостоятельным направлением индийской политики. Кашмирская политика сегодняшней индийской власти является достаточно жесткой, что, безусловно, негативно влияет на имидж Индии на мировой арене и создает прецедент для критики власти внутри страны. Решение этих двух проблем возможно через построение позитивного образа Индии на международной арене, а также через влияние на общественное мнение внутри страны и обновление нарратива на территориях с выраженной нарративной несогласованностью.

Ситуация в Кашмире

На сегодняшний момент официальной позицией индийских властей является утверждение, что контролируемая Индией территория Кашмира, а это 101 338 кв. км, не является спорной и удерживаемой военным путем, а является полностью интегрированной политически и культурно. При этом реальность говорит об обратном – для того, чтобы контролировать регион, центральным индийским властям приходится принимать жесткие меры, которые включают в себя увеличение присутствия военного и полицейского контингента в Кашмирской долине, а также ограничение политических прав и свобод населения [Мельникова, 2024].

Идеологически Кашмир рассматривается как неотъемлемый и неоспоримый элемент индийской государственности. В официальном дискурсе он проявлен, с одной стороны, как идиллический рай с нетронутой природной красотой, а с другой – как зона высокой стратегической значимости для безопасности и развития страны и нуждается в жестком

контроле. Следовательно, коллективное видение Кашмира формируется с помощью двух противоположных подходов: с одной стороны, через утверждение его живописной первозданной природы, использование таких сравнений, как «Швейцария Азии», «рай на земле», а с другой – как регион, который необходимо контролировать политически и экономически, даже если это означает систематическое нарушение прав человека [Kuszevska, 2022].

В 2014 г. после прихода к власти Бхаратия Джаната Парти (БДП) протестные настроения в Кашмире значительно усилились. Это вынуждало индийские власти принимать всё более жесткие меры. Особенно серьезными были протесты в 2016 г. после того, как был убит молодой кашмирец Бурхан Вани, который был одним из лидеров группировки «Хизб-уль-Муджахеддин»¹. Для индийского руководства он представлял серьезную сепаратистскую угрозу, так как был чрезвычайно популярен в социальных сетях, в основном среди кашмирской молодежи. Беспорядки 2016 г. стали самыми массовыми со времен волнений 2010 г. Протесты, последовавшие за убийством Вани, привели к гибели более 96 человек и тысячам раненых². В штате Джамму и Кашмир действовал комендантский час рекордные 53 дня.

Вероятно, именно эти и аналогичные события привели правительство Моди к осознанию того, что необходимо принимать радикальные меры. В начале августа 2019 г. правительство Индии провело ряд крупных конституционных изменений, разделив штат на две союзные территории – Джамму и Кашмир и Ладакх. Целью отмены особого конституционного статуса, который был предоставлен штату в соответствии со статьей 370 Конституции Индии, было установление большего федерального контроля над территорией и в долгосрочной перспективе изменение состава населения (упразднение мусульманского большинства).

Продолжением этого шага стало решение правительства Нарендры Моди о развертывании масштабного присутствия сил безопасности в Кашмирской долине, об отключении Интернета и других способов коммуникации, а также о задержании основных оппозиционных политических деятелей и представителей гражданского общества в Кашмире.

На фоне этих событий Индия сегодня позиционирует себя как крупнейшую демократию в мире и говорит о своей толерантности, что необходимо, чтобы обеспечить основу своим амбициям глобального ли-

¹ Хизб-уль-Муджахеддин – исламистская экстремистская группировка, действующая в Кашмире.

² Gowen A. This violent militant was a folk hero on social media. Now his death has roiled Indian Kashmir // *Washington Post*. 2016. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/07/11/this-violent-militant-was-a-folk-hero-on-social-media-now-his-death-has-roiled-indian-kashmir/> (assessed: 05.03.2024).

дера. Тем не менее, при правительстве БДП Индия переживает серьезный кризис демократии. В 2020 г. ее позиция была впервые понижена в рейтинге Freedom House от «свободной» до «частично свободной». Индекс демократии, опубликованный разведывательным подразделением The Economist, квалифицировал Индию как «проблемную» демократию [Kuszevska, 2022, p. 203].

Более того, обеспечение настолько жесткого контроля в Кашмире обходится индийскому правительству в миллионы рупий ежегодно. Информационная блокада, комендантские часы и активизация протестов наносят огромный ущерб экономике не только Кашмира, но и Индии в целом. Силовая политика индийской власти при этом не решает проблему, а замораживает до следующей эскалации, а также приводит к серьезным имиджевым потерям Индии на международной арене [Pandow, 2020, p. 87]. Чтобы их компенсировать, а также укрепить свои позиции как на внешней арене, так и внутри страны, правительство Индии прибегает к ряду несиловых методов.

Внутренняя политика

Индийские СМИ, особенно новостные телевизионные каналы, отреагировали на решение правительства об отмене 370-й статьи с воодушевлением. На YouTube и TikTok появились сотни видеороликов, в которых люди выражают благодарность Моди. Сам же Моди в многочисленных выступлениях говорил о том, что это решение приведет к экономическому процветанию региона, устранил коррупцию и уничтожит гендерную, кастовую и религиозную нетерпимость. По его словам, особый статус привел лишь к тому, что в Кашмир стал центром «сепаратизма, терроризма и безудержной коррупции в огромных масштабах»³.

При этом помимо достаточно прямолинейного влияния на общественное мнение через СМИ и публичные выступления проводится и более глубокая политика. В том, что касается внутренней политики и обеспечения национально-государственной идентичности, наиболее эффективным ресурсом является формирование коллективной памяти. Это особенно актуально для стран, вовлеченных в затяжные конфликты. В таких странах акцент в процессе влияния на историческую память и формирования нарратива всегда делается, во-первых, на осмысление исторических событий, так как именно их трактовка определяет легитимность исторических, материальных и любых других притязаний текущей власти, а также проводимой ею политики; во-вторых, на вопро-

³ Abrogation of Article 370 bought unprecedented peace, progress in J&K: PM Modi // Times of India. 2021. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/abrogation-of-article-370-bought-unprecedented-peace-progress-in-jk-pm-modi/articleshow/85059965.cms> (assessed: 05.03.2024).

сах обеспечения безопасности и управлении угрозами, которые преподносятся как экзистенциальные.

БДП является лидером в индийской политике на протяжении последних 20 лет. За это время партия и ее лидеры выработали вполне четкую «историческую» политику, направленную на консолидацию страны, обеспечение единства индийского общества. Основой политики был выбран путь повсеместного распространения индуистской националистической идеологии «Хиндутвы», которая утверждает превосходство индусов и индуизма. Так, внутри страны происходит создание и спонсирование исследовательских центров, которые занимаются сбором исторических доказательств того, что индусы – это потомки первых людей, осуществляются попытки опровергнуть положения о том, что Индия сформирована разными народами и разными культурами.

В исторической политике Индии кашмирской проблеме уделяется особое место. Очевидно, стоит задача легитимизации притязаний Индии на Кашмир через выстраивание особого исторического нарратива и формирование общественной убежденности в том, что в центре конфликтной ситуации гонения и ущемления прав индусов, проживавших и проживающих на территории Кашмира. За последние пять лет (с 2019 г.) в индийском академическом и научном пространстве было опубликовано существенное количество работ по истории Кашмира, о жизни индусов в Кашмире, о гонениях и дискриминации, с которыми они сталкивались.

Так, в рамках таких НПО как, например, Индийский совет по историческим исследованиям (The Indian Council of Historical Research), созданный министерством образования Индии, среди прочего был организован не один цикл лекций по обозначенным выше темам на разных площадках страны. В годовых отчетах в большом количестве встречаются такие темы, как «Борьба за правое дело: пандиты и борьба за свободу в княжеском штате Джамму и Кашмир», «Влияние борьбы за свободу индусов на государственное устройство Джамму и Кашмира (1857–1947)», «Раджиндер Сингх – спаситель Кашмира», «Определяющая роль индийской культуры в истории Кашмира⁴⁵» и аналогичные.

Националистическую основу теперь имеет и школьное образование, и что примечательно, не только в части исторических дисциплин, но даже в точных науках подвергается искажению и постоянным реформам. Так, в каждом учебнике по математике от 3 до 8 класса есть глава о ведической математике.

⁴ Indian Council of Historical Research. Annual Report 2020–2021.

⁵ Там же.

Курсы истории основаны на индийской мифологии, а не на фактах, исторические события трактуют через призму величия индусов, а роль мусульман и других культур не упоминается вовсе [Исакова, 2019, с. 69]. История Кашмира и кашмирского конфликта в учебниках освещается избирательно и достаточно поверхностно. Акцент делается на событиях середины XX в. и разделе Британской Индии, когда стоявший во главе Кашмира Хари Сингх принял решение о том, что Кашмир должен быть присоединен к Индии, и войне 1947 г., когда войска оказали сопротивление пакистанским военным, остановив их продвижение по территории княжества. Также особое внимание уделяется событиям 1990-х гг., а именно истории исхода кашмирских пандитов из Кашмира в результате череды нападений со стороны исламских фундаменталистов.

Формирование исторической памяти происходит, в частности, за счет кинематографа. За последние несколько лет на индийские экраны вышел целый ряд фильмов, сюжет которых основан на событиях, имевших место в Кашмире. Так, например, одной из самых коммерчески успешных и крупнобюджетных работ стал фильм режиссера Вивека Агнихотри «Кашмирские файлы» (2022). Основными являются две сюжетные линии: история кашмирских пандитов, которые в 1990-е гг. были вынуждены покинуть Кашмирскую долину из-за преследований исламских боевиков, и история индийского студента, который в начале фильма придерживается левых взглядов и поддерживает борьбу Кашмира за свободу, а к концу разочаровывается в собственных взглядах и заявляет, что принадлежность Кашмира Индии исторически справедлива. С одной стороны, утверждается факт вины исключительно мусульман в разжигании и тлении конфликта, а с другой – подчеркивается, как важно для всех индусов выступать единым фронтом за контроль Индии над всем Кашмиром; альтернативная же позиция по статусу Кашмира преподносится как неуважительная к страданиям индусов, прошлому и будущему нации.

Примечательно, что этот фильм оказался запрещен в южных штатах Индии, так как там проживает население, которое в своей массе придерживается левых взглядов и такую трактовку событий не поддерживает.

Другой похожий фильм – «Статья 370» – вышел в феврале 2024 г. В основе сюжета ситуация, происходящая в Индии после беспорядков в Кашмире в 2016 г. Индийский агент Зоони Хаксар была выбрана для выполнения секретной миссии, которая должна привести к окончательному решению проблемы терроризма в Кашмире и, как говорится в фильме, «положить конец процветанию многомиллиардной экономики войны в долине». Главной целью миссии является обеспечение условий для отмены статьи 370. Фильм романтизирует политическую меру по отмене

статьи 370, представляя ее шагом, сделанным вопреки страхам и всем препятствиям, но неизбежно улучшающим жизнь в Кашмире.

Интересно, что эти фильмы рассчитаны не только, а, возможно, и не столько на внутреннего зрителя, сколько на зрителя иностранного. Думать так заставляет тот факт, что в этих двух картинах, а также в некоторых других, активно используется английский язык. Так, для иллюстрации преступлений, совершенных мусульманскими экстремистами, в фильмах показывают газеты 1990-х гг., в которых сообщается о том или ином происшествии, а заголовки же напечатаны на английском языке. Отсюда можно сделать вывод о том, что одни и те же или похожие инструменты используются правительством Индии для формирования как внешнего образа страны, так и формирования единого мнения по вопросу Кашмира у граждан внутри Индии.

Внешняя политика

Системная работа над эффективным применением «мягкой силы» Индии ведется примерно с 2010 г. отчасти как реакция на усиление китайского влияния в регионе [Емельянова, 2017], однако использование отдельных инструментов мягкой силы происходило задолго до этого. Среди инструментов, которые использует Индия, помимо популяризации своей богатой культуры, образовательные инициативы [Харина, 2022], информационные технологии [Печищева, 2023], народная медицина, йога и др.

Кашмирская проблема является достаточно серьезным препятствием для успешной реализации целей по построению позитивного образа Индии на международной арене. Важно отметить, что попытки представить кашмирский вопрос в более выгодном для себя свете осуществляются Индией довольно давно. В некоторых исследованиях даже говорится о том, что в начале 2000-х гг. теракты 11 сентября и начатая США борьба с терроризмом стали для Индии отправной и выгодной точкой для начала работы с формированием международного мнения относительно кашмирской проблематики, дав повод представлять свою деятельность в Кашмире как борьбу с терроризмом [Наумов, Положевич, 2018, с. 423–424]. На современном этапе, особенно на фоне нарушений прав человека и жертв среди гражданского населения, о которых сообщают международные агентства⁶⁷, индийским властям приходится при-

⁶ India: Protection of Human Rights of People in Kashmir // Amnesty International. 2023. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2023/12/india-protection-of-the-human-rights-of-the-people-of-jammu-and-kashmir-must-guide-the-way-forward> (assessed: 06.03.2024).

⁷ India: Repression Persists in Jammu and Kashmir // Human Rights Watch. 2022. URL: <https://www.hrw.org/news/2022/08/02/india-repression-persists-jammu-and-kashmir> (assessed: 06.03.2024).

кладывать дополнительные усилия, чтобы нивелировать постоянные имиджевые потери.

Так, например, отмена 370 статьи индийской конституции обернулась для Индии имиджевыми сложностями на мировой арене. Большинство стран осудили этот шаг. Однако ввиду того, что негативная реакция мирового сообщества была предсказуема, уже через несколько часов после того, как в парламент сделал заявление об отмене особого статуса, индийское правительство активизировало работу зарубежных представительств. Проводились встречи с зарубежными коллегами, с членами Совета ООН по правам человека, осуществлялись попытки разъяснить, что этот вопрос является «внутренним» для Индии. Премьер-министр Моди, министр иностранных дел Субраманьям Джайшанкари и другие члены правительства сосредоточились на том, чтобы убедить мир в том, что изменения в Джамму и Кашмире осуществляются с благими намерениями и, несмотря на кратковременные трудности, в долгосрочной перспективе принесут мир и стабильность в регион.

Вопреки желаниям Индии проблема Кашмира вновь получила широкое международное освещение – не в традиционном смысле, когда резолюции ООН или других международных организаций направлены на изменение статус-кво, но в том смысле, что Кашмир остается в центре внимания мировой общественности. При этом, несмотря на негативную реакцию, большинство стран приняли новую реальность Кашмира. Таким образом Индии удалось контролировать развитие событий, ограничив его разумной критикой со стороны различных стран. Кроме Пакистана, ни одна страна не добивалась возвращения статьи 370 [Shah, Shah, 2020].

Более жестко к решению индийских властей отнеслась мировая пресса. Американские СМИ, такие как *New York Times*⁸, *Washington Post*⁹ и *Wall Street Journal*¹⁰, резко раскритиковали правительство Моди. Европейские СМИ, а также СМИ ряда восточных стран также осудили действия индийских властей.

При том, что индийскому руководству приходится проводить серьезную работу на международной арене, эта работа приводит к укреплению

⁸ Gettleman J. India Revokes Kashmir's Special Status, Raising Fears of Unrest // *The New York Times*. 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/08/05/world/asia/india-pakistan-kashmir-jammu.html> (assessed: 06.03.2024).

⁹ Butt A. I. India just pulled Jammu and Kashmir's autonomy. Here's why that is a big deal for this contested region // *The Washington Post*. 2019. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/08/07/india-just-pulled-jammu-kashmirs-autonomy-heres-why-this-is-big-deal-this-contested-region/>. (assessed: 06.03.2024).

¹⁰ Roy R., Agarwal V. India's Top Court Upholds Modi Decision to Remove Kashmir's Special Status // *The Wall Street Journal*. 2023. URL: <https://www.wsj.com/world/india/indias-top-court-upholds-modi-decision-to-remove-kashmirs-special-status-197e2e34>. (assessed: 06.03.2024).

не только международных, но и внутренних позиций правительства Моди. Примечательным и в некоторой степени показательным трендом в современной Индии является небывалый до сегодняшнего дня интерес индийского обывателя к внешней политике Индии. Если раньше международная повестка интересовала только тех, кто хорошо владел английским языком, то сегодня под давлением информационного поля граждане всё больше интересуются внешней политикой Индии.

Моди ведет свою передачу на радио, где он рассказывает слушателям о своих зарубежных визитах, часто делится фотографиями в своей группе в WhatsApp, на которых он встречается с мировыми лидерами. Это, помимо прочего, формирует у индийского избирателя ощущение правильности и кашмирской политики тоже.

Среди других внешнеполитических попыток легитимизировать кашмирскую политику можно упомянуть опыт Индии в качестве председателя в Большой двадцатке в 2022 г. Так, в 2023 г. в Нью-Дели прошел саммит G20, который состоялся в Международном выставочном комплексе Прагати-Майдан. Представляется, что это мероприятие воспринималось индийскими властями, как хорошая возможность продемонстрировать представителям других стран, что Индия – это прогрессивная развитая страна.

Правительство Индии выделило из бюджета около 120 млн долл. США на подготовку к саммиту G20. Для обеспечения безопасности было задействовано 130 тыс. сотрудников службы безопасности, в том числе 80 тыс. полицейских Нью-Дели. Самым показательным в контексте работы по формированию позитивного образа страны стало то, что в преддверии саммита индийские власти приступили к массовому сносу приютов для бездомных в наиболее бедных и неблагополучных кварталах Нью-Дели, что привело к выселению значительного числа жителей. Во время проведения саммита в городе были закрыты школы, некоторые офисы, рынки, рестораны, были опубликованы предупреждения об ограничении дорожного движения, а жителям было рекомендовано оставаться дома¹¹.

В том, что касается кашмирской проблематики, во время саммита Большой Двадцатки индийские власти приложили серьезные усилия, чтобы продемонстрировать международному сообществу, что кашмирская проблема по сути является решенной, а обвинения в том, что в регионе регулярно нарушаются права человека, безосновательными. Индия настояла на том, чтобы провести встречу Группы G20 на контролируру-

¹¹ Mehrotra K., Shih G. As G-20 meetings come to India, Modi launches a public relations blitz // *Washington Post*. 2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/03/21/g20-india-modi-public-relations/> (assessed: 03.03.2024).

емой Индией территории Кашмира, несмотря на критику со стороны правозащитных организаций и ожидаемые бойкоты со стороны ряда стран.

Одна из встреч членов G20 прошла в Сринагаре. Она должна была продемонстрировать культуру региона и «стимулировать приток туристов». Дороги, ведущие к аэропорту, были отремонтированы, по всему городу установлены национальные флаги, а также изображения лотоса – символ партии Бхаратия Джаната парти (БДП) и баннеры с изображением индийского премьер-министра Моди.

Китай саботировал встречу, заявив о невозможности проведения любых встреч G20 на спорных территориях, ряд других игроков также осудили подобный шаг правительства Моди. Однако сам факт того, что эта встреча стала первым международным мероприятием такого масштаба, проведенным в этом спорном регионе после того, как Индия отменила особый статус штата Джамму и Кашмир и Ладакх, разделив его на союзные территории, благоприятно повлиял на международное восприятие Индии в контексте Кашмирского вопроса.

Заключение

Политическая работа по формированию позитивного образа Индии на внешней арене, также как и усиление консолидации общества вокруг текущей власти внутри страны, особенно в контексте Кашмирской проблемы, в последнее время ведется индийскими властями очень активно.

На фоне усложнения обстановки на союзных территориях Джамму и Кашмир и Ладакх в связи с постоянным ростом напряжения и недовольства местных жителей индийское руководство вынуждено принимать всё более жесткие меры для обеспечения своего контроля над регионом. При этом силовая политика Индии, часто сопряженная с нарушением прав человека в Кашмире, наносит ущерб имиджу Индии на международной арене, а также размывает политические позиции индийской власти, формируя прецедент для критики ее деятельности внутри страны. Более того, поддержание контроля таким путем сказывается неблагоприятно на экономике Индии.

Эти факторы определяют необходимость для правительства Моди использовать ряд несиловых методов как на внешней арене, так и внутри страны, чтобы компенсировать имиджевые потери и сформировать более благоприятную обстановку в регионе в будущем.

Так, во внутренней политике ведется работа по формированию общественного мнения, поддерживающего текущую политику Моди, а также формирование соответствующей коллективной памяти. Для

этого используются социальные сети и другие популярные цифровые платформы, а также СМИ и официальные публичные выступления политиков и социальных деятелей.

Правительством поставлена задача по легитимизации притязаний Индии на Кашмир через выстраивание исторического нарратива, убеждающего электорат в том, что гонения и ущемления прав индусов, проживавших и проживающих на территории Кашмира – это центральная историческая несправедливость конфликта. Для достижения этой цели были созданы соответствующие НПО, в этом направлении ведутся научные исследования. В таком же ключе ведется школьное образование и создаются образовательные программы, соответствующие фильмы получают государственную поддержку.

Во внешней политике также проводится системная политика по улучшению имиджа Индии в рамках кашмирского вопроса. Ведется активная работа, в рамках разных направлений индийской внешней политики. Так, улучшение образа Индии происходит посредством активного участия Индии в международных форумах и других мероприятиях, через организацию международных мероприятий, а также методами традиционной дипломатии.

Литература / References

1. Емельянова Н. Н. «Мягкая сила» Индии в Южной Азии: стратегия на смену реактивности // Вестник Московского Университета. Сер. 12. Политические науки. 2017. № 4. С. 35–51. [Emelyanova N. N. India's "soft power" in South Asia: A Strategy to replace reactivity with initiative // Bulletin of Moscow State University. Series 12. Political Science. 2017. No. 4. Pp. 35–52].
2. Исакова Д. Э. Хиндутва как форма индийского национализма // Российский журнал исследования национализма. 2019. № 1–2. С. 66–73. [Isakova D. E. Hindutva as a form of Indian nationalism // Russian Journal of nationalism research. Pp. 66–73].
3. Мельникова С. В. Природа гибридных войн на примере кашмирского вопроса // Восточная аналитика. 2024. № 1. С. 253–269. [Melnikova S. V. The nature of hybrid wars: the case of Kashmir // Eastern Analytics. 2024. No. 1. Pp. 253–269].
4. Наумов А. О., Положевич Р. С. «Мягкая сила» Индии как суверенного государства: идейные истоки и ретроспектива (часть I) // Государственное управление. 2018. Вып. № 69. С. 410–430. [Naumov A. O., Polozhevich R. S. "Soft Power" of India as a sovereign state: ideological origins and a retrospective (part I) // Public administration. 2018. No. 69. Pp. 410–430].
5. Печищева Л. А. Цифровая политика как инструмент «мягкой силы» Индии во взаимодействии с Германией // Власть. 2023. Т. 31. № 3. С. 219–224. [Pechishcheva L. A. Digital politics as a soft power means of India in interaction with Germany. Power. 2023. No. 3. Pp. 219–224].

6. Харина О. А. Образовательные инициативы как элементы «мягкой силы» во внешней политике Индии // *Востоковедение: история и методология. 2022. № 2. С. 42–50.* [Kharina O. A. Educational Programmes as Elements of «Soft Power» in India's Foreign Policy // *Oriental Studies: history and methodology. 2022. No. 2. Pp. 42–50.*]
7. Kuszewska A. The India-Pakistan Conflict in Kashmir and Human Rights in the Context of Post-2019 Political Dynamics // *Asian Affairs. 2022. Vol. 53. Issue 1. Pp. 198–217.*
8. Pandow B. A. Economics of Kashmir Conflict // *The Journal of the Association for Nepal and Himalayan Studies. 2020. Vol. 40. № 1. Pp. 77–91.*
9. Shah K. M. Kashmir After Article 370: India's Diplomatic Challenge // *Observer Research Foundation. 2020. Pp. 5–47.*

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Abrogation of Article 370 bought unprecedented peace, progress in J&K: PM Modi // *Times of India. 2021. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/abrogation-of-article-370-bought-unprecedented-peace-progress-in-jk-pm-modi/article-show/85059965.cms> (assessed: 05.03.2024).*
2. Butt A. I. India just pulled Jammu and Kashmir's autonomy. Here's why that is a big deal for this contested region // *The Washington Post. 2019. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/08/07/india-just-pulled-jammu-kashmir-autonomy-heres-why-this-is-big-deal-this-contested-region/>. (assessed: 06.03.2024).*
3. Gowen A. This violent militant was a folk hero on social media. Now his death has roiled Indian Kashmir // *Washington Post. 2016. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/07/11/this-violent-militant-was-a-folk-hero-on-social-media-now-his-death-has-roiled-indian-kashmir/> (assessed: 05.03.2024).*
4. Gettleman J. India Revokes Kashmir's Special Status, Raising Fears of Unrest // *The New York Times. 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/08/05/world/asia/india-pakistan-kashmir-jammu.html> (assessed: 06.03.2024).*
5. India: Protection of Human Rights of People in Kashmir // *Amnesty International. 2023. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2023/12/india-protection-of-the-human-rights-of-the-people-of-jammu-and-kashmir-must-guide-the-way-forward> (assessed: 06.03.2024).*
6. India: Repression Persists in Jammu and Kashmir // *Human Rights Watch. 2022. URL: <https://www.hrw.org/news/2022/08/02/india-repression-persists-jammu-and-kashmir> (assessed: 06.03.2024).*
7. Mehrotra K., Shih G. As G-20 meetings come to India, Modi launches a public relations blitz // *Washington Post. 2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/03/21/g20-india-modi-public-relations/> (assessed: 03.03.2024).*
8. Roy R., Agarwal V. India's Top Court Upholds Modi Decision to Remove Kashmir's Special Status // *The Wall Street Journal. 2023. URL: <https://www.wsj.com/world/india/indias-top-court-upholds-modi-decision-to-remove-kashmir-special-status-197e2e34>. (assessed: 06.03.2024).*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мельникова Софья Владимировна – **Melnikova Sofia V.** – PhD (Hist.), lecturer,
канд. ист. наук, преподаватель Department of Diplomacy, Moscow State
кафедры дипломатии МГИМО МИД University of Intranational Relations
России, Москва, Россия (MGIMO-University), Moscow, Russian
Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23.07.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 06.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 23.07.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 06.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327.8
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-125-135>

НЕВОЕННЫЕ МЕТОДЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ

Дмитрий Александрович Милеев

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
dim.mil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6450-7589>

Аннотация. Анализируя международную ситуацию, сложившуюся после окончания холодной войны, можно сказать, что в настоящее время международное сообщество вновь переживает важный поворотный момент в истории. В последние годы доля развивающихся стран и стран с растущей экономикой в объеме мировой экономики стремительно возросла. Японии необходимо гибко проводить свою внешнюю политику, четко осознавая тенденции в международных делах и адаптируясь к изменениям. Основными национальными интересами Японии являются поддержание мира и безопасности. Япония является одним из крупнейших в мире доноров официальной помощи в целях развития. Японская ОПР напрямую связана с национальными интересами Японии. Япония выступила с инициативами, направленными на дальнейшее ускорение продвижения экономической дипломатии в качестве одного из приоритетных направлений японской дипломатии. После окончания Второй мировой войны Япония последовательно шла по пути невоенного государства, способствуя миру, стабильности и процветанию в Азиатско-Тихоокеанском регионе и международном сообществе. С этой целью Японии необходимо развивать дипломатию, ведущую мир к сотрудничеству, а не к разделению и конфронтации.

Ключевые слова: Япония; Доктрина Ёсида; мягкая сила; ОПР; национальные интересы

Для цитирования: Милеев Д. А. Невоенные методы внешней политики Японии. *Восточная аналитика*. 2024;15(3):125-135. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-125-135>

Original article. Politics studies

NON-MILITARY METHODS OF JAPAN'S FOREIGN POLICY

Dmitry Mileev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
dim.mil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6450-7589>

Abstract. Looking at the international situation since the end of the Cold War, the international community is currently at a major turning point in history once again. In recent years, the share of developing and emerging economies in the size of the global economy has increased rapidly. Japan needs to advance its foreign policy flexibly, while grasping trends in international affairs with a clear view and adapting to changes. The basic national interests of Japan is to maintain peace and security. Japan is one of the world's largest donors of official development assistance. Japanese ODA is directly linked to Japan's national interests. Japan has advanced initiatives with the aim of further accelerating the promotion of economic diplomacy as one of the priority areas of Japan's diplomacy. Japan has consistently followed the path of a Non-military nation since the end of World War II, contributing to peace, stability, and prosperity in

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

the Asia-Pacific region and the international community. To this end, Japan needs to develop a diplomacy leads the world toward cooperation rather than division and confrontation.

Keywords: Japan; Yoshida Doctrine; soft power; ODA; national interests

For citation: Mileev D. A. Non-military methods of Japan's foreign policy. *Eastern Analytics*. 2024;15(3):125-135. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-125-135>

Современные международные отношения отличаются сложной многокомпонентной структурой, которая характеризуется многообразием форм взаимодействия акторов. Основы системы международных отношений были заложены победителями по итогам Второй мировой войны. Помимо традиционного реалистического взгляда на выстраивание нового мирового порядка, характерного для европейских держав, они оказались под воздействием развивавшихся теоретических подходов либеральной парадигмы международных отношений к формированию универсальной международной организации, отвечающей за глобальную безопасность и роль международного права в мировой политике. Организация Объединенных Наций должна была обеспечить недопущение развязывания агрессивных войн в мире, признавалось только право на самооборону, закрепленное в статье 51 устава ООН¹. Тем самым уже в истоках формирования системы отношений закладывались основания для снижения роли силы в межгосударственном взаимодействии. Развитие соперничества между сверхдержавами в ходе разворачивающейся холодной войны в ближайшей перспективе опровергнет абсолютность предложенного подхода.

Однако в этот период было одно государство, которое напрямую оказалось в положении, не подразумевающим возможность выстраивания внешней политики с использованием военной силы. Япония была лишена права обладания вооруженными силами и на вечные времена отказалась от права на ведение войны в 9-й статье основного закона страны. Столь категорические запреты были вызваны политикой США, которые в первый период оккупации предприняли шаги по превращению поверженного противника в третьестепенное государство. Генерал Д. Макартур, возглавлявший Штаб оккупационных войск (ШОВ), обеспечивал контроль над деятельностью японских властей в рамках реализации американского видения будущего Японии². В стране про-

¹ Устав ООН. Глава VII: Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-7> (дата обращения: 08.07.2024).

² U. S. Initial Post-Surrender Policy for Japan (SWNCC150/4/A). Национальная парламентская библиотека Японии онлайн-выставка коллекции документов «рождение Конституции Японии». URL: www.ndl.go.jp/constitution/shiryu/01/022/022_001l.html (дата обращения: 08.07.2024).

вели комплекс реформ по радикальному переустройству национальной политической и социально-экономической систем, имеющих целью демократизацию, демилитаризацию, демонополизацию и другие шаги по искоренению возможности обращения к войне как инструменту политики. Японскому политическому классу приходилось приспособляться к новым условиям безальтернативного взаимодействия с США. Из прежней имперской политико-бюрократической среды был выдвинут С. Ёсида, ставший премьер-министром, готовым на конструктивное сотрудничество с ШОВ. Ёсида смог выдержать баланс между необходимостью учитывать требования американской стороны и стремлением сохранить традиционную основу государственного строя, по мере сил сглаживая американские усилия по чистке кадров и привнесения чуждых японской социально-политической культуре элементов. В Японии помимо законодательных ограничений на конституционном уровне американские оккупационные власти проводили курс на демилитаризацию страны, включая в него меры против японской военной промышленности. Роспуск вооруженных сил и «запреты на профессию» для японских офицеров привели к ликвидации прежнего чрезмерного доминирования военных в политической жизни страны, что открывало перспективы карьерного роста гражданской бюрократии и политикам, поэтому воспринималось ими как позитивное исправление «перекосов» предвоенного времени. Важным обстоятельством, которое необходимо учитывать при анализе японской внешней политики, является сохранение на протяжении длительного периода преемственности курса японского государства, что обеспечено доминированием в политической элите потомственных политиков, не выпускающих из рук рычагов управления страной³.

В скором времени под воздействием динамики начавшейся холодной войны политика США в отношении Японии изменится. Вашингтон был заинтересован в создании нового военного союзника в Восточной Азии, замещающего проигравший в гражданской войне в Китае гоминдановский режим. В рамках «обратного курса» и подготовительных мер к прекращению режима оккупации американские представители стали готовить почву для возвращения Японии в мировую политику в качестве младшего партнера по военно-политическому союзу. Премьер-министр Ёсида начал формировать основу курса страны, которая предполагала сосредоточение на восстановлении экономики Японии. Политика Ёсиды в значительной степени полагалась на союз в области безопас-

³ Действующий премьер-министр Кисида – потомственный политик, его отец Фумитаке и дед Масаки Кисида были депутатами, входившими в Палату представителей, а премьер-министр Киити Миядзава был дальним родственником.

ности с Соединенными Штатами, которые брали на себя бремя защиты Японии в обмен на её верность в борьбе с коммунистической угрозой, что позволяло минимизировать японские расходы на оборону. В свою очередь Япония делает упор на экономическую дипломатию в своих мировых делах. В политических исследованиях перечисленные принципы получили название «Доктрина Ёсиды». Япония была верна этой доктрине на протяжении всей холодной войны. Еще в период оккупации японское правительство проводило тяжелые экономические реформы. Стимулирующим импульсом для ускорения развития японской промышленности послужило выполнение «специальных заказов» по обеспечению нужд американского вооруженного контингента, воевавшего в ходе Корейской войны. Ёсида описал эту ситуацию как «дар богов» [Dower, 1988, p. 424]. Она показательна тем, что Япония смогла получить экономическую выгоду от конфликта, разгоревшегося в Восточной Азии, при этом оказавшись вне прямого военного противоборства.

В тот же день, когда был подписан Сан-Францисский мирный договор, был заключен японо-американский договор безопасности, который определил место Японии на карте мирового соперничества двух лагерей, возглавляемых сверхдержавами. Японский потенциал в сфере обороны был ограничен юридическими барьерами, сложной внутривнутриполитической обстановкой на японских островах, скромными возможностями в промышленности, ликвидированной военной прослойкой. Создание новых партий, отрицавших предвоенный опыт Японии, разочарование в особой роли военных в определении судьбы страны, появление сильных профсоюзов, находящихся в тесном взаимодействии с левым политическим спектром, широкая поддержка простыми японцами идей пацифизма создавали прочный фундамент для противодействия ремилитаризации Японии. По этим причинам процесс создания Сил самообороны (ССО) Японии шел ограниченным темпом. ЛДПЯ, взявшая на многие десятилетия власть в свои руки, в рамках системы 1955 г. выработала компромисс с оппозиционными силами. Оппозиция, сделавшая упор в программах на поддержание идей пацифизма и мирного развития страны, давала в руки японского правительства аргументы для противостояния попыткам США активно вовлечь Японию в международные конфликты. Сложившаяся конфигурация решала генеральную проблему безопасности для Токио в рамках осевого противостояния систем периода холодной войны, но за пределами этого противостояния у Японии не было возможности для использования принуждения жесткой силы. Военное строительство и развитие возможностей ССО Японии были результатом баланса между союзническими обязательствами и требованиями внутренней политики, которые входили в противоречие друг с другом.

Для японской политики характерны связи, возникающие в так называемом железном треугольнике, объединяющем бюрократов, политиков, бизнесменов. Взаимосвязанность этих трех сфер приводит к приоритету экономической повестки дня. Важной особенностью Японии является то, что национальный бизнес акцентирует внимание на развитии гражданских секторов экономики, поскольку объемы трат на вооружение для Сил самообороны были ограничены менее 1% ВВП, а экспорт продукции ВПК был добровольно самоограничен японскими политиками. Примат экономических императивов в развитии страны означал повышенное внимание японских политиков к международным отношениям. В качестве административного инструмента, способствующего координации международной торговой политики, было создано Министерство внешней торговли и промышленности Японии. Деятельность ведомства была направлена на развитие национальной промышленности, обеспечение защиты ее от международной конкуренции, что способствовало раннему развитию основных отраслей промышленности. Ведомство проводило техническую разведку, обеспечивало доступ к иностранной валюте и помощь в лицензировании иностранных технологий⁴. Япония в послевоенных границах была несамодостаточной с точки зрения обеспечения природными ресурсами, что означало необходимость выстраивать внешнюю политику таким образом, чтобы решить проблему на прочной и долгосрочной основе. Зависимость от поставок природных ресурсов из-за пределов страны требовала расширения внешнеэкономических связей для обеспечения необходимой валюты и выравнивания торгового баланса. В развитии экономической дипломатии в Азии японское правительство предприняло меры по интеграции страны в различные форматы международных инициатив по оказанию помощи в развитии экономики государств мира. Япония вступила в ГАТТ, стала государством-кредитором в британской инициативе План Коломбо, вошла в ряды подготовительного комитета по учреждению МАГАТЭ. Япония приняла участие в Бандунгской конференции 1955 г., но в рамках представительного форума сосредоточилась на вопросах экономики и культуры. Таким образом, в отношениях с афро-азиатскими странами и с «движением неприсоединения» можно было наблюдать стремление японских представителей развивать выгодные для Японии переговорные треки в сфере экономики и культуры и избегать фиксирования четкой политической позиции по острым вопросам, что в последующем станет традиционной формой поведения японских дипломатов.

⁴ Подробнее см.: Johnson C. MITI and the Japanese miracle: the growth of industrial policy: 1925–1975. Stanford University Press, 1982. 410 p.

В 1956 г. после нормализации отношений с СССР для Японии был открыт путь для вступления в ООН. Став членом этой главной международной организации, японские представители развили бурную деятельность по участию в специализированных организациях ООН. Одним из приоритетов Японии после возвращения суверенитета стала позиционирование страны как азиатского государства, что было закреплено в принципах внешней политики, опубликованных в 1957 г. в «Голубой книге МИД Японии»⁵. Реализуя этот принцип, японская дипломатия предприняла усилия по упрочнению положения в отношениях с государствами ЮВА. Специфика ситуации заключалась в том, что в результате процесса распада колониальных империй государства ЮВА получили независимость и возникла необходимость решить проблему установления отношений и урегулирования вопроса репараций с Японией, которая в годы Второй мировой войны оккупировала эти страны. В ходе длительных переговоров с государствами ЮВА японской дипломатии удалось добиться серьезного прогресса в защите национальных интересов. Япония смогла настоять на значительном сокращении сумм репараций, а главное – добилась того, что эти репарации погашались поставками товаров и оборудования, услугами «технической помощи», предоставлением безвозмездной помощи, выделением кредитов и займов по государственной и частной линии. Разрешение вопроса отношений с азиатскими государствами (Бирма, Индонезия, Филиппины, Южный Вьетнам, Таиланд) сопровождалось заключением соглашений об экономическом сотрудничестве, получением статуса наибольшего благоприятствования, обеспечением долгосрочного присутствия японских фирм на рынках ЮВА, получением необходимых компетенций и знаний для японского бизнеса об особенностях и потребностях стран региона. Премьер-министр Н. Киси отводил заметное место во внешнеполитической деятельности азиатскому направлению. Киси впервые в послевоенной практике совершил турне по Азии, во время которого стремился улучшить имидж Японии, пострадавший из-за японской агрессии во Второй мировой войне. Создание благоприятного образа страны было одной из главных задач японской дипломатии.

Пересмотр японо-американского договора безопасности в 1960 г. поставил Японию в более равноправное положение в отношениях с США в сфере безопасности. Однако широкий народный протест, известный как «борьба Анпо», сопровождавший переговоры и процедуру ратификации соглашения, наложил ограничение на возможность дальнейшей

⁵ Основы внешней политики нашей страны (わが国外交の基調). URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1957/s32-1-2.htm#a> (дата обращения: 08.07.2024). На яп.яз.

эмансипации Японии в применении *hard power* в мировой политике⁶. С другой стороны, реакция общества и оппозиционных партий была удобным аргументом в устах японских лидеров в сдерживании призывов американских властей принять участие в защите «свободного мира» на полях сражений Вьетнамской войны. Следующий премьер-министр Икэда сосредоточил внимание на обеспечении высоких темпов роста национальной экономики, поставив цель удвоения показателей к 1970 г. «План Икэда» будет выполнен досрочно и обеспечит Японии положение одного из лидеров капиталистического мира.

В период премьерства Эйсаку Сато (1964–1972 гг.) японская внешняя политика пыталась усилить свой вес за счет возможности обрести ядерное оружие, но это направление оказалось заблокировано позицией США, которые не одобряли распространения ядерного оружия даже среди союзников. Потерпев крах на этом треке, японская политическая элита смогла использовать тему ЯО для укрепления внешнеполитических позиций в мире. Обсуждение вопроса завершилось под давлением оппозиции принятием в парламенте в 1967 г. резолюции о трех неядерных принципах японской политики. Развитие политики в атомной сфере привело к тому, что Япония присоединилась в 1970 г. к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). При этом реализация политики нормализации отношений с Южной Кореей привела к заключению Договора о дружбе и восстановлению дипломатических отношений с Республикой Корея (22 июня 1965 г.). В соглашении оговаривалось, что Япония по отношению к Республике Корея обязуется поставлять товары и услуги, общая стоимость которых в иенах будет эквивалентна 300 млн долл. США в течение десяти лет с даты вступления в силу Соглашения и предоставлять долгосрочные займы под низкие проценты на сумму в иенах, эквивалентную 200 млн долл. США, которые будут использоваться для закупки Республикой Корея японской продукции и услуг. Такие займы предоставлялись Японским фондом зарубежного экономического сотрудничества под гарантии правительства Японии. Японские обязательства должны были способствовать экономическому развитию Республики Корея [Japan and Republic..., 1966, pp. 259–260].

Договор обеспечил на долгосрочную перспективу импульс для дальнейшей экономической экспансии японского бизнеса в Азии.

В 70-е гг. Япония входила уже как одно из ведущих государств мира, играющее важную роль в деятельности международных организаций, берущее на себя ответственность за содействие в поддержке развиваю-

⁶ Подробнее см.: Nick Kapur. Japan at the Crossroads: Conflict and Compromise after Anpo. Harvard University Press. 2018. 336 p.

щимся странам и избегающее прямого вооруженного противостояния. Однако главный союзник Токио – США – завязли во Вьетнамской войне и постепенно накапливали груз проблем, которые невозможно было решить без кардинальной перестройки подходов к лидерству. Столкнувшись с «шоками Никсона», Япония тоже вынуждена была начать поиск новой роли на мировой арене. Призыв американской администрации к Японии как одному из центров силы взять на себя большую ответственность за судьбу мира в Тихоокеанском регионе в принципе отвечал надеждам части японского правящего класса, тем более после нормализации отношений США–КНР по итогам деятельности Г. Киссинджера перед Токио открылась возможность восстановить отношения с Пекином. С этого момента японский бизнес мог начать торговую экспансию в КНР, эта возможность полноценно будет реализована в последнюю четверть XX в. С другой стороны, протекционистские меры США по защите рынка от японских товаров требовали большей диверсификации внешнеторговых связей Японии. Премьер-министр Танака предпринял попытку решить проблемные вопросы в отношениях с СССР, используя в качестве рычага давления готовность к резкому расширению экономического сотрудничества с Советским Союзом. Однако начавшаяся в это время на Ближнем Востоке война «Судного дня» оказала неожиданно большое воздействие на Японию. Столкнувшись с невозможностью нанести поражение Израилю, арабские государства – члены ОПЕК объявили о сокращении добычи и поставки нефти в страны, поддерживавшие Израиль. Последствия от воздействия «нефтяного шока» на японскую экономику оказались тяжелыми. Снижился жизненный уровень населения, уменьшился темп экономического роста страны. Всё это побудило правительство Японии пересмотреть политику страны на Ближнем Востоке в сторону большей нейтральности. В экономике началась структурная перестройка, переход на ресурсосберегающие технологии, наукоемких отраслей, исследования и поддержка развития альтернативных источников энергии, государство делало акцент на атомной энергетике в национальном энергобалансе. Выход из кризиса начался только в конце десятилетия. Продемонстрированная в ходе нефтяного шока зависимость от внешнего мира потребовала фокусирования внимания правительства на обеспечении национальных интересов путем создания благоприятной внешнеполитической среды в АТР. Японии необходимо было иметь доступ к природным ресурсам и обеспечить безопасность транспортных маршрутов до японских островов. Объявление основных принципов «доктрины Фукуда» позволяло рассчитывать на достижение устойчивого положения Японии в регионе. Премьер Фукуда декларировал отказ от превращения

Японии в военную державу, обещал поддержку государствам региона в духе добрососедства⁷.

Окончание холодной войны открывало новые перспективы для лидерства Японии. Появилась надежда на то, что фактор силы может уйти из актуального политического инструментария держав, а значение будет иметь экономический потенциал и общая привлекательность страны в рамках концепции *soft power*. Япония в такой конфигурации международного порядка оказывалась в благоприятной ситуации, поскольку могла оперировать хорошо зарекомендовавшими себя средствами. Официальная помощь развития, предоставлявшаяся в виде финансовых грантов, технической помощи, низкопроцентных иенных кредитов, участия в работе и финансировании международных организаций, являлась мощным инструментом реализации политики Токио. Благодаря ОПР Япония не только усиливала политические позиции в мире, но и обеспечивала экономическое проникновение японского бизнеса в развивающиеся страны. Накопленный опыт взаимодействия с мировым сообществом на основе невоенных методов обеспечения национальных интересов мог стать для Японии удобным трамплином в восхождении на позицию глобального лидера в либеральной системе международных отношений.

Однако долгосрочный кризис в экономике поставил крест на амбициозных планах японских политиков. Последовавшее развитие событий выдвинуло на первый план иных претендентов на первые позиции в мире. Зависимость Японии от США не потеряла актуальности, слабость в военной сфере стала восприниматься как уязвимость, которую необходимо преодолеть. В XXI в. Страна восходящего солнца оказалась под давлением со стороны США и других западных союзников, требовавших большего участия в обеспечении вопросов безопасности в мире. Внутри страны усилились позиции «ястребиного» крыла японских политиков, мечтавших о превращении Японии в «нормальную страну», обладающую военными возможностями. Японская политика выстраивается на основе возможности формулировать генеральную линию при достижении консенсуса по основным вопросам среди фракций в правящей партии с учетом мнения базового электората. Протесты японской пацифистской общественности против пересмотра конституции теряют силу в связи с происходящей сменой поколений. Несмотря на то, что в конституцию не внесены поправки, отменяющие антивоенные запреты, *de facto* Япония нарушает положения 9-й статьи.

⁷ Доктрина Фукуда (福田ドクトリン演説) // The National Graduate Institute for Policy Studies (GRIPS), Токио. Проект «Мир и Япония» веб-сайт базы данных. URL: <https://worldjpn.net/documents/texts/docs/19770818.S1J.html> (дата обращения: 08.07.2024). На яп. яз.

Этот процесс вышел на качественно новый уровень в период нахождения у власти С. Абэ⁸ и продолжается его приемниками на посту премьер-министра⁹. Япония во второй половине XX в. и начале XXI в. успешно реализовывала в мировой политике возможности, которые перед ней открывались благодаря сильным позициям в мировой экономике. Культурная дипломатия, ОПР, поддержка международных правовых режимов помогали Токио создавать привлекательный образ страны в различных регионах мира. Япония на фоне союзников проявляла сдержанность в ведении санкций, но при этом играла одну из лидирующих ролей в выделении средств на восстановление Афганистана и Ирака после вторжения коалиции государств во главе с США в эти страны. Накопленный внешнеполитический капитал служил упрочнению положения Японии на мировой арене. Япония была заинтересована в развитии глобализации, поддерживала региональную интеграцию, создание ЗСТ, распространение принципов рыночной экономики, поддерживала деятельность международных организаций, продвижение общечеловеческих ценностей, видела в углубляющейся взаимозависимости акторов основание для обеспечения стабильности и безопасности на глобальном уровне.

Обозначившийся кризис современной системы международных отношений ставит перед Японией трудноразрешимые вопросы в мировой политике. Обострившееся соперничество великих держав проявляется в Тихоокеанском регионе. Конкуренция между США и КНР негативно сказывается на целом ряде проблем: конфликт вокруг статуса Тайваня, территориальные споры в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, сохранение напряженности на Корейском полуострове. Тесный союз Японии с США не позволяет выступить Токио в роли посредника в конфликтных ситуациях. Период, когда японская дипломатия имела возможность решать возникающие проблемы без использования фактора силы, заканчивается, а неразрывный союз с США приближает Японию к опасности возникновения конфликта с использованием ядерного оружия и переводом его на глобальный уровень.

Литература / References

1. Dower J. W. *Empire and Aftermath: Yoshida Shigeru and the Japanese Experience, 1878–1954*. Cambridge, Mass., and London: Harvard University Press, 1988. 618 p.

⁸ Japan's Legislation for Peace and Security // Government of Japan. March 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000143304.pdf> (Дата обращения: 08.07.2024).

⁹ О стратегии обеспечения национальной безопасности (国家安全保障戦略について) // 内閣官房. 「国家安全保障戦略」(令和4年12月16日 国家安全保障会議 閣議決定) . c. 10. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryoku/221216anzenhoshou/nss-j.pdf> (дата обращения: 08.07.2024). На яп.яз.

2. Japan and Republic of Korea Agreement on the settlement of problems concerning property and claims and on economic co-operation. Signed at Tokyo, on 22 June 1965. United Nations – Treaty Series. Vol. 583. NY, 1966. 310 p.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Доктрина Фукуда (福田ドクトリン演説) // The National Graduate Institute for Policy Studies (GRIPS), Токио. Проект "Мир и Япония" веб-сайт базы данных. URL: <https://worldjpn.net/documents/texts/docs/19770818.S1J.html> (дата обращения: 08.07.2024). На яп.яз.
2. Основы внешней политики нашей страны // わが国外交の基調. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1957/s32-1-2.htm#a> (дата обращения: 08.07.2024). На яп.яз.
3. О стратегии обеспечения национальной безопасности / 国家安全保障戦略について // 内閣官房.「国家安全保障戦略」(令和4年12月16日 国家安全保障会議・閣議決定. с. 10. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryoku/221216anzenhoshou/nss-j.pdf> (дата обращения: 08.07.2024). На яп.яз.
4. Устав ООН. Глава VII: Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-7> (дата обращения: 08.07.2024).
5. Japan's Legislation for Peace and Security // Government of Japan. March 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000143304.pdf> (дата обращения: 08.07.2024)
6. U. S. Initial Post-Surrender Policy for Japan (SWNCC150/4/A) // Национальная парламентская библиотека Японии онлайн-выставка коллекции документов «рождение Конституции Японии». URL: www.ndl.go.jp/constitution/shiryo/01/022/022_0011.html (дата обращения: 08.07.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Милеев Дмитрий Александрович – научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Mileev Dmitry A. – Scientific Researcher, Center for Research on General Problems of the Modern East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23.07.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 06.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 23.07.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 06.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-136-148>

ИНСТИТУТ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР

Мария Андреевна Пахомова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
tyratan@mail.ru

Аннотация. В рамках статьи мы рассмотрим виды специального представительства во внешнеполитической деятельности КНР, хронологию появления представительства по тому или иному вопросу, соотнесем ее с актуализацией конкретных внешнеполитических направлений и проиллюстрируем работу данного механизма на примере палестино-израильского конфликта и работы специального представителя КНР по Ближнему Востоку.

Ключевые слова: КНР, специальный представитель, Ближний Восток

Для цитирования: Пахомова М. А. Институт специального представительства во внешней политике КНР. *Восточная аналитика*. 2024;15(3):136-148. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-136-148>

Original article. Politics studies

THE INSTITUTE OF THE SPECIAL ENVOY IN THE FOREIGN POLICY OF THE PRC

Mariya Pakhomova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
tyratan@mail.ru

Abstract. The article deals with the status of The Special Envoy of The Chinese Government, the chronology of different kinds of envoys and the affiliation with political context. We will also examine the case of The Special Envoy on the Middle East Issue.

Keywords: The People's Republic of China, The Special Envoy, the Middle East

For citation: Pakhomova M. A. The Institute of The Special Envoy in The Foreign Policy of The PRC. *Eastern Analytics*. 2024;15(3):136-148. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-136-148>

Статус специального представителя КНР

Правовой статус дипломатических представителей КНР регламентируется «Законом Китайской Народной Республики о дипломатических представителях, аккредитованных за рубежом»¹ и «Положе-

¹ 《中华人民共和国驻外外交人员法》// Официальный сайт МИД КНР. 31.10.2009. URL: https://www.gov.cn/flfg/2009-10/31/content_1454301.htm (accessed: 05.01.2024). На кит. яз.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

нием Китайской Народной Республики об особых правах и иммунитетах»².

Специального представителя назначает председатель или правительство КНР.

Подход МИД КНР состоит в том, что институт дипломатических представителей в КНР можно разделить по сроку их пребывания в должности, то есть долгосрочному или краткосрочному. Как правило, в первом случае это представители дипломатического корпуса в том или ином государстве или представители при международной организации. Во втором случае это представители, направляемые с краткосрочным визитом с целью решения конкретной задачи³. Они осуществляют протокольные функции или назначаются с целью урегулирования конкретного вопроса. Как показывает практика, постоянные представители по проблемным региональным или глобальным вопросам назначаются на длительный срок. Для КНР наиболее долгий период действия такого представительства – более двадцати лет. Подобный пример мы наблюдаем в отношении представителя по делам Ближнего Востока, а точнее, палестино-израильского конфликта.

Наряду с прочими вопросами следует отметить и различия в терминологии, применяемой по отношению к представителям различных стран. Так для китайских дипломатов в данном статусе часто используются одни принятые термины (特使 или 特别代表), а для зарубежных могут быть использованы другие (无任所大使 и 亦称巡回大使) в соответствии с принятой практикой.

В последнее время появилась тенденция изменения срока действия работы представителей, его пролонгации по мере необходимости. Примером является представитель по вопросам изменения климата или представитель по делам островных государств Тихого океана.

Хронология назначения специальных представителей

Институт назначения специальных представителей КНР для участия в протокольных мероприятиях восходит к третьей четверти XX в.

Первым китайским дипломатом, посетившим международную площадку в статусе специального представителя, стал вице-премьер Госсо-

² 《中华人民共和国特权与豁免条例》// Официальный сайт МИД КНР. 14.01.2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zfxgk_674865/zcfg/fl/200403/t20040304_9276664.shtml (accessed: 05.01.2024). На кит. яз.

³ 外交代表 // Официальный сайт МИД КНР. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/lbzs_674975/200705/t20070524_9284707.shtml (accessed: 05.01.2024). На кит. яз.

вета КНР Хэ Лун (贺龙), в 1965 г. присутствовавший на церемонии инаугурации президента Пакистана Искандера Мирзы⁴.

Тем не менее, в рамках этой статьи нас в большей степени интересует динамика появления и назначения представителей второй группы – по проблемным вопросам.

Предыстория назначения первого спецпредставителя по проблемному вопросу относится к визиту председателя КНР Цзян Цзэминя в Палестину и Израиль в апреле 2000 г. Это был первый визит председателя КНР в зону конфликта. Прежде его встречи с главами государств Палестины и Израиля проходили на других площадках. Во время этого визита в ходе встречи Цзян Цзэминя с Махмудом Аббасом была озвучена идея назначения китайского спецпредставителя по Ближнему Востоку⁵. Например, к тому моменту с уже существовала должность специального координатора ООН по ближневосточному мирному процессу, Специального представителя Президента России по Ближнему Востоку, ту же тенденцию можно отметить и по отношению к другим участникам процесса в Осло.

Инициатива была реализована в 2002 г. на фоне очередного витка конфликта (сентябрь 2000 г. – 2005 г.). Первое турне спецпредставителя Китая по Ближнему Востоку состоялось с 6 по 14 ноября 2002 г. С тех пор на этом посту сменилось семь должностных лиц. В фокус внимания спецпредставителя за этот период попало не только палестино-израильское противостояние, но и кризис в Ираке. В сентябре 2019 г. представителем был назначен Чжай Цзюнь (翟隽).

10 мая 2007 г. был назначен первый специальный представитель по делам Африки – Лю Гуйцин (刘贵今). Он же – специальный представитель по проблеме Дарфура. Видимо, это стало отголоском эскалации конфликта в Судане в 2007 г., когда стало окончательно очевидно, что мирное соглашение, подписанное в Абудже в 2006 г., не даст результатов, а гуманитарная катастрофа, и без того масштабная, ухудшится. Как известно, КНР традиционно является одной из основных стран, направляющих миротворцев в рядах сил ООН. На тот момент Китай имел прочные торговые отношения с Суданом.

Примечательно, что в вопросе назначения специальных представителей по Африке и Ближнему Востоку в КНР следовали порядку, обратному по отношению к концептуальному оформлению данных направлений в рамках внешнеполитических документов. Так, концепция

⁴ 解码外交|外交特使“特”在哪儿? // «Шангуань синьвэнь». 18.04.2016 г. URL: <https://www.jfdaily.com/wx/detail.do?id=14607> (accessed: 05.01.2024). На кит. яз.

⁵ 中国中东问题特使机制是这样诞生的 // «Чжунго циньнянь бао». 31.07.2006 г. URL: https://zqb.cyol.com/content/2006-07/31/content_1462506.htm (accessed: 05.01.2024). На кит. яз.

внешней политики КНР в отношении Африки была принята в 2006 г., а концепция внешней политики КНР в отношении арабских стран – лишь спустя десять лет, в январе 2016 г. Очевидно, что назначение представителей в обоих случаях было продиктовано резкой актуализацией того или иного очага напряженности, а не целенаправленным развитием какого-либо внешнеполитического вектора.

С февраля 2010 г. был назначен специальный представитель по делам Корейского полуострова. В 2010 г. активизировались пограничные инциденты между РК и КНДР. Назначение спецпредставителя стало актуально в контексте проведения шестисторонних переговоров по корейской проблеме. За истекший период на посту сменилось три дипломата.

С 2013 г. стали назначать специального представителя МИД КНР по делам Азии. В сферу его ответственности входят вопросы, связанные с Бирмой, и обеспечение интересов китайских компаний, осуществляющих поставки по нефте- и газопроводу, на фоне сложной внутривосточной ситуации в этой стране. За это время было назначено три представителя. Последний из них – в 2022 г.

В 2014 г. появилась должность специального представителя по делам Афганистана. После решения о выводе США основной части воинского контингента из Афганистана в 2014 г. и формирования достаточно нестабильного правительства соседние государства ощутили необходимость дополнительного контроля за ситуацией. Помимо этого актуализировалась необходимость диалога Пекина с представителями различных сил на территории Афганистана, которая и была реализована. С тех пор было назначено четыре посланника.

В 2015 г. появилась должность специального представителя КНР по вопросам изменения климата. В настоящее время этот пост занимает Цзе Чжэнь Хуа (解振华), в 2015–2018 гг. находившийся в должности начальника Комитета НПКСК по человеческим и природным ресурсам).

В августе 2015 г. создано специальное представительство по делам Латинской Америки. Первым представителем стал Инь Хэнминь (殷恒民), бывший посол в Мексике, Перу и Аргентине. С тех пор сменилось три представителя. Ныне действующий представитель – Цю Сяоци (邱小琪), бывший директор департамента Латинской Америки МИД КНР, посол КНР в Боливии, Испании и Андорре, Бразилии, Мексике, вице-председатель Ассоциации народной дипломатии Китая.

В марте 2016 г. был назначен специальный представитель по сирийскому вопросу. По настоящее время эту должность занимает Цзе Сяоянь (解晓岩). Отметим, что он не занимал дипломатических должностей в арабских странах. При этом был послом КНР в Иране (2007–2010 гг.) и непосредственно перед назначением на должность специального по-

сланника – послом КНР в Эфиопии и одновременно представителем при Африканском союзе.

В начале 2019 г. было усилено евразийское направление. Был назначен специальный представитель правительства КНР по делам Евразии. Эту должность занял бывший посол КНР в России Ли Хуэй. Он известен своей плодотворной работой не только в России, но и в качестве посла в Казахстане. Работа посланника сосредоточена в первую очередь вокруг взаимодействия КНР с Восточной Европой и Центральной Азией, а в последнее время охватывает вопросы, связанные с СВО.

Евразийское направление было дополнено чисто европейским. Так, в ноябре того же 2019 г. был назначен и специальный представитель по делам Европы. Им стал У Хунбо (吴红波) – бывший заместитель Генерального секретаря ООН, бывший посол КНР в Германии и на Филиппинах⁶.

В 2023 г. появилась новая должность специального представителя правительства КНР по делам островных государств Тихого океана. На нее был назначен бывший чрезвычайный и полномочный посол КНР на Фиджи Цянь Бо (钱波). Постоянная должность в данном случае несет ответственность по отношению к представительству Китая в рамках Форума тихоокеанских островов. Форумы имеют статус региональной международной организации с секретариатом на о. Фиджи и проводятся с 1971 г.

Отношения с Палестиной и Израилем как основа работы специального представителя

Рассмотрим подробнее политические и экономические основания работы специального представителя КНР по Ближнему Востоку.

После отказа КНР признать Израиль в январе 1950 г. до установления дипломатических отношений между странами прошло более 40 лет. Коммюнике об установлении дипломатических отношений было подписано лишь 24 января 1992 г. Это произошло практически одновременно с созданием Китайско-израильского торгово-экономического комитета. В марте 2017 г. была добавлена новая формулировка – «отношения всестороннего инновационного партнерства», а также был создан Китайско-израильский совет по инновационному сотрудничеству. В 2023 г. товарооборот между сторонами составил 23,4 млрд долл.⁷

Китайские компании реализуют ряд крупных инфраструктурных проектов в портах Ашдода и Хайфы, активно участвуют в развитии

⁶ 中国为何此时设立欧洲事务特别代表?外交部回应 // «Пэнпай синьвэнь». 01.11.2019 г. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_4837075 (accessed: 10.01.2024). На кит. яз.

⁷ 中国同以色列的关系 // Официальный сайт МИД КНР. Апрель 2024 г. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677196/sbgx_677200/ (accessed: 10.01.2024). На кит. яз.

железнодорожной инфраструктуры в Тель-Авиве, Хайфе и районе порта Эйлат, заинтересованы в расширении инновационных проектов с Израилем, в том числе в оборонной сфере. Тем не менее, 2022 г. в ходе интервью посла КНР в Израиле Цай Жуня было указано, что Израиль не подписывал с КНР соглашение о совместном строительстве «одного пояса, одного пути», но при этом является участником Азиатского банка инфраструктурных инвестиций⁸, как известно, являющегося мощной финансовой опорой проекта.

Отношения КНР и Палестины начались значительно раньше – 21 мая 1951 г. В 1965 г. в Китае был открыт офис Организации освобождения Палестины. В 1988 г. КНР признала государство Палестина, провозгласившее свое создание в том же году.

В плане торгово-экономического сотрудничества первое торговое соглашение между сторонами было подписано в январе 1963 г. С октября 1982 г. функционирует китайско-палестинский комитет по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству. В 2006 г. между сторонами было подписано соглашение о свободной торговле, реализация которого началась с июля 2007 г. В феврале 2009 г. было заключено «Торговое соглашение об обслуживании зоны свободной торговли между КНР и Палестиной». В том же году КНР стала вторым торговым партнером Палестины, а к 2011 г. вышла на место первого торгового партнера, с 2015 г. сохраняя эту позицию неизменно. В октябре 2018 г. был подписан «Меморандум о взаимопонимании по вопросам создания китайско-палестинской зоны свободной торговли». К 2019 г. было подписано «Соглашение о внесении поправок в соглашение о зоне свободной торговли между КНР и Палестиной», вступившее в силу с 1 января 2020 г.⁹

К декабрю 2022 г. стороны пришли к подписанию «Меморандума о взаимопонимании между правительством Китайской Народной Республики и правительством государства Палестина о представляющих взаимный интерес аспектах совместной реализации инициативы «один пояс, один путь».

Объем двусторонней торговли КНР с Палестиной в 2022 г., предшествующем текущему витку кризиса, составил 160 млн долл. Рост по отношению к предыдущему периоду – 23,2%. Вся эта сумма была представлена экспортом КНР в Палестину, экспорт Палестины составил лишь

⁸ 蔡润大使接受以色列最大希伯来语媒体《今日以色列》专访介绍中共二十大精神、中以关系及两国务实合作情况 // Официальный сайт посольства КНР в Израиле. 28.12.2022. URL: http://il.china-embassy.gov.cn/chn/tpwx/202212/t20221228_10997610.htm (accessed: 10.01.2024). На кит. яз.

⁹ 中国同巴基斯坦的关系 // Официальный сайт МИД КНР. Апрель 2024 г. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676308/sbgx_676312/ (accessed: 10.05.2024). На кит. яз.

20 тыс. долл. и вырос на 94,3% по отношению к аналогичному периоду предыдущего года¹⁰.

В первом полугодии 2023 г. двусторонний товарооборот составил 90 млн долл. с ростом по отношению к предыдущему периоду в 27,7%. Экспорт КНР составил 90 млн долл, экспорт Палестины – 50 тыс. долл.¹¹

На этом фоне незадолго до обострения палестино-израильского конфликта 14 июня 2023 г. было подписано «Совместное заявление об установлении отношений стратегического партнерства между Китаем и Палестиной»¹².

Официальная позиция и деятельность КНР по урегулированию палестино-израильского конфликта

Одновременно с установлением отношений стратегического партнерства с Палестиной Си Цзиньпином были вновь озвучены три ключевых тезиса китайской стороны по палестино-израильскому урегулированию: во-первых, создание суверенного палестинского государства в границах 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме; во-вторых, увеличение международным сообществом гуманитарной помощи для обеспечения потребностей экономики Палестины и нужд палестинского народа; в-третьих, необходимость продолжать мирные переговоры¹³.

Отметим, что КНР давно реализует гуманитарно-инфраструктурные проекты на территории Палестины. С 1960-х гг. их количество составило около 40 единиц. В качестве примера можно привести, строительство начальной школы для беженцев в населенном пункте Бакка, средней школы и шоссе в секторе Газа, шоссе в Рамалле, солнечной электростанции в детской больнице сектора Газа и здания министерства иностранных дел Палестины [Пахомова, 2022, с. 178–180].

КНР на постоянной основе предоставляла Палестине гуманитарную и финансовую помощь. Например, во время выступления в Каире в 2016 г. Си Цзиньпин анонсировал предоставление помощи Палестине в размере 50 млн юаней, в 2018 г. в ходе конференции UNRWA ООН безвозмездную помощь в размере 2 млн 350 тыс. долл. и гуманитарную экстренную помощь правительству палестины на сумму 1 млн долл. В июле

¹⁰ 中国—巴勒斯坦经贸合作简况(2022年) // Официальный сайт Управления коммерции пров. Фуцзянь. 31.01.2024. URL: https://swt.fujian.gov.cn/xxgk/jgzq/jgcs/xyfzc/dcyj/202401/t20240131_6389225.htm#: (accessed: 10.02.2024). На кит. яз.

¹¹ Там же.

¹² 中华人民共和国和巴勒斯坦国关于建立战略伙伴关系的联合声明 // Официальный сайт МИД КНР. 14.06.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202306/t20230614_11097775.shtml (accessed: 12.01.2024). На кит. яз.

¹³ 驻索马里大使费胜潮就中方巴以冲突立场在索国家通讯社发表署名文章 // Официальный сайт МИД КНР. 23.10.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zwbd_673032/wjzs/202310/t20231023_11165999.shtml (accessed: 12.01.2024). На кит. яз.

2018 г. во время заседания Форума китайско-арабского сотрудничества Китай предоставил помощь на 100 млн юаней, в 2019 г. – 1 млн долл. через UNRWA и 2 млн долл. правительству Палестины. В апреле 2020 г. в Палестину было направлено две партии медикаментов, а в июне туда направилась группа китайских медиков. В тот же год через UNRWA был предоставлен 1 млн долл. и наборы гуманитарной помощи для палестинских беженцев на территории Иордании, Ливана и Сирии. В марте 2021 г. КНР направила в Палестину 100 тыс. доз прививок от коронавируса нового типа [Пахомова, 2022, с. 178–180].

В 2021 г. посол КНР в Катаре дал интервью ведущим арабским СМИ, разъяснив позицию КНР, и в очередной раз высказал идею о проведении прямых переговоров между Израилем и Палестиной в Китае.

Практика палестино-израильских переговоров при китайском посредничестве существует с декабря 2006 г., когда прошла первая подобная встреча в Пекине. Впоследствии стороны встречались в таком же формате еще два раза – в декабре 2013 г. в Иерусалиме и в декабре 2017 г. в Пекине [Пахомова, 2022, с. 178–180]. Как отмечает заместитель министра иностранных дел Дэн Ли в статье, посвященной палестино-израильскому урегулированию, последние палестино-израильские переговоры при посредничестве КНР состоялись в 2021 г.¹⁴

В октябре 2023 г. председатель КНР Си Цзиньпин также официально приглашал М. Аббаса и Б. Нетаньяху нанести визит в КНР¹⁵, а 21 ноября 2023 г. выступил на специальной встрече глав государств – участников БРИКС по палестино-израильскому урегулированию. 30 ноября 2023 г. Китаем в качестве государства – председателя СБ ООН был представлена «Позиция Китая по урегулированию палестино-израильского конфликта»¹⁶.

Деятельность специального представителя КНР по Ближнему Востоку

Одним из важных инструментов КНР по урегулированию палестино-израильского конфликта стала практика по назначению специального представителя по Ближнему Востоку. Первый специальный представитель был назначен в сентябре 2002 г. С тех пор на этом посту сменилось пять должностных лиц (см. табл. 1).

¹⁴ 外交部副部长邓励就巴勒斯坦问题发表署名文章 // Официальный сайт посольства КНР в Сирийской Арабской Республике. 02.04.2024. URL: http://sy.china-embassy.gov.cn/xwfb/202404/t20240402_11274895.htm (accessed: 10.07.2024). На кит. яз.

¹⁵ 中国在以色列对加沙战争上采取谨慎的外交策略 // Aljazeera. 06.11.2023. URL: <https://chinese.aljazeera.net/palestine-israel-conflict/2023/11/6/中国在以色列对加沙战争上采取谨慎的外交策略> (accessed: 10.07.2024). На кит. яз.

¹⁶ 中国关于解决巴以冲突的立场文件 // Официальный сайт МИД КНР. 30.11.2023. URL: www.mfa.gov.cn/wjbxw_new/202311/t20231129_11189399.shtml (accessed: 10.07.2024). На кит. яз.

Таблица 1. Специальные представители КНР по Ближнему Востоку

Период пребывания в должности	Специальный представитель
сентябрь 2002 – апрель 2006 г.	Ван Шицзе (王世杰)
апрель 2006 г. – март 2009 г.	Сунь Бигань (孙必干)
март 2009 г. – сентябрь 2014 г.	У Сыкэ (吴思科)
сентябрь 2014 г. – сентябрь 2019 г.	Гун Сяошэн (宫小生)
сентябрь 2019 г. – н. в.	Чжай Цзюнь (翟雱)

Источник: составлено автором на основании данных интернет-платформы «Байду».

В сентябре 2019 г. на эту должность был назначен Чжай Цзюнь, карьера которого начиналась в департаменте перевода МИД КНР. Затем он имел богатый опыт работы в таких арабских странах, как Демократическая республика Йемен (1980–1985), Саудовская Аравия (1992–1996), был послом КНР в Ливии (1997–2000), а впоследствии во Франции и Монако, занимал ряд руководящих должностей в МИД КНР¹⁷.

Таблица 2. Работа специального представителя КНР по Ближнему Востоку (10.10.2023–10.12.2023)

Дата	Событие
10–14 октября 2023 г.	Встреча с послом Израиля в КНР, Беседы по телефону с первым заместителем министра иностранных дел Палестины, заместителем Директора МИД Израиля по азиатско-тихоокеанскому региону, представителями Палестины, Египта, Саудовской Аравии, ОАЭ, Норвегии, специальным координатором ООН на Ближнем Востоке, специальным представителем Евросоюза по мирному процессу на Ближнем Востоке, встреча с представителем ЛАГ, совместная встреча с послами арабских стран в КНР
20 октября 2023 г.	Обмен мнениями с Заместителем министра иностранных дел Российской Федерации, специальным представителем Президента России по Ближнему Востоку М. Л. Богдановым
21–22 октября 2023 г.	Участие во встрече по палестино-израильскому урегулированию в Каире и пресс-конференция по итогам встречи, визиты в ОАЭ, Саудовскую Аравию, Иорданию
25 октября 2023 г.	Визит в ОАЭ
25 октября 2023 г.	Визит в Саудовскую Аравию
07 ноября 2023 г.	Встреча с послом КНР в США
07 декабря 2023 г.	Визит в Палестину
10 декабря 2023 г.	Визит в Израиль

Источник: составлено автором на основании данных следующих интернет-ресурсов: сайт МИД КНР, информационное агентство «Синьхуа»

¹⁷ 外交官看世界 // «Вайцзяогуань кань шицзе». URL: http://wjksj.021best.net/amb_info.aspx?id=637&kindid=1&cid=3 (accessed: 10.07.2024). На кит. яз.

В качестве примера приводим краткую таблицу основных этапов деятельности специального представителя КНР по Ближнему Востоку в первые два месяца после начала очередного витка палестино-израильского конфликта 07 октября 2023 г. (см. табл. 2).

* * *

Обобщая вышесказанное, отметим, что институт специального представительства по региональным и глобальным проблемам появился во внешнеполитической деятельности КНР относительно недавно – в 2002 г. Это произошло на фоне активизации отношений КНР с Палестиной в 2000 г. и очередного витка палестино-израильского противостояния. В этот период КНР, взяв за основу международную практику, сложившуюся в середине 90-х гг., также назначила своего представителя.

К началу 2024 г. было учреждено 10 видов подобного представительства. Первый специальный представитель был назначен при Цзян Цзэмине. Две должности были учреждены в период председательства Ху Цзиньтао. Остальные уже в период пребывания в должности Си Цзиньпина.

За исключением единственного представителя, назначенного по глобальной проблеме – изменениям климата, остальные девять назначались для урегулирования вооруженных конфликтов, в большей степени внутрисоюзных, в меньшей – пограничных.

В качестве региональных направлений представительство было учреждено по узким вопросам в рамках обширных регионов. Так, например, для представителя по Ближнему Востоку это палестино-израильский конфликт, для представителя по Африке – ситуация в Судане и проблема Дарфура, внимание представителя по Евразии сосредоточено на ситуации в Восточной Европе, преимущественно в зоне СВО, а представителя по Азии – на обеспечении безопасности логистических маршрутов в Бирме. Имеют свои узкоспециализированные задачи и представители по Латинской Америке, Европе и островам Тихого океана.

Более узкими географическими рамками очерчено представительство по вопросам Афганистана, Сирии, Корейского полуострова.

Основу для начала работы специального представителя КНР по Ближнему Востоку создали имеющие длительную историю дружественные отношения с Палестиной и установленные к тому моменту дипломатические отношения с Израилем. Сотрудничество с обеими сторонами палестино-израильского конфликта следует считать для КНР важным перспективным направлением, тем актуальнее для китайской стороны установление прочного мира в регионе.

При этом Палестина рассматривается скорее как перспективный партнер для инвестиции китайских компаний в инициативу «один пояс, один путь», определенные договоренности о реализации которой были достигнуты КНР незадолго до событий 2023 г. Отметим, что КНР и Палестина прошли длительный путь, пытаясь наладить и поднять возможное будущее торгово-экономическое сотрудничество, например, по линии создания зоны свободной торговли. Этот процесс начался еще в 2000-х гг.

Израиль, действующий в фарватере американской политики, скорее рассматривается с точки зрения технологического сотрудничества, и то в ограниченных прочими союзническими отношениями этой страны рамками.

Позиция КНР в отношении палестино-израильского урегулирования отличается неизменностью и включает в себя такие тезисы, как основание государства Палестина в границах в границах 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме, гуманитарная помощь населению и приверженность мирным переговорам.

Статистика показывает конструктивный вклад Китая в развитие Палестинских территорий вплоть до последнего этапа конфликта, включая поставки гуманитарной помощи и возведение важной гражданской инфраструктуры.

С момента учреждения института специального представительства по Ближнему Востоку КНР оказывала посредническую помощь в урегулировании конфликта в 2006, 2013, 2017 и 2021 гг. После эскалации конфликта в 2023 г. деятельность спецпредставителя КНР была выражена в активном переговорном процессе с представителями дипломатического корпуса соответствующих стран и международных организаций в КНР, переговорах по телефону, работе на переговорных площадках по достижению мирного соглашения и, наконец, визите в каждую из конфликтующих сторон. Это общее описание процесса следует дополнить работой на площадках ГА и СБ ООН.

Литература / References

1. Пахомова М. А. КНР и средиземноморские государства Арабского Востока // Фактор Китая в Средиземноморье. Доклады Института Европы РАН № 387. М., 2022. С. 178–180. [China and the Mediterranean States of The Arab East // China and the Mediterranean States № 387. М., 2022. Pp. 178–180 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. 《中华人民共和国驻外外交人员法》 // Официальный сайт МИД КНР. 31.10.2009. URL: https://www.gov.cn/flfg/2009-10/31/content_1454301.htm (accessed: 05.01.2024). На кит. яз.

2. 《中华人民共和国特权与豁免条例》// Официальный сайт МИД КНР. 14.01.2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjwb_673085/zfxxgk_674865/zcfg/fl/200403/t20040304_9276664.shtml (accessed: 05.01.2024). На кит. яз.
3. 外交代表 // Официальный сайт МИД КНР. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/lbzs_674975/200705/t20070524_9284707.shtml (accessed: 05.01.2024). На кит. яз.
4. 解码外交|外交特使“特”在哪儿? // «Шангуань синьвэнь». 18.04.2016. URL: <https://www.jfdaily.com/wx/detail.do?id=14607> (accessed: 05.01.2024). На кит. яз.
5. 中国中东问题特使机制是这样诞生的 // «Чжунго циньнянь бао». 31.07.2006. URL: https://zqb.cyol.com/content/2006-07/31/content_1462506.htm (accessed: 05.01.2024). На кит. яз.
6. 中国为何此时设立欧洲事务特别代表?外交部回应 // «Пэнпай синьвэнь». 01.11.2019. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_4837075 (accessed: 10.01.2024). На кит. яз.
7. 中国同以色列的关系 // Официальный сайт МИД КНР. Апрель 2024 г. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677196/sbgx_677200/ (accessed: 10.01.2024). На кит. яз.
8. 蔡润大使接受以色列最大希伯来语媒体《今日以色列》专访介绍中共二十大精神、中以关系及两国务实合作情况 // Официальный сайт посольства КНР в Израиле. 28.12.2022. URL: http://il.china-embassy.gov.cn/chn/tpxw/202212/t20221228_10997610.htm (accessed: 10.01.2024). На кит. яз.
9. 中国同巴基斯坦的关系 // Официальный сайт МИД КНР. Апрель 2024 г. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676308/sbgx_676312/ (accessed: 10.05.2024). На кит. яз.
10. 中国—巴勒斯坦经贸合作简况(2022年) // Официальный сайт Управления коммерции пров. Фуцзянь. 31.01.2024. URL: https://swt.fujian.gov.cn/xxgk/jgzj/jgcs/xyfzc/dcyj/202401/t20240131_6389225.htm#: (accessed: 10.02.2024). На кит. яз.
11. 中华人民共和国和巴勒斯坦国关于建立战略伙伴关系的联合声明 // Официальный сайт МИД КНР. 14.06.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202306/t20230614_11097775.shtml (accessed: 12.01.2024). На кит. яз.
12. 驻索马里大使费胜潮就中方巴以冲突立场在索国家通讯社发表署名文章 // Официальный сайт МИД КНР. 23.10.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zwbd_673032/wjzs/202310/t20231023_11165999.shtml (accessed: 12.01.2024). На кит. яз.
13. 外交部副部长邓励就巴勒斯坦问题发表署名文章 // Официальный сайт посольства КНР в Сирийской Арабской Республике. 02.04.2024. URL: http://sy.china-embassy.gov.cn/xwfb/202404/t20240402_11274895.htm (accessed: 10.07.2024). На кит. яз.
14. 中国在以色列对加沙战争上采取谨慎的外交策略 // Aljazeera. 06.11.2023. URL: <https://chinese.aljazeera.net/palestine-israel-conflict/2023/11/6/中国在以色列对加沙战争上采取谨慎的外交策略> (accessed: 10.07.2024). На кит. яз.
15. 中国关于解决巴以冲突的立场文件 // Официальный сайт МИД КНР. 30.11.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjbxw_new/202311/t20231129_11189399.shtml (accessed: 10.07.2024). На кит. яз.
16. 外交官看世界 // «Вайцзяогуань кань шицзе». URL: http://wjgksj.021best.net/amb_info.aspx?id=637&kindid=1&cid=3 (accessed: 10.07.2024). На кит. яз.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пахомова Мария Андреевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Pakhomova Mariya A. – PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Centre for The Study of General Problems of The Modern East, Institute of Oriental Studies of The Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23.07.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 06.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 23.07.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 06.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327.81
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-149-157>

АРАБСКИЕ СТРАНЫ-ДОНОРЫ В СТРУКТУРЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ РАЗВИТИЮ

Ольга Сергеевна Чикризова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
chikrizova-os@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1678-0967>

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей арабских государств как доноров официальной помощи развитию (ОПР). Выявлено, что арабские доноры, к числу которых относятся в первую очередь аравийские монархии, сочетают в себе черты «традиционных» доноров, поскольку добровольно отчитываются перед Комитетом содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР), и доноров из числа стран Глобального Юга, поскольку не выдвигают условий проведения политических или экономических реформ в странах-реципиентах. Автор приходит к выводу, что события октября 2023 г. в секторе Газа, вероятнее всего, не приведут к тому, что арабские доноры откажутся от программ ОПР в странах, имеющих дипломатические отношения с Израилем, и сделают выбор в пользу политических и/или экономических дивидендов от помощи, а не в пользу солидарности с палестинским народом.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, КСР ОЭСР, Израиль, сектор Газа

Для цитирования: Чикризова О. С. Арабские страны-доноры в структуре официальной помощи развитию. *Восточная аналитика*. 2024;15(3):149-157. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-149-157>

Original article. Politics studies

ARAB DONORS IN THE STRUCTURE OF OFFICIAL DEVELOPMENT ASSISTANCE

Olga Chikrizova

RUDN University, Moscow, Russia,
chikrizova-os@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1678-0967>

Abstract. This article analyzes the characteristics of Arab states as donors of official development assistance (ODA). Arab donors, which include primarily the Arabian monarchies, possess both characteristics of “traditional” donors as they report voluntarily to the Organization for Economic Cooperative and Development (OECD DAC), and donors from countries of the Global South, because they don’t put forward conditions for implementing political or economic reforms in recipient countries. It is most likely that the events of October 2023 in the Gaza Strip will not cause Arab donors to abandon ODA programs in countries with diplomatic relations with Israel, preferring political and economic dividends instead of solidarity with the Palestinian people.

Keywords: Saudi Arabia, Qatar, Kuwait, United Arab Emirates, OECD DAC, Israel, Gaza Strip

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

For citation: Chikrizova O. S. Arab donors in the structure of official development assistance. *Eastern Analytics*. 2024;15(3):149-157. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-149-157>

Введение

В настоящее время так называемые «новые доноры» играют всё более значимую роль в международных программах официальной помощи развитию (ОПР). В число «новых доноров» входят и арабские страны, например Королевство Саудовская Аравия (КСА), Катар, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). В этой связи чрезвычайно актуальным представляется выявление основных мотивов, побуждающих арабские страны участвовать в ОПР, объяснение механизмов выбора арабскими странами реципиентов помощи, а также анализ использования арабскими странами официальных и неофициальных каналов для оказания помощи развитию. При этом важно скорректировать выводы, полученные российскими и зарубежными исследователями в период, предшествующий палестино-израильскому конфликту, начавшемуся 7 октября 2023 г., и выявить, как указанный военно-политический катаклизм может повлиять на мотивы арабских доноров.

Под ОПР традиционно понимаются «финансовые средства, предоставляемые главным образом в целях содействия экономическому и социальному развитию на льготной основе официальными учреждениями и агентствами государствам и территориям, которые Комитет содействия развитию (КСР) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) включил в список реципиентов ОПР, а также многосторонним институтам, также входящим в утверждаемый этим Комитетом список» [Бартенев 2020б, с. 7]. ОПР включает также гуманитарную помощь и отдельные виды технической помощи в области безопасности.

Особенности арабских стран как доноров ОПР

В исследованиях, посвященных ОПР, принято делить доноров на: 1) «традиционных», к числу которых относят страны Запада, входящие в КСР ОЭСР, 2) «новых», среди которых главным образом – входящие в КСР ОЭСР страны Центральной и Восточной Европы, и 3) доноров из числа стран Глобального Юга, которые не входят в КСР ОЭСР.

Однако в рамках приведенной классификации арабские доноры нередко выделяются в отдельную группу, поскольку, с одной стороны, подавляющее большинство из них не состоит в КСР ОЭСР, а с другой – будучи партнерами Комитета, они предоставляют ему агрегированную статистику по объемам ОПР, направляемой в страны-реципиенты. Это

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

относится к Кувейту, ОАЭ, Саудовской Аравии и Катару, и формализованная отчетность перед Комитетом «де-факто узаконивает концепцию и правила официальной помощи развитию, созданную традиционными западными донорами КСР» [Harmáček, Ogršal, Vítová, 2022, p. 774].

Важно также отметить, что от доноров из числа стран Глобального Юга (в первую очередь Китая, Индии и Бразилии) арабских доноров отличает направление ОПР не только на двусторонней основе, но и в рамках многосторонних форматов, таких как Трастовый фонд Довильского партнерства, Арабский фонд экономического и социального развития (AFESD) и донорская программа развития Арабского залива (AGFUND). Кроме того, в аравийских монархиях существует обязательное требование по проведению конкурсных торгов на реализацию проектов в рамках ОПР [Harmáček, Ogršal, Vítová, 2022, p. 774].

Вместе с тем с третьей группой стран-доноров аравийские монархии сближает то, что в прошлом большинство из них сами были получателями международной помощи. Так, например, ОАЭ, Кувейт и Катар были исключены из списка реципиентов ОПР в 1996 г., Бахрейн – в 2005 г., КСА – только в 2008 г., а Оман – в 2011 г. [Бартенев, 2020а, с. 9]. При этом примечательно, что указанные страны включились в программы ОПР уже в качестве доноров, а не реципиентов, после первого «нефтяного шока» 1973 г., повлекшего за собой рост доходов аравийских монархий от продажи энергоресурсов. Бурное развитие полуострова получило название «нефтяного бума».

Первыми арабскими донорами ОПР стали Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт. В. И. Бартенев отмечает, что «в первой половине 1980-х гг. на них приходилось до трети глобальной помощи» [Бартенев, 2020б, с. 54]. Главными получателями помощи из стран Залива были «братские» арабские государства, главным образом Египет и Ливан, которые имели стратегическое значение в контексте противостояния Государству Израиль.

На современном этапе Ближний Восток и Северная Африка по-прежнему занимают приоритетное место во внешнеполитической стратегии и программах ОПР, реализуемых аравийскими монархиями. Это связано, в первую очередь, с тем, что этот регион является основным источником угроз и нестабильности для стран-доноров.

К специфическим чертам ОПР, осуществляемой арабскими донорами, относятся следующие.

Во-первых, это наличие прямой зависимости объемов оказываемой ими помощи от мировых цен на нефть, из чего проистекает еще одна особенность – непредсказуемость объемов финансирования в рамках программ ОПР. Последняя, в свою очередь, также связана с тем, что арабские доноры относятся к числу так называемых «государств-рантье», кото-

рые расходуют значительную часть прибыли от продажи своих природных ресурсов на поддержание внутривосточной стабильности и «покупку» лояльности влиятельных групп общества внутри страны [Harmáček, Opršal, Vítová, 2022, p. 778].

Во-вторых, программы арабских доноров в рамках ОПР характеризуются низким уровнем прозрачности. Конкретные объемы помощи, направляемой этими странами, далеко не всегда обнародуются либо содержат значительные пробелы. Ситуация усугубляется множественностью источников средств (как государственных, так и де-юре негосударственных, но находящихся под контролем членов правящей династии (подробнее см.: [Чикризова 2019]), отсутствием структурированной отчетности внутри самих государств-доноров, а также, вероятно, заложенной в арабской культуре особенностью не афишировать свою щедрость и благотворительную деятельность [Harmáček, Opršal, Vítová, 2022, p. 779].

В-третьих, государства – члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), реализующие программы ОПР, как взаимодействуют, так и конкурируют друг с другом за право оказывать более значимое влияние на отдельные государства, используя ОПР как внешнеполитический инструмент. При этом если «арабская весна» привела к противоборству «между Кувейтом, ОАЭ и КСА, с одной стороны, и Катаром – с другой» [Бартенев, 2020б, с. 55], то в последние несколько лет ОАЭ все активнее стремятся позиционировать себя в качестве независимого игрока в региональных и глобальных делах, что заставляет Эмираты дистанцироваться от Саудовской Аравии, а иногда даже вступать с ней в дипломатическое противоборство (например, за право выступать в роли посредника в афганском урегулировании).

Также нельзя не отметить использование Саудовской Аравией инструментария ОПР в рамках регионального соперничества с Ираном, главным образом в Йемене, помощь которому со стороны КСА (а также ОАЭ) связана с целым рядом факторов: общей для всех исламской идентичностью, соображениями безопасности, ухудшающейся гуманитарной ситуацией, а также поддержкой своих «прокси» (антихуситский фактор).

Наконец, важной особенностью ОПР, осуществляемой арабскими странами, является то, что они не выдвигают условий, связанных с проведением каких-либо экономических или политических реформ в странах-реципиентах. Можно даже сказать, что в ОПР арабских стран интересы доноров преобладают над интересами получателей помощи: помощь развитию нередко служит целям стабилизации внутривосточной обстановки в соседних странах, что позволяет повысить уровень безопасности стран-доноров, а также выступает в качестве инструмента политики «мягкой силы» (часто именуемого «дипломатией риала» или

«дипломатией динара»). Так, Г. Элькахлут, изучающий участие Кувейта в структуре ОПР, отмечает, что программы гуманитарной помощи, реализуемые Кувейтом, «являются частью усилий по закреплению за ним статуса важного гуманитарного донора как на региональном, так и на международном уровнях, хотя считается, что гуманитарная деятельность Кувейта в основном продиктована стратегическими и политическими мотивами, в соответствии с которыми государство оказывает помощь, чтобы завоевать дружественно настроенных союзников и противостоять враждебным режимам» [Elkahlout, 2020, p. 149].

Мотивы выбора стран – реципиентов ОПР

Ряд уже ставших классическими исследований [Neumayer, 2003], посвященных выявлению мотивов, которыми руководствуются арабские доноры при выборе направлений для ОПР, в качестве главных факторов, определяющих круг реципиентов помощи от аравийских монархий, называют исламскую и арабскую солидарность. Более поздние исследования ОПР отдельных стран отчасти подтверждают это, даже отмечая, что ОПР вписывается в один из фундаментальных принципов ислама (*закят*) [Benthall, Bellion-Jourdan, 2005; Elkahlout, 2020], что и определяет повышенное внимание аравийских монархий к беднейшим государствам «мира ислама».

Однако такое «религиозно мотивированное» объяснение географии ОПР арабских доноров представляется однобоким, поскольку не учитывает, что ряд мусульманских стран, особенно находящихся в состоянии вооруженных конфликтов (Сирия, Ирак, Йемен, палестинские территории), создают реальные угрозы и вызовы для самих доноров. Кроме того, Я. Гармачек, З. Опршал и П. Витова предлагают и вовсе разделять ОПР и *закят*, который «с точки зрения правил КСР является формой частной помощи, связанной с религией, и поэтому не может быть отнесен к категории ОПР» [Harmáček, Opršal, Vítová, 2022, p. 778]. В условиях, когда отследить и оценить объемы благотворительной помощи в рамках *закята* вообще практически невозможно, приведенное замечание кажется вполне логичным.

Вместе с тем, на наш взгляд, влияние на распределение помощи культурной, языковой или религиозной близости не является специфической чертой лишь арабских доноров. Более того, конкретные объемы направляемой помощи могут зависеть от таких факторов, как густонаселенность страны, а также экономическая или политическая заинтересованность донора в налаживании более тесных контактов с правительством страны-реципиента. Это подтверждается тем, что Йемен, как уже отмечалось, получает помощь от КСА и ОАЭ не столько потому, что

является арабской и мусульманской страной, сколько по причине вовлеченности Йемена в саудовско-иранское противостояние за региональное лидерство, а также вследствие проистекающих из Йемена угроз безопасности Саудовской Аравии и других государств Аравийского п-ова.

В. И. Бартнев отмечает, что в Судане численность «лиц, вызывающих беспокойство» (по терминологии Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН)), «больше, чем в Йемене, однако Судан получает в 8 с лишним раз меньше гуманитарной помощи от международного сообщества в отсутствие сопоставимого интереса со стороны братских мусульманских стран» [Бартнев, 2020а, с. 19].

Таким образом, нам представляется, что географическая близость гораздо сильнее влияет на выбор реципиентов помощи от арабских доноров, поскольку именно военно-политическая нестабильность вызывает беспокойство аравийских монархий. Этническая и религиозная солидарность здесь, скорее, выступают вторичным фактором. При этом нельзя отрицать, что в качестве «побочного эффекта» ОПР в таком случае арабские доноры могут добиться улучшения собственного имиджа, укрепления позиций как надежного партнера и активизации сотрудничества с правительствами стран-реципиентов в интересующих областях.

Фактор Израиля

Серьезным испытанием для Ближневосточного региона стало обострение палестино-израильского противостояния, начавшееся 7 октября 2023 г. Ответом на катастрофическую ситуацию в секторе Газа стали обязательства ряда арабских стран, таких как ОАЭ, КСА и Иордания, по оказанию помощи Агентству Организации Объединенных Наций для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР)¹.

Ожидается, что конфликт свернет начавшееся в 2020 г. арабо-израильское сближение и может отразиться на принципах отбора получателей помощи от арабских доноров.

Э. Ноймайер еще в 2003 г. установил, что поддержание дипломатических отношений с Израилем снижает шансы той или иной страны на получение помощи со стороны арабских стран, однако уже тогда это был один из наименее значимых факторов, оказывавших влияние на выбор реципиентов ОПР арабскими донорами [Neumayer, 2003].

С тех пор отношения арабского мира с Израилем пережили несколько взлетов и падений, однако в 2020 г. четыре арабских государства

¹ Hegazy A., Redvers L. Arab donors respond to Gaza crisis // *Philanthropy Age*. October 18, 2023. URL: <https://www.philanthropyage.org/articles/arab-donors-respond-to-gaza-crisis/> (дата обращения: 01.03.2024).

(ОАЭ, Бахрейн, Судан и Марокко) подписали соглашения с еврейским государством и начали открыто сотрудничать с ним сразу по нескольким направлениям. Из этого можно сделать вывод, что в начале 2020-х гг. наличие дипломатических отношений с Израилем вообще перестало влиять на решение некоторых доноров (в частности ОАЭ) о выделении помощи тем или иным государствам. Действительно, в одном из первых исследований, опирающихся на реальные количественные данные об объемах ОПР, выделяемой ОАЭ [Cochrane, 2021], отмечается, что Иордания и Египет (подписали мир с Израилем в 1979 и 1994 гг. соответственно) стабильно входили в пятерку крупнейших получателей помощи от ОАЭ начиная с 2013 г.

Исходя из всего вышесказанного, можно ли говорить о том, что октябрьская война в секторе Газа изменит подход ОАЭ к определению направлений ОПР, заставив отказаться от помощи странам, поддерживающим отношения с Израилем? Пока наиболее очевидный ответ: «Нет». Г. П. Абдуллаев отмечает: «...ОАЭ планируют поддерживать дипломатические отношения с Израилем. Это решение было обусловлено желанием ОАЭ оказать умеренное влияние на израильскую военную кампанию в Газе и одновременно защитить собственные интересы. ОАЭ, являясь важным региональным игроком и партнером США в области безопасности, выразили свою позицию через официальные осуждения действий Израиля и призывы к прекращению насилия. ОАЭ сохраняют наличие израильского посла на своей территории, что свидетельствует о стремлении к долгосрочным стратегическим отношениям с Израилем. Кроме того, мотивацией к продолжению сотрудничества были общие опасения по поводу угрозы со стороны Ирана, а также экономически обусловленная переориентация внешней политики Абу-Даби» [Абдуллаев, 2024, с. 44].

Задолго до октябрьских событий 2023 г. одним из ключевых доноров из числа аравийских монархий для Палестины стал Катар, который «переориентировал» свои программы ОПР на палестинские территории после свержения М. Мурси в Египте в 2013 г. Катар являлся одним из немногих государств, направивших помощь в подконтрольный ХАМАС сектор Газа, что вызывало неоднозначную реакцию у западных партнеров Дохи, причисляющих ХАМАС к террористическим организациям [Harmáček, Opršal, Vítová, 2022, p. 776].

После начала октябрьского конфликта Доха выступила в роли посредника в переговорах между Израилем и ХАМАС, однако на момент написания этой статьи реальных результатов в ходе переговорного процесса достигнуто не было. Вместе с тем можно предположить, что на решение арабских доноров о направлении ОПР в те или иные страны, как и раньше, будут влиять не солидарность с народом Палестины, требующая

не оказывать содействие признающим Израиль государствам, а прагматические интересы, связанные с реализацией национальных планов развития и стратегически значимых внешнеполитических приоритетов.

Заключение

Таким образом, краткий обзор особенностей арабских стран-доноров в структуре ОПР позволяет сделать вывод, что одним из главных побудительных мотивов участия в ОПР для арабских стран являются географическая близость, сопряженная с интересами национальной безопасности, которые связаны с поддержанием политической стабильности в соседних странах. К другим значимым мотивам относятся также экономические выгоды от помощи, продвижение национальных валют (например, саудовская «дипломатия риала») и стремление повысить свой статус на мировой арене как экономически устойчивых, стабильных, миролюбивых и безопасных государств.

Наличие и уровень отношений потенциального реципиента помощи с Израилем утратило свое значение для большинства арабских доноров, и маловероятно, что октябрьская война в Газе сможет радикально повлиять на стратегию выбора получателей помощи от арабских стран, которые руководствуются прагматическими соображениями, а не чувством солидарности.

В случае арабских доноров граница между официальными и неофициальными каналами помощи оказывается очень размытой, так как нередко де-юре неправительственные программы и фонды, участвующие в ОПР, возглавляют члены правящих династий, что де-факто делает такие программы частью государственной стратегии ОПР.

Среди недостатков арабских стран как доноров помощи следует выделить непрозрачность данных о потоках и объемах ОПР, зависимость финансирования программ помощи от колебаний мировых цен на углеводороды, что делает ОПР арабских стран непредсказуемой, а также негативное влияние конкуренции между донорами на экономику стран-реципиентов.

Литература / References

1. Абдуллаев Г. П. Между миром и конфликтом: Ближний Восток после «Авраамовых соглашений» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 1. С. 40–50. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-40-50
2. Бартенев В. И. Ближний Восток и Северная Африка в актуальной статистике официальной помощи развитию: Информационно-аналитический обзор. М.: Изд-во Московского университета, 2020а.
3. Бартенев В. И. Международная помощь странам Ближнего Востока и Северной Африки: управляя рисками // Доклад РСМД. 2020б. № 62. 115 с.

4. Чикризова О. С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 545–565. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-545-565
5. Benthall J., Bellion-Jourdan J. The Charitable Crescent: The Politics of Aid in the Muslim World // Journal of Islamic Studies. 2005. Vol. 16. No. 3. P. 383–386.
6. Cochrane L. The United Arab Emirates as a Global Donor: What a Decade of Foreign Aid Data Transparency Reveals // Development Studies Research. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 49–62. DOI: 10.1080/21665095.2021.1883453
7. Elkahlout G. 'Hearts and Minds': Examining the Kuwaiti Humanitarian Model as an Emerging Arab Donor // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 141–157. DOI: 10.1080/25765949.2020.1728975
8. Harmáček J., Opršal Z., Vítová P. Aid, Trade or Faith? Questioning Narratives and Territorial Pattern of Gulf Foreign Aid // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2022. Vol. 24. No. 5. P. 772–794. DOI: 10.1080/19448953.2022.2037958
9. Neumayer E. What Factors Determine the Allocation of Aid by Arab Countries and Multilateral Agencies? // Journal of Development Studies. 2003. Vol. 39. No. 4. P. 134–147.
10. Yi Li. Saudi Arabia's Economic Diplomacy through Foreign Aid: Dynamics, Objectives and Mode // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2019. Vol. 13. No. 1. P. 110–122.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чикризова Ольга Сергеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Москва, Россия; заместитель главного редактора «Вестника Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения»

Chikrizova Olga S. – PhD (Hist.), Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russia; Deputy Editor-in-Chief, Vestnik RUDN. International Relations

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23.07.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 06.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 23.07.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 06.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 339.98
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-158-176>

«НЕФТЯНОЕ ОРУЖИЕ» АРАБСКИХ СТРАН В 1973 Г.: ИТОГИ СПУСТЯ ПОЛВЕКА

Александр Иванович Яковлев

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
aliv_yak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7164-1321>

Аннотация. В статье рассматривается опыт использования нефтедобывающими странами (в основном арабскими) «нефтяного оружия» в 1973 г. Спустя полвека понятно, что последствия решительных действий стран-нефтепроизводителей привели не только к повышению ими цен на нефть и закреплению их решающей роли в мировом нефтяном хозяйстве.

Победа стран-нефтепроизводителей в противоборстве с западными государствами и западными нефтяными корпорациями способствовала обретению странами Востока больше степени самостоятельности в мировой политике и мировом хозяйстве. Произошла реструктуризация региональной системы международных отношений. В то же время эти события активизировали углубление и усложнение связей стран Востока с западной экономикой, а также расширение сотрудничества западных государств с арабскими странами и другими странами Востока.

Ключевые слова: нефть, нефтяная политика, нефтяное эмбарго, Ближневосточный кризис, нефтедобывающие страны

Для цитирования: Яковлев А. И. «Нефтяное оружие» арабских стран в 1973 г.: итоги спустя полвека. *Восточная аналитика*. 2024;15(3):158-176. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-158-176>

Original article. Politics studies

"OIL WEAPONS" OF ARAB COUNTRIES IN 1973: RESULTS AFTER HALF A CENTURY

Alexander Yakovlev

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
aliv_yak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7164-1321>

Abstract. The article discusses the experience of oil-producing countries (mainly Arab countries) using "oil weapons" in 1973. Half a century later, it is clear that the consequences of the decisive actions of oil-producing countries have not only led them to raise oil prices and consolidate their decisive role in the global oil economy. The victory of oil-producing countries in the confrontation with Western states and Western oil corporations contributed to the acquisition by Eastern countries of a greater degree of independence in world politics and the world economy. The regional system of international relations has been restructured. At the same time, these developments intensified the deepening and complication of relations between Eastern countries and Western economies, as well as the expansion of cooperation between Western states and Arab and other Eastern countries.

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Keywords: oil, oil policy, oil embargo, Middle East crisis, oil producing countries

For citation: Yakovlev A. I. "Oil weapons" of Arab Countries in 1973: Results after Half a Century. *Eastern Analytics*. 2024;15(3):158-176. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-158-176>

К событиям полувековой давности имеет смысл обратиться потому, что последствия грянувшего в 1973 г. нефтяного эмбарго действительно имели эпохальное значение. Нефтедобывающие страны Ближнего Востока смогли успешно использовать свое положение ведущих нефтепроизводителей для оказания политического давления на страны, поддерживающие Израиль, с целью ускорения решения Палестинской проблемы, а также для решения финансовых проблем своего социально-экономического развития.

Уже за первыми попытками использования «нефтяного оружия» арабскими странами было видно геополитическое противостояние двух мировых политических блоков во главе с СССР и США. Нефть превратилась в реальный и серьезный фактор международной и политической жизни. Поэтому последствия нефтяного кризиса 1973 г. не исчерпываются опытом использования арабскими странами «нефтяного оружия» и превращением стран ОПЕК в реальных субъектов мирового хозяйства и мировой политики. Названные процессы укрепляли соперничество СССР и США в мировой политике, а в сфере экономики к концу XX в. положили начало глобальному энергетическому переходу, Технологической революции и возникновению начал постиндустриального мира.

Такое представление о названных процессах выражали в свои исследованиях Е. М. Примаков, Д. Ергин, Дж. Макфарланд, О. Скороходова и другие специалисты по геополитической и энергетической проблематике. В литературе утвердилось несколько подходов к объяснению причин нефтяного кризиса: преимущественно политическое и преимущественно экономическое, а также сочетающее в разной мере оба этих начала.

Важно подчеркнуть, что нефть в начале 1970-х гг. стала непосредственным поводом для мирового кризиса в силу своей природы – в то время жизненно важным источником энергии, западные нефтяные монополии в то время были одними из самых могущественных в мире, для расчетов нефтяных операций использовался американский доллар, главная мировая валюта, а контроль над мировым нефтяным рынком виделся в то время одним из столпов американской гегемонии в мире. США, переживавшие экономический спад, стремились использовать все средства для сохранения своего лидерства, включая, как оказалось,

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

и арабское «нефтяное оружие». Все оказалось завязанным в один «нефтяной узел».

Используемое понятие *нефтяной кризис* – резкие и масштабные изменения на мировом нефтяном рынке в объемах добычи и экспорта нефти, в определении цен на нефть и доступ потребителей к желаемым объемам нефти и нефтепродуктов. Частью нефтяного кризиса является *нефтяное эмбарго* – наложение государством запрета на поставки нефти и нефтепродуктов.

Использование эмбарго как «нефтяного оружия» было не первым открытым противостоянием арабских стран и Запада в связи с Ближневосточным конфликтом, но осенью 1973 г. в первый и в последний раз оно обрело глобальный характер. Оно привело к повышению самостоятельной роли стран региона в мировых делах, а также вызвало существенные изменения в региональной системе международных отношений.

Опыт открытого вызова арабских стран-экспортеров нефти в отношении Запада показал также возможность возникновения такого типа структурных мирохозяйственных или мирополитических кризисов в будущем, с постепенно назревающим сочетанием причин и случайно подвернувшимся поводом, с активными субъектами и заинтересованными наблюдателями. В наши дни таким видится начало формирования нового мирового порядка, идущее в последние несколько лет нашего XXI в. И опыт того кризиса пятидесятилетней давности помогает прояснить возможные истоки и последствия происходящих на наших глазах процессов.

В данной статье рассматриваются предпосылки и последствия использования «нефтяного оружия» осенью 1973 г. для арабских стран – нефтепроизводителей и трансформации региональной системы международных отношений, для изменения норм взаимоотношений стран Востока и Запада.

Политические и экономические предпосылки нефтяного эмбарго до 1973 г.

Конфликт между нефтедобывающими странами и странами Запада был вызван причинами экономическими и политическими.

Потребности социально-экономического развития, причем развития ускоренного для преодоления разрыва в уровнях развития, побуждало власти к поискам увеличения доходов. Идея национализации нефтяной промышленности, казавшаяся чрезмерно смелой и революционной в 1950-е гг., когда о ней заговорили министры нефти Венесуэлы и Саудовской Аравии, спустя два десятилетия виделась вполне достижимой.

«Заморозка» Ближневосточного конфликта в условиях высокой идеологизированности Ближнего Востока тех лет и силы идеологии арабского национализма, в свою очередь, побуждала арабские власти найти рычаг давления на Запад для изменения его отношения к региональному урегулированию Ближневосточного конфликта и признанию прав палестинского народа. Надо было выйти из создавшегося переговорного тупика. О «нефтяном оружии» в арабском мире вспоминали и ранее, в 1956 г. и 1967 г., но тогда по разным причинам его масштабное и эффективное использование оказалось невозможным.

26 июля 1956 г. был национализирован Суэцкий канал. Во время последовавшей в ноябре тройственной агрессии против Египта в 1956 г. арабские патриоты взорвали нефтепроводы, доставлявшие нефть Саудовской Аравии и Ирака в порты Ливана и Сирии, в Кувейте было выведено из строя нефтяное оборудование. Саудовская Аравия объявила эмбарго на поставки нефти в Великобританию и Францию. Всё это в условиях выведенного из строя Суэцкого канала привело к немалым затруднениям на нефтяном рынке западноевропейских стран. Возник «нефтяной голод», однако не переросший в нечто большее, чем финансовые затруднения и недовольство рядовых потребителей.

Между тем реальная угроза нефтяного эмбарго возникла из-за готовности Д. Эйзенхауэра объявить нефтяные санкции против Великобритании и Франции, чтобы заставить их не только прекратить огонь на линии соприкосновения, но и вывести свои войска с египетской территории. Поддержка Вашингтоном политики Насера, парадоксально совпадавшая с политикой Москвы, объяснялась не симпатией к молодому египетскому политику, а рациональным желанием окончательно вытеснить устаревшую Британскую империю с Ближнего Востока. Этот регион приобретал всё большую геополитическую важность для США. Конечно, Лондон и Париж были вынуждены в конце ноября вывести свои войска.

Показательно, что в опубликованных спустя десятилетия прогнозах ЦРУ от 31 июля 1956 г. высказывались серьезные опасения: «В случае успеха игры Насера с Суэцким каналом искушение использовать контроль над жизненно важным водным путем в качестве политического оружия станет непреодолимым... Самой важной и уязвимой целью будут западные нефтяные концессии» (цит. по: [Колпакиди, 2024, с. 108]). Однако этого не случилось, и успокоенность западных политиков надолго укрепила их убежденность в невозможности использования самими арабами «нефтяного оружия».

Подкрепляли эту уверенность и тесные связи Вашингтона с эр-Риядом, созданные во время исторической встречи президента Ф. Рузвельта

и короля Абдель Азиза в феврале 1945 г. в Египте. Значение имело и то, в частности, что влиятельный директор ЦРУ А. Даллес симпатизировал Насеру, откровенному антикоммунисту. Блоковое геополитическое мышление проявлялось и в региональной политике.

В сентябре 1956 г. в Саудовскую столицу прибыл американский нефтепромышленник Р. Андерсон в качестве личного эмиссара президента США. Д. Эйзенхауэр надеялся сохранить американские позиции среди ведущих арабских производителей нефти, полагая возможным превращение короля Сауда в главную фигуру ближневосточного региона в качестве альтернативы Насеру. Целью поездки было убедить саудовцев оказать давление на Насера, чтобы склонить его к компромиссу в Суэцком конфликте с Западом. Но в то время и сам Насер не был готов на разрыв с Западом, он надеялся на США, на их исторически антиколониальный подход со времен В. Вильсона и разногласия с Великобританией. Показательно, что именно по совету резидента ЦРУ М. Коупленда Насер объявил в 1956 г. о получении советского оружия «из Чехословакии», давая понять, что не намеревается переводить Египет на «советскую орбиту» [Колпакиди, 2024, с. 102; Ергин, 1999, с. 522]. Лишь последовавшая позднее решительная поддержка Израиля со стороны США изменила балансирование Насера между двумя мировыми блоками в пользу СССР.

Таким образом, политический фактор оказался главным в разрешении Суэцкого кризиса, хотя угроза «нефтяного оружия» присутствовала. Причинами слабой эффективности арабского «нефтяного оружия» в то время были слабость влияния, политического и экономического потенциалов арабских стран. Суэцкий кризис был купирован и относительно быстро разрешен, Великобритания, Франция и Израиль были вынуждены отступить. Кроме того, могущественный западный нефтяной картель («семь сестер») располагал большими запасами нефти и смог оперативно восстановить поставки на рынки стран Западной Европы, а в апреле 1957 г. возобновилось движение нефтяных танкеров по Суэцкому каналу.

В ходе войны 1967 г. «нефтяное оружие» попытался использовать Ирак, прекративший поставки нефти и разорвавший также дипломатические отношения с США и Великобританией, а также пославший свои воинские подразделения на иорданский фронт. В Багдаде был объявлен полный нефтяной бойкот Западу и призыв к тому же шагу всех арабских производителей нефти [Степанова, 2016, с. 398].

Однако эта попытка использования «нефтяного оружия» оказалась еще менее эффективной, чем первая. Большинство арабских стран, включая нефтяные монархии Залива, бывшие основными поставщиками нефти, отказались присоединиться к «нефтяному бойкоту». Правите-

лям Саудовской Аравии в то время требовалась поддержка США в конфликте с республиканским Йеменом, а правители Кувейта были готовы оказать странам-участникам конфликта лишь финансовую помощь. Аравийские монархи принимали также в расчет сохраняющуюся силу нефтяного картеля, имевшего немалые резервы нефти, способные покрыть возникший дефицит в условиях летнего спада спроса на нефтяном рынке. На совещании глав арабских государств в Хартуме в августе 1967 г. было решено отказаться от нефтяного бойкота [Энергетический кризис..., 1975, с. 209].

Тем не менее сама идея использования арабской нефти как оружия борьбы не уходила из внимания арабских стран. В феврале 1970 г. на совещании в Каире глав государств АРЕ, Сирии, Ирака, Иордании и Судана было заявлено, что «арабская нация не желает видеть, как эксплуатируются ее богатства и ресурсы в интересах оказания помощи Израилю и предоставления ему оружия. Продолжение этой эксплуатации является империалистическим актом и требует от арабской нации усилий, с тем, чтобы положить этому конец» [Энергетический кризис..., 1975, с. 209]. Возможно, что ответом на этот призыв в мае 1970 г. стала диверсия в Сирии на нефтепроводе из Саудовской Аравии.

Показательно отсутствие на февральском совещании ведущих арабских стран-нефтепроизводителей, прежде всего, нефтяных монархий Залива. Они демонстрировали преимущественно политическую солидарность и оказывали щедрую финансовую помощь братским арабским странам – участницам конфликта, включая и Палестинское движение. Лишь после возникновения экономических и финансовых возможностей для ускорения своего социально-экономического развития монархи Аравии решились на открытый конфликт с нефтяными монополиями и западными странами, стоящими за «семью сестрами». Иначе говоря, использование ими «нефтяного оружия» обуславливалось не только высокими национальными и политическими целями, но и конкретной экономической выгодой.

Изменения в мире и на Ближнем Востоке к началу 1970-х гг.

К началу 1970-х гг. арабские страны окрепли в экономическом и социально-политическом плане, и часть их в большей или меньшей мере полагались на поддержку, а некоторые – и на прямую помощь СССР в военной сфере, в сферах экономики и политики.

В то же время в западной экономике возникли кризисные явления, создававшие объективные условия для радикальных перемен положения в мировом нефтяном хозяйстве. Уже в начале 1960-х гг. ситуация на мировом нефтяном рынке заметно изменилась по сравнению с пре-

дыдущим десятилетием и в отношении стран-импортеров, и в отношении экспортеров нефти, западных компаний и нефтедобывающих стран. Быстро росло потребление нефти, увеличившись в странах Западной Европы в 15 раз – с 0,97 млн барр./сут. в 1949 г. до 14,1 млн в 1972 г., а в Японии в 100 раз – с 0,032 млн барр./сут. до 4,4 млн [Ергин, 1999, с. 569].

На мировой рынок вышел СССР, после начала добычи на месторождениях в Западной Сибири готовый к поставкам больших объемов нефти по более низким ценам, чем западные компании; экспорт нефти и нефтепродуктов вырос в 4 раза – с 30 млн т в 1960 г. до 130 млн т в 1975 г. [БСЭ, т. 24-II, 1977, с. 254]. США, до 1974 г. крупнейший в мире производитель нефти, наращивали добычу в стране: в 1963 г. – 8,6 млн барр./сут., в 1973 г. – 10,9 млн барр./сут.

Помимо этого, еще в марте 1959 г. США ввели обязательные квоты на нефтяной импорт. Европа пыталась стать самостоятельной в нефтяных делах: глава итальянской компании ЭНИ Э. Маттеи добивался обеспечения Италии собственными нефтяными поставками из Ирана и СССР, чтобы не зависеть от «англосаксонских компаний». На Ближнем Востоке появлялись новые добывающие компании: в 1946 г. их было 9, в 1956 г. – 19, в 1971 г. – 81 [Ергин, 1999, с. 558]. К концу 1960-х гг. были открыты колоссальные месторождения нефти в Ливии, и темпы роста ее добычи сравнялись с уровнем Саудовской Аравии: 16,7% и 16,3%. С саудовским королевством соперничал шахский Иран, отставая по уровню добычи, но также наращивая ее в среднем за год на 14,9% [Тьюгенхет, Гамильтон, 1978, с. 468]. Власти стран региона раздавали все новые концессии и требовали от западных компаний-операторов увеличения уровня добычи ради возрастания доходов государства, необходимых для модернизации.

Это привело к тому, что объем добываемой нефти стал больше, чем объем потребностей нефтяных рынков. Нефтяные компании, чья доходность снижалась, стали увеличивать скидки с предлагаемой на мировых рынках нефти, и это привело к разрыву между рыночной ценой и той официальной ценой, которая была зафиксирована в договорах арабских стран и западных компаний-операторов, ставшей фиктивной, и ее было почти невозможно снизить. Это привело к тому, что страны-производители получали не оговоренные 50% прибыли, а 60% или даже 70%, а доходы западных нефтяных монополий сокращались.

Сложившиеся обстоятельства привели сначала «Бритиш Петролеум» в 1959 г. к понижению цен на 10% (на 18 центов за барр.), а в августе 1960 г. – «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси» заявила о снижении цены ближневосточной нефти на 7% (на 14 центов за барр.). Одностороннее снижение цен возмутило арабские нефтедобывающие страны. В ответ

по инициативе саудовского министра нефти Абдаллы Тарики в сентябре 1960 г. была создана ОПЕК.

Страны ОПЕК думали, что создали свой международный картель, регулирующий распределение рынков сбыта и уровень цен, равномогущий «Бритиш Петролеум» и другим. Но это была иллюзия. Иначе говоря, заявка на независимость еще не означает реальной независимости. В то время огромный потенциал ОПЕК страны-основатели только сознавали, но еще не могли использовать.

Им противостоял возникший в 1930-е гг. могущественнейший нефтяной картель «семь сестер». В 1972 г. в число 20 крупнейших в мире ТНК входили 9 нефтяных монополий, включая 5 американских «нефтяных слонов». Например, в 1972 г. на долю «Эксон корпорейшн» приходилось 16% мировой добычи нефти и 15% нефтепереработки нефти, компания владела 70 нефтеперерабатывающими и 64 нефтехимическими предприятиями, трубопроводами и танкерным флотом, имела сеть своих бензоколонок во всех западных странах. Стоит отметить, что собственниками «Бритиш Петролеум» и «Франсез де петроль» отчасти было государство, а американские компании обладали сильными рычагами влияния на американскую администрацию. Кроме того, уже в то время эти компании обретали мощь финансовых институтов. Преобладающей формой их экспансии становился экспорт капитала. Мощь оппонентов ОПЕК виделась несокрушимой.

Между тем, сами руководители АРАМКО, «Галф Ойл», «Бритиш Петролеум» и других западных компаний уже чувствовали тревогу за будущее своих концессий. Эта тревога усиливалась тем, что в США американские нефтяные компании, действующие в стране, пробивали принятие государством ограничений для импортной нефти. И администрации Д. Эйзенхауэра и Д. Кеннеди в 1960-е гг. были вынуждены вводить ограничения на нефтяной импорт с Ближнего Востока, в то же время стремясь удержать регион в сфере своего влияния. Американская политика в регионе раздвоилась, пытаясь сочетать учет интересов различных групп нефтяных монополий с интересами американского государства.

Изменения на мировом нефтяном рынке

Что именно нарушило в 1970–71 гг. существовавшее равновесие на мировом нефтяном рынке и подняло его значение до глобального уровня, трудно сказать однозначно. Совпали разного рода субъективные и объективные обстоятельства. Спустя полвека видно сцепление массы разных фактов и их общее кумулятивное воздействие на дела в регионе в начале 1970-х гг.

Сирия неожиданно стала препятствовать восстановлению поврежденного трубопровода «Таплайн». Новые власти Сирии после военного переворота 13 ноября 1970 г. (по официальной идеологии «исправительного движения») для расширения своей социальной опоры нуждались в увеличении финансовых поступлений, одним из источников которых были платежи от нефтепроводов «Таплайн» из Аравии и ИПК из Ирака. Революционный режим Муаммара Каддафи предложил «Оксидентл Петролеум» сократить добычу нефти, доходы от которой не было возможности рационально использовать в стране с небольшим населением и слабой экономикой. Власти Алжира выдвинули новые требования к западным нефтяным компаниям. Попытки западных компаний компенсировать возникший дефицит нефти поставками из Персидского залива оказались невозможными из-за нехватки танкеров большого тоннажа.

Вследствие этого страны Западной Европы оказались перед угрозой нехватки ежедневно 50 тыс. барр. нефти (что эквивалентно 25 млн т в год). Между тем, спрос на нефтепродукты зимой 1970–71 гг. оказался намного выше, чем в предыдущие годы: в Западной Европе он вырос на 13,3%, в Японии – на 20% [Шевалье, 1975, с. 53, 59]. Дефицит объемов нефти и тоннажа для ее перевозки способствовали подъему нефтяных цен. И оказалось, что основные импортеры нефти, включая США, готовы платить очень высокую цену за нефть, в которой они так нуждались. Так «рынок покупателей» превратился в «рынок продавцов».

16 февраля 1971 г. было подписано Тегеранское соглашение, по которому минимальная ставка налогообложения устанавливалась в 55%, вводились единые справочные цены с их ежегодным увеличением для компенсации инфляции, а цена за 1 барр. нефти выросла на 33 цента, фиксировалась отмена всех скидок нефтяным компаниям. 2 апреля 1971 г. было подписано соглашение в Триполи, в некоторых пунктах более выгодное для стран производителей [Шевалье, 1975, с. 73–75].

Но успех оказался кратковременным. В августе 1971 г. президент США Р. Никсон объявил о переходе к новой экономической политике борьбы с рецессией и стагфляцией ради предотвращения спада промышленного производства и подавления инфляции. 15 августа 1971 г. Р. Никсон принял решение о приостановке конвертации долларов в золото, по сути – о девальвации доллара.

Антикризисные меры американской администрации отозвались на Ближнем Востоке. Отмена золотого стандарта доллара сразу обрушила только-только выросшие доходы стран-производителей нефти, поскольку справочные цены были привязаны к доллару. Арабы вновь ощутили свое бессилие перед лицом Запада.

В сентябре 1971 г. на XXV конференции ОПЕК в Бейруте была выражена общая позиция: вернуться к переговорам с нефтяными компаниями по вопросу компенсации потерь от ослабевшего доллара. Согласие было достигнуто в Женевском соглашении от 20 января 1972 г.

Более важной в долгосрочном плане оказалась вторая резолюция (№ 139) Женевского соглашения, в которой утверждалось право стран – членов ОПЕК добиваться эффективного (прямого) участия в нефтяных концессиях. Это провозглашение принципа участия стало первым шагом к переходу нефтяной промышленности арабских стран в собственность государства, альтернативным революционной национализации западной собственности.

Стоит заметить, что Ямани еще в 1968 г. в лекции, прочитанной в Американском университете в Бейруте, впервые заговорил об участии. В то время это вызвало резко негативную реакцию руководителей АРАМКО. Но к 1972 г. волна национализации западных нефтяных предприятий прошла в Ливии, Алжире, Венесуэле, Индонезии, Ираке и Сирии. Фейсал, стоявший за спиной Ямани, играл не «блиц», а долгосрочную партию. Ему не были нужны нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие мощности без специалистов и рабочих, без возможности реализовывать продукцию на внешних рынках. Он был заинтересован в стабильном поступлении финансовых средств для осуществления планов модернизации страны, и неотъемлемой частью эти перемены он видел переход нефтяного сектора в собственность государства. И руководители АРАМКО в середине 1972 г. согласились с принципом участия.

Ведь в долгосрочном плане это означало сохранение позиций компаний АРАМКО в королевстве, хотя и на иных условиях. Так же очевидно было, что возраставшие доходы королевства будут потрачены на импорт столь необходимых товаров из стран Запада, прежде всего и более всего из США. Таким образом США улучшат свой платежный баланс, возмещая свои потери в виде нефтяных платежей и сокращая массу «плавающего капитала», опасного для западного финансового рынка. Тем самым вслед за нефтяным «полем взаимодействия» возникало второе «поле» финансового взаимодействия между США и Саудовской Аравией, также легшее в основу «особых отношений» двух стран. В то же 1972 г. подобные соглашения об участии были заключены с Кувейтом, Катаром и Абу-Даби. Их фактический статус в мировой системе повысился.

Но возникает вопрос: неужели могущественные нефтяные и промышленные корпорации и финансовые центры Запада во главе с США так беспомощно и покорно подчинились волне арабского национализма? Почему они пошли на уступки? Почему не использовали про-

веренную силовую «дипломатию канонерок»? Тут однозначного ответа быть не может. Перемены происходили и в жизни западных стран.

18 февраля 1970 г. президент США Р. Никсон в своем первом докладе по вопросам внешней политики, в частности, сказал: «Нашей целью в первую очередь является подкрепление наших интересов в долгосрочном плане при помощи здоровой внешней политики. Чем больше эта политика опирается на реалистическую оценку наших и чужих интересов, тем более эффективной может быть наша роль в мире. Мы не связаны с миром потому, что у нас есть обязательства; у нас есть обязательства именно потому, что мы связаны с миром. Скорее наши интересы должны формировать наши обязательства, чем наоборот» [Киссинджер, 2018, с. 700]. Такая *Realpolitik* включала в себя среди прочего и принятие в расчет чужих интересов, в нашем случае – интересов Саудовской Аравии и нефтедобывающих стран. Сейчас просто делать такие выводы, но тогда это новое понимание возникающего соотношения сил в мире и необходимость считаться с интересами отсталой «периферии» мирового хозяйства утверждалась с трудом. Собственно, колебания самого Р. Никсона в период Октябрьской войны и нефтяного кризиса 1973 г. и свидетельствуют об этом.

Тем не менее, перемены в характере отношений Запада со своей «периферией» не меняли сути неравноправных отношений в системе «центр – периферия».

Война 1973 г. и ее экономические последствия

В том же мае 1973 г. на специальном заседании Экономического совета ЛАГ позиция королевства по вопросу нефтяного эмбарго была подвергнута критике. В мае 1973 г. король Фейсал в Каире в ходе беседы с А. Садатом выслушал упреки египетского президента за «недостаточную помощь общеарабскому делу».

Положение Фейсала как Служителя двух святых мест ислама и одновременно «лучшего друга США на Ближнем Востоке» оказалось крайне затруднительно. Он был поставлен перед жестким выбором между верностью общеарабскому делу и дружбе с Западом. Фейсал выбрал первое, но не изменил и второму.

В конце мая 1973 г. в окрестностях Женевы состоялась закрытая встреча Фейсала с руководителями АРАМКО. Король подчеркнул, что выступает за расширение связей с США, что Саудовская Аравия, уважая интересы Запада, добывает нефти много больше, чем необходимо для удовлетворения ее финансовых потребностей. Но Саудовская Аравия, заявил он, в настоящее время находится в опасности оказаться в изоляции в арабском мире из-за нежелания правительства США оказать ей

помощь. Он, Фейсал, не допустит этого. «Вы же можете потерять всё», – сказал король, обращаясь к руководству американской компании [Васильев, 2010, с. 396–403]. За словами Фейсала последовали публичные заявления министров Омара Саккафа и Ахмеда Заки Ямани о возможном использовании Саудовской Аравией нефти как политического оружия.

В мае 1973 г. прошли переговоры руководства АРАМКО с высшими сановниками королевства эмиром Наввафом ибн Абдель Азизом, Ахмедом Заки Ямани, Омаром Саккафом, Рашидом Фараоном и Камалем Адхамом. В ходе встреч саудовская сторона подчеркивала, что королевство в настоящее время является единственным защитником американских интересов в регионе, которые, по их словам, подрываются «сионизмом вместе с коммунистами». Если американцы действительно друзья арабов, они «должны что-нибудь сделать для изменения позиции правительства США» [Яковлев, 1982, с. 100].

Приведенная хроника событий в мае 1973 г. важна потому, что показывает в подробностях сам процесс перехода двусторонних отношений на новую основу. Очевидно понимание руководителями западных нефтяных монополий реальных попыток Фейсала избежать или смягчить нефтяной кризис. В то же время очевидно прагматичное решение западной стороны пойти на то, чтобы пережить кризис, тяжесть которого падет преимущественно на развивающиеся страны и в меньшей степени на страны Западной Европы, а конечный итог которого будет выгоден США в финансовом и геополитическом плане.

23 августа 1973 г. прошел секретный визит А. Садата в Джидду, во время которого Фейсал обещал, что Саудовская Аравия в случае необходимости использует «нефтяное оружие» и увеличит финансовую помощь Египту [Валькова, 1979, с. 83].

Декларация арабских стран о намерении использовать «нефтяное оружие» вызвала 6 сентября 1973 г. лишь предостережение президента США о недопустимости дальнейшего повышения справочных цен на нефть и национализации собственности иностранных компаний под угрозой лишения этих стран западных рынков сбыта нефти и нефтепродуктов.

АРАМКО начала готовиться к неизбежному. 13 сентября 1973 г. руководители четырех компаний АРАМКО получили меморандум, в котором анализировались варианты возможного нефтяного эмбарго.

6 октября 1973 г. началась четвертая арабо-израильская война.

17 октября на совещании стран ОПЕК в Кувейте было решено сократить уровень добычи сразу на 5% и ежемесячно сокращать еще на 5% вплоть до окончательного урегулирования отношений с Израилем на основе резолюции ГА ООН № 242. Одновременно с этим страны Залива

приняли решение отказаться от Тегеранских соглашений и ввести в одностороннем порядке новые уровни цен, основанные на «рыночных ценах», начав с повышения справочных цен на 70–100% в зависимости от качества нефти (содержания серы).

19 октября, узнав о распоряжении президента Р. Никсона предоставить Израилю военную помощь на сумму 2,2 млрд долл., король Фейсал принял решение о прекращении всех поставок нефти в США и сокращения добычи нефти в стране на 10%, следуя решению совещания ОПЕК в Кувейте 17 октября [Васильев, 2010, с. 417–426].

Американский автор Э. Уолд, описывая события тех дней, констатировала, что «внутри АРАМКО не было конфликта: американцы и саудовцы находились по одну сторону баррикад... АРАМКО принадлежало все: скважины, трубопроводы, нефтеперерабатывающие мощности, корабли – и она контролировала всю логистику. Саудовская Аравия владела только 25% акций» [Уолд, 2019, с. 178].

В Европе возникла паника. «Попытки добиться соглашений о дележе между потребителями через Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) или Организацию европейского экономического развития (ОЕЭР) провалились из-за опасения потребителей, что любые совместные действия с их стороны вызовут лишь еще более крайние меры со стороны арабов», – писали английские авторы К. Тьюгендхет и А. Гамильтон [Тьюгендхет, Гамильтон, 1978, с. 279]. Отдельные страны принимали отдельные меры по ограничению спроса на нефтепродукты на внутреннем рынке, вводили нормирование или запрещение использования автотранспорта по воскресеньям.

На нефтяных рынках Западной Европы началось возрастание нефтяных цен по спирали. Страны-производители провели ряд аукционов для продажи отдельных партий нефти, и там были достигнуты поразительные результаты: предлагаемые цены в несколько раз превышали уровень справочных цен ОПЕК.

В политическом плане Европа могла мало что сделать, однако «повернулась лицом к палестинцам». Открылись возможности для европейско-арабского диалога. Сразу после введения эмбарго правительство Японии послало в Саудовскую Аравию заместителя премьер-министра Т. Мики и министра торговли и промышленности Т. Комото для переговоров об экономическом сотрудничестве [Яковлев, 1982, с. 113].

По заключению О. Скороходовой, «двойной залп «нефтяной атаки» – наложение эмбарго и четырехкратное повышение цен на «черное золото» – ввергли мировую экономику в небывалый со времен Великой депрессии кризис, преодоление которого, по сути дела, продолжалось всё десятилетие» [Скороходова, 2021, с. 50].

То есть нефтяное эмбарго и повышение цен на нефть на 70% были порождены не только политическими причинами, но прежде всего – быстрой инфляцией и девальвацией доллара. Однако действия ОПЕК наложились на перегрев западной экономики, рост зарплат в странах Европы, дефицит бюджета и торгового баланса США, растущее недоверие к американскому доллару и ненадежность доллара, что резко увеличило объем денежной массы в мире [Гринин, 2010, с. 173–174]. В США и западноевропейских странах усилились процессы спада в промышленном производстве (особенно в сталелитейной промышленности и в автомобилестроении) и роста безработицы, сочетавшиеся с высоким уровнем инфляции.

Последствия нефтяного эмбарго

К началу декабря 1973 г. страны-производители стали смягчать свою позицию по сокращению поставок нефти. В отношении нескольких стран эмбарго было отменено. В марте 1974 г. на встрече в Кувейте министры нефти Сирии и Ливии выступили за продолжение эмбарго. Но Фейсал смог продавить прекращение эмбарго для Европы, а в апреле 1974 г. – и в отношении США [McFarland, 2020, p. 149].

В свою очередь, руководители АРАМКО решали собственные задачи, используя сложившуюся ситуацию. На слушаниях в сенате США в январе-феврале 1974 г. руководители АРАМКО признали, что после повышения справочных цен прибыли компании увеличились на 350% по сравнению с 1969 г.

В декабре 1973 г. на конференции ОПЕК в Тегеране комиссия ОПЕК предлагала установить цену в 23 долл. за баррель, Саудовская Аравия – 8 долл., а шах неожиданно потребовал цену в 11,65 долл. Спустя четверть века Ямани по просьбе короля Фейсала поинтересовался у шаха, почему Иран потребовал такого повышения цены. На это Мохаммед Реза ответил: «Для ответа на ваш вопрос я предлагаю вам поехать в Вашингтон и спросить у Генри Киссинджера» [Энгдаль, 2014, с. 180].

К январю 1974 г. повышение цены нефти на 400% стало свершившимся фактом, что в частности, поставило многие развивающиеся страны – импортеры нефти перед проблемой огромного дефицита бюджета. Займы был готов предоставить МВФ.

В феврале 1975 г. было официально одобрено разработанное американским казначейством и САМА (Саудовским Валютным Агентством, выполняющим функции центрального банка) двустороннее секретное соглашение, по условиям которого саудовские сверхдоходы от продажи нефти должны были «быть в значительной степени инвестированы в погашение дефицита» в бюджете правительства США. Показательно,

что советником по инвестициям» в САМА был поставлен банкир Д. Малфорд из лондонского банка [Энгдаль, 2014, с. 166].

В июне 1974 г. президент Р. Никсон посетил Саудовскую Аравию и констатировал, что американо-саудовская дружба «сейчас развивается в активное партнерство». Позднее Г. Киссинджер так раскрыл прозвучавший тезис о партнерстве: «Мы естественные партнеры, а не противники. Страны-потребители должны иметь надежный доступ к поставкам нефти по умеренным ценам. Для того, чтобы инвестировать свои новые богатства, обретенные благодаря нефти, нефтедобывающие страны должны стать активными участниками глобальной финансовой и экономической системы, чтобы обратить свои новые богатства в товары, они должны стать крупными импортерами нашей продукции. Мы готовы сотрудничать со странами Ближнего и Среднего Востока, связывая нашу экономику и их экономики на равных условиях» (цит. по: [Боронов, 1977, с. 111]).

Между тем, нефтяное эмбарго послужило важным ускорителем процессов технологических перемен (повышения эффективности использования углеводородов, переход к альтернативным и возобновляемым источникам энергии) для стран Запада, но ранее других – для Японии, особенно остро ощущавшей свою зависимость от внешних поставок энергетического сырья.

Итоги нефтяного кризиса для арабских стран и мира

То, что было воспринято как слабость Запада, его отступление перед угрозой нефтедобывающих стран Арабского Востока о прекращении поставок, на деле было многоходовой геополитической игрой, имело скрытые смыслы, открывшиеся позднее.

Для нефтяного хозяйства реальное отступление Запада в лице глобальных нефтяных монополий означало трансформацию этих монополий, переналадку отношений и структуры, превращение монополий из полновластных управляющих в послушных операторов, а также трансформацию самих нефтяных компаний в финансово-промышленные конгломераты. Таким образом, результатом событий 1973 г. стало не только переустройство отношений между производителями и потребителями нефти, но и внутреннее преобразование ТНК. Тем самым, выгоду от конфликта получили обе стороны.

Арабы смогли стать реальными хозяевами своей нефти при превращении западных компаний из собственников в операторов. Правда, зависимость от Запада сохранилась, но характер ее изменился.

В 1970-е гг. США не решились использовать военную силу в отношении арабских стран, хотя Г. Киссинджер допускал возможность раздела

Саудовской Аравии на четыре части, а американская 82-я дивизия отрабатывала операцию высадки десанта на песчаное побережье. Их сдерживала опасность краха мирового рынка.

Как бы то ни было, на Западе исчезла самодовольная успокоенность в постоянном наличии дешевой нефти, текущей с Ближнего Востока.

Следует отметить также возникшую новую тенденцию – «глобализацию спроса на энергию» (Ергин). С ростом экономики и доходов людей неуклонно возрастает спрос на энергию. Очевидность и важность энергетической безопасности в широком понимании открылась осенью 1973 г.

В то же время, заявленные политические цели не были достигнуты с помощью «нефтяного оружия».

Вместо комплексного и всестороннего ближневосточного урегулирования Египет вскоре пошел на заключение сепаратного мира с Израилем.

Вместо существовавшего относительного единства арабского мира он оказался расколот. Усилилась тенденция к регионализации и фрагментации бывшего единства, происходит отказ от иерархии и структуры региональной системы международных отношений. Вместо признанного лидерства Египта возникает соперничество лидеров Ирака, Сирии, Саудовской Аравии и Ливии. Выстраивание нового порядка и новой системы международных отношений в регионе и в субрегионах Северной Африки, Персидского залива и Средиземноморья продолжается до наших дней.

Нерешенность политических проблем, чем дальше, тем больше усугублялась растущей после нефтяного эмбарго 1973 г. социально-экономической поляризацией в арабском мире между странами, обладавшими нефтяными запасами, и странами, лишенными «дара Аллаха». Это усиливало внутреннюю конфликтность в региональной системе и ослабляло ее безопасность. Вспыхивавшие конфликтные ситуации между «бедными» и «богатыми» странами региона пытался использовать в своих целях С. Хусейн в начале 1990-х гг., захватив Кувейт под демагогическим лозунгом «доходы от нефти – достояние всех арабов».

Для лидера ОПЕК и ОАПЕК Саудовской Аравии, обретшей в мире новое значение и авторитет, тем не менее, одно оставалось неизменным: привязка к США благодаря нефти и нефтедолларам, но не только. Конечно, за последние два десятилетия между странами возникало немало конфликтов в сферах политики (например, события 11 сентября 2001 г., убийство журналиста Джамала Хашогги) и экономики (превращение США в конкурента Саудовской Аравии благодаря сланцевой нефти).

Между тем, две страны связывают давние и прочные отношения в финансовой и военно-технической сферах. По разным оценкам

сотни миллиардов саудовских нефтедолларов вложены в финансовую систему США и различные объекты недвижимости, в промышленную сферу. Например, самый большой нефтеперерабатывающий завод в США принадлежит Сауди Арамко, а меньшие саудовские компании владеют немалым числом других промышленных предприятий. Практически все системы вооружений и военная инфраструктура в королевстве имеют происхождением США. И одновременно изменить это нельзя.

Однако опыт нефтяного кризиса 1973 г. как раз продемонстрировал высокую степень гибкости саудовской политики в отношении с Западом ради достижения своих целей и сохранения своего удобного положения в мировой системе. Проводимая наследным принцем Мухаммедом ибн Салманом политика в отношении США как раз опирается на те возможности, которые открылись осенью 1973 г., на опыт гибкого маневрирования короля Фейсала между верностью национальным интересам, требованиями арабского мира и зависимостью от США.

Можно сказать, что использование «нефтяного оружия» осенью 1973 г. оказалось разовой акцией в мировом масштабе. Однако «эмбарго ОПЕК продемонстрировало растущее влияние картеля на глобальную экономику» [Zulkifil, Naqem, 2022, p. 137] и – мировую политику, став своеобразной «репетицией» формирования более справедливого многополярного мира.

«Нефтяной шок» существенно изменил порядок и иерархию системы международных отношений в регионе Ближнего Востока. Усилились тенденции к ослаблению бывшего арабского единства, к регионализации субрегионов Северной Африки, Персидского залива, арабского Средиземноморья.

Но и бывшее единство западных стран распалось в условиях нефтяного кризиса: в 1970-е гг. Франция, Великобритания, Италия, Япония и другие страны усилили свое внимание к арабскому Востоку и палестинской проблеме, а также стали искать свои пути выхода из кризиса, помимо США. Кризис вынудил США проводить более сбалансированный курс не только на Ближнем Востоке, но и в отношениях с союзникам по НАТО.

В начале 1970-х гг. не только арабские страны, но и большинство стран неЗапада увидело перспективу создания нового мирового порядка, в большей мере отвечающего их устремлениям. В деятельности западного картеля ОПЕК они увидели пример создания собственных экономико-политических институтов для достижения собственных целей развития, такими стали в XXI в. БРИКС и ШОС, а также китайский проект, притягательный для стран не только Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, но и Юго-Западной Азии и Северной Африки.

Возникающий на наших глазах многополярный мир едва ли приобретет былую двухполюсную форму. Очевидны тенденции к формированию системы гибких и переменчивых ситуационных блоков, региональных и межрегиональных. Но в этих глобальных изменениях важную роль по-прежнему, как и в 1973 г., играют арабские страны – экспортеры нефти. Ныне, как и полвека назад, пересматриваются проблемы зависимости мировой экономики от природного сырья, а также проблема американского доллара. Иначе говоря, спустя полвека, кардинально усилив свой экономический и политический потенциал, неЗапад приступил к практическому решению задачи возрастания своей роли в мировой системе.

Литература / References

1. Боронов Р. Нефть и политика США на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Наука, 1977. 272 с. [R. Boronov. Oil and US policy in the Near and Middle East. Moscow: Nauka, 1977. 272 p.]
2. БСЭ. Т. 24-II. М.: Советская энциклопедия, 1977. 576 с. [GSE. Vol. 24-II. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1977. 576 p.]
3. Валькова Л. В. Саудовская Аравия в международных отношениях (1955–1977). М.: Наука, 1979. 224 с. [L. V. Valkova. Saudi Arabia in international relations (1955–1977). Moscow: Nauka, 1979. 224 p.]
4. Васильев А. М. Король Фейсал: личность, эпоха, вера. М.: Восточная литература, 2010. 518 с. [A. M. Vasiliev. King Faisal: personality, era, faith. Moscow: Eastern literature, 2010. 518 p.]
5. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Глобальный кризис в ретроспективе. М.: Librocom, 2010. 336 с. [L. E. Grinin, A. V. Korotaev. The global crisis in retrospect. Moscow: Librocom, 2010. 336 p.] ISBN978–5–397–00998–0
6. Ергин Е. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: DeNovo, 1999. 938 с. [D. Ergin. Extraction. World history of the struggle for oil, money and power. M.: DeNovo, 1999. 938 p.]
7. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: АСТ, 2018. 896 с. [G. Kissinger. Diplomacy. M.: AST, 2018. 896 p.]
8. Колпакиди А. Разведка и контрразведка. М.: Наше завтра, 2024. 336 с. [A. Kolpakidi. Intelligence and counterintelligence. Moscow: Nashe Zavtra, 2024. 336 p.]
9. Скороходова О. Эпоха великих потрясений: энергетический фактор в последние десятилетия холодной войны. М.: АСТ, 2021. 352 с. [O. Skorokhodova. The era of great upheavals: the energy factor in the last decades of the Cold War. Moscow: AST, 2021. 352 p.]
10. Степанова Н. В. История Ирака. XX век. М.: ИВ РАН, 2016. 663 с. [N. V. Stepanova. History of Iraq. XX century. Moscow: IOS RAS, 2016. 663 p.]
11. Тьюгендхет К., Гамильтон А. Нефть. Самый большой бизнес. М.: Прогресс, 1978. 485 с. [C. Tugendhat, A. Hamilton. Oil. The biggest business. Moscow: Progress, 1978. 485 p.]

12. Уолд Э. Р. SAUDI INC. М.: Альпина паблишер, 2019. 272 с. [E. R. Wald. SAUDI INC. Moscow: Alpina publisher, 2019. 272 p.].
13. Шевалье Ж.-М. Нефтяной кризис. М.: Прогресс, 1975. 248 с. [Chevalier J.-M. Oil crisis. Moscow: Progress, 1975. 248 p.].
14. Энгдаль У. Столетие войны. Англо-американская нефтяная политика и Новый Мировой Порядок. М.: Селадо, 2014. 408 с. [W. Engdahl. Centenary of the war. Anglo-American oil policy and the New World Order. Moscow: Selado, 2014. 408 p.]. ISBN978–5–906695–01–7
15. Энергетический кризис в капиталистическом мире. Отв. ред. Е. М. Примаков. М.: Мысль, 1975. 478 с. [Energy crisis in the capitalist world. Ed. by E. M. Primakov. Moscow: Mysl, 1975. 478 p.].
16. Яковлев А. И. Саудовская Аравия и Запад. М.: Наука, 1982. 206 с. [A. I. Yakovlev. Saudi Arabia and the West. Moscow: Nauka, 1982. 206 p.].
17. McFarland V. Oil powers: a history of the U.S.-Saudi alliance. N.Y.: Columbia University Press, 2020.
18. Zulkifil N., Haqem D. OPEC Oil shock Crisis (1973). An Analysis // *Asian Journal of Research and Management*. 2022. No. 4. Pp. 136–148. DOI:10.55057/ajrbm.2022.4.1.12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Яковлев Александр Иванович – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской Академии Наук, Москва, Россия

Yakovlev Alexander I. – DSc (Hist.), Professor, Leading Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23.07.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 06.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 23.07.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 06.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

EASTERN ANALYTICS
Peer-reviewed academic journal

Computer layout *Nadezhda V. Makeeva*

Languages in which articles in the journal can be printed: Russian, English, Arabic, Yiddish, Chinese, Korean, Turkish, Farsi, Hindi, Japanese

Signed in the press on 30.08.2024. Format 70×100/16.
Typeface Noto Serif. Circulation 500 copies. Order No.
Website: <https://analitika.ivran.ru>

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
The Science Publishing Centre, head of *A. O. Zakharov*
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031. Website: www.ivran.ru

Printed in the publishing house of LLC "White Wind"
in accord with provided materials.
28, Shchipok st., Moscow, 115093, Russian Federation
Phone: +7 (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru. Website: <https://wwprint.ru>

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Научный рецензируемый журнал

Верстальщик и корректор *Н. В. Макеева*

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский, арабский, идиш, китайский, корейский, турецкий, фарси, хинди, японский

Подписано в печать 30.08.2024. Формат 70×100/16. Гарнитура Noto Serif.
Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 500 экз. Заказ №
Веб-сайт: <https://analitika.ivran.ru>

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Веб-сайт: www.ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Белый Ветер»
115093, г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: +7 (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru. Вебсайт: <https://wwprint.ru>